

Лучьян Смолоз. Том I. Солнечная система

Никита Меньков

2024-05-06

Contents

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР ЛУЧЬЯНА СМОЛОЗА

Мир, который я хочу представить читателям, — альтернативная история. Вообразите, что было бы, если бы не только Земля, но и все (или почти все) планеты Солнечной и других систем были заселены живыми существами, и не только они, но и их спутники, астероиды, жители Вселенной свободно передвигались бы в космосе... Такое маловероятно, конечно, но и на других планетах могла появиться жизнь. Холодный для нас Марс или горячая Венера могли бы стать для других существ идеальным местом обитания.

В таком мире и происходит действие романа «Лучьян Смолоз». На планетах и их спутниках живут самые разные существа — разумные и неразумные, огромные и малюсенькие, человекообразные, птицеобразные, рыбообразные и так далее. Жители планет-гигантов обитают на твёрдом шаре под газовой оболочкой. Одни планеты технически развиваются быстрее, другие — медленнее. И даже после установления связи между ними с началом космических полётов жизнь на каждой из них протекает обособленно, история идёт своим ходом.

Действие в романе занимает почти целое тысячелетие — с середины X века до конца XIX по нашему летоисчислению. Оно происходит на всех планетах Солнечной системы, на некоторых их спутниках, астероидах и в нескольких других звёздных системах. Основные места действия — Юпитер и Сатурн, где главный герой разворачивает активную деятельность, и Земля, где он любит отдыхать. Его родная планета — Юпитер — гораздо больше Земли, но, если отбросить внешнюю газовую оболочку, устроена так же: несколько материков,

поделённых на государства и окружённых огромными океанами. То же самое и с Сатурном. Разумные жители этих планет — не только люди, но и некоторые птицы, рептилии, звери и так далее. Некоторые народы находятся на первобытной стадии развития, в то время как другие уже летают в соседние звёздные системы и создают вещи с искусственным разумом. В романе упоминается, что во всей Солнечной системе миллионы народов, так что на перенаселённых Юпитере и Сатурне их колоссально много. И у каждого — свой язык, вера, обычаи и традиции...

В большинстве своём разумные жители Юпитера и Сатурна обладают высоким интеллектом, изобретательны и активны, они достигают больших успехов в естественных и технических науках, в образовании, в освоении космоса, в военном деле. Общество на этих планетах проходит те же этапы развития, что и на Земле, но значительно опережает по времени.

На Юпитере и Сатурне большее разнообразие животных и растений, чем на Земле, но законы у природы те же. Горячая оболочка согревает газовые гиганты так же, как Солнце — Землю. На них и других планетах нет дня и ночи в нашем понимании, там жители просто работают, едят, спят и так далее в определённое время. Даже появление искусственных светил на Сатурне не меняет общего распорядка.

Роман полностью адаптирован для читателей-землян. Непонятные им явления объясняются по ходу повествования. Время и пространство в произведении исчисляются в нашем, земном измерении. Астрономические объекты названы по-нашему, хотя в разных уголках Солнечной и других систем один объект именуют по-своему. Произношение на Юпитере, Сатурне и Марсе совсем другое, буквы и звуки не идентичны нашим, и слова, в том числе имена собственные, из тех языков транскрибируются лишь подобно звучанию, но не точно.

Приятного прочтения!

ПРОЛОГ

С профессором Лукьяном Константиновичем Солнцевым, который рассказал мне о главном герое этого романа, я познакомился в ноябре 2004 года, когда учился в седьмом классе.

Как-то мы с другом Алёшей завели разговор о разных инопланетных цивилизациях и вспомнили про Лучьяна Смолоза — величайшего учёного, путешественника, политического деятеля, единственного за всю историю Президента Солнечной системы. Был он родом с планеты Юпитер, где люди жили по нескольку веков, и прожил

девятьсот тридцать лет. Его судьба меня очень заинтересовала, и Алёша дал мне адрес своего знакомого профессора, который видел воочию самого Лучьяна, чтобы я познакомился с ним и побольше узнал об этом герое.

Лукьян Константинович жил в трёхэтажном коттедже на севере Москвы. И я однажды побывал у него в гостях. Двор охранялся, но охранники предоставили мне возможность связаться с их хозяином по рации. Профессор велел пропустить меня и лично встретил в коридоре. Он был одет в красный халат и синюю шапочку. Борода, длинная, седая, висела почти до самого пола.

— Проходите, молодой человек, — сказал профессор. — Вы что-то спросить хотели?

— Нет, я друг вашего знакомого Алёши.

— А, вы, должно быть, Никита! Нет, не удивляйтесь тому, что мне известно ваше имя: Алёша мне про вас рассказывал.

— Рад знакомству.

— О, взаимно, взаимно, — профессор пожал мне руку.

Он жил в коттедже вместе с женой и трёхлетним сыном. Они теперь отдыхали, и мы тихонько прошли в его кабинет.

— Каков дом, а! — говорил профессор. — Семь комнат и десять человек прислуги! Неплохо, а?

Мы поднялись в его кабинет по винтовой лестнице. Он был обустроен в средневековом стиле и находился в башне. На белых колоннах горели факелы. У правой стены стоял шкаф с книгами. Рядом с ним находилось голубое кресло. От них ступеньки вели на помост, к телескопу под стеклянным куполом. В середине кабинета располагались письменный стол и чёрное кресло. На письменном столе стояли свечи в подсвечниках, лежали книги, которые профессор регулярно просматривал. Возле левой стены в ящики были сложены химические колбы, склянки, пробирки, в которых хозяин проводил разные опыты.

— Никита, я не могу принять тебя в таком виде, — сказал Лукьян Константинович. — Подожди меня пять минут, пока приведу себя в порядок. Посмотри пока мои научные энциклопедии.

Он подкатил голубое кресло к столу и вышел. Я сел и стал просматривать книги. Их было много. «Квантовая физика», «Открытия и достижения в области электродинамики», «Марсианские хроники (справочник)», «Цивилизация перед судом истории» и многие другие.

Профессор появился через несколько минут. Он был одет в сиреневую мантию и такого же цвета конусообразную шляпу. Сел напротив меня и спросил:

— Что желаешь — чай? кофе? какао? лимонад?

— Чай, если можно. Спасибо.

Профессор выдвинул ящик из письменного стола, достал оттуда телефонный аппарат, нажал на нём кнопку и сказал:

— Элен, две чашки мне в кабинет с пирожными, пожалуйста!

Тут же из-под стола вылез серый кот с белой мордочкой и стал тереться о мои ноги.

— Это Принцип, наш кот, — улыбнулся Лукьян Константинович.

Тут же в дверь постучали и в кабинет вошла молоденькая служанка с подносом. Она поставила чай и пирожные на стол и удалилась.

Я рассказал профессору, что меня очень заинтересовала жизнь Лучьяна, поведал, что мои предки Лука и Ивлий были слугами его сына Семёна. Старик вспомнил свою близкую дружбу с младшим братом Лучьяна — Лесмяном, знакомство с их потомками, а самого Лучьяна он видел только на похоронах.

Лукьян Константинович подвёл меня к шкафу и достал оттуда несколько томов. То были труды Лучьяна: «История древних цивилизаций», «История Средних веков», «Книга о матери», «Нибиру» и другие.

— Это лишь малая часть его работ, — сказал профессор. — Я долго собирал материалы о нём и его труды, но не всё написанное им, к сожалению, сохранилось... Всю жизнь искал человека, который создал бы роман о его жизни, но не нашёл...

— А давайте я сам напишу о его жизни, — предложил я. — В младших классах начал писать рассказы, а теперь взялся и за большие произведения, могу показать вам свои сочинения...

— Но это будет очень сложно, — предупредил меня старик. — Надо изложить столько событий, упомянуть столько имён...

— Ничего, справлюсь, — уверенно ответил я.

— В таком случае дам тебе для начала некоторые труды Лучьяна, — сказал профессор. — Пока просто прочитай их. Если что-нибудь окажется непонятным, я сам всё объясню и дополню. Только с этим делом не забрось учёбу!

На обратном пути он показал мне каменные коридоры с портретами средневековых героев на стенах и рыцарскими доспехами. Повсюду горели факелы.

КНИГА ПЕРВАЯ. ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВИЗИТЫ

Старый аристократ Моралог жил один в замке. Семьёй не обзавёлся, слуги умерли, а новых он не нанял. Сначала ему было тоскливо в одиночестве, потом привык.

Однажды к нему попросились на отдых трое путников — мужчины в широкополых шляпах и бедной, залатанной одежде. Звали их Пистолес, Карамбас и Вамос. Хозяин накормил гостей пирогом с чечевицей. Они рассказали ему о своём путешествии в далёкую страну Зусвоайю: как нашли там заброшенный древний город, в котором было очень много драгоценных камней, но случилось юпитеротрясение, животные из лесов ринулись на северо-восток, путники побежали за ними, встретили аборигенов, и те выгнали их из страны. Моралог пожалел скитальцев и оставил у себя.

Долго моросил дождь, и земля разбухла и размякла от воды. Так что повозки, ехавшие по долине мимо горы Сквент, двигались осторожно. В них сидели крестьяне, ремесленники, монахи.

Из леса выехала повозка с запряжённым ослом. Она везла молодых людей — мужчину и женщину в бедном одеянии.

— Но! Н-но! Поживей! — замахивался мужчина кнутом на осла. — Сейчас приедем, Грета...

И вдруг разразилась гроза с проливным дождём. Мужчина остановил повозку, взял женщину на руки и, подбежав к воротам, стал стучаться в них:

— Будьте милосердны, пустите переночевать!

Моралог открыл ворота, и путник вошёл. Хозяин повёл его в здание. В зале мужчина уложил женщину на диван, и старик накрыл её пледом.

— Откуда вы? — поинтересовался он.

— Мы из Вортгерта, — сообщил мужчина. — Эта женщина — моя жена. Мы работали подмастерьями у старого портного, сами из детдома, наши родители умерли.

— Как вас зовут?

- Я Кристиан, а это Грета.
- Вы христианин, не так ли?
- Да. Моя вера помогает мне жить, господин.
- Вы голодны?
- Да, но я осмелюсь просить вас о другой милости: дать нам с Гретой временный приют. Мы готовы стать вашими слугами.
- Твоя жена умеет готовить?
- Она замечательный кулинар, господин.
- Мне нужна хозяйка по кухне. А ты будешь моим извозчиком, согласен?
- О, благодарю вас, господин!
- А что с твоей женой?
- Она сильно утомилась с дороги... Ей нужно сейчас поспать.
- Моралог повёл Кристиана на кухню и там накормил жареной говядиной и напоил гранатовым соком.
- Как вы попали сюда из столь далёких мест? — спросил он.
- Три недели назад в Вортгерте случилась революция. Она была быстро подавлена, после чего в городе произошли страшные беспорядки. Надзиратели ловили левруциев — народы с юга, а так как я сам был левруций, то меня тоже могли поймать и убить. Это вынудило нас с Гретой бежать из города.
- Разговор Моралога и Кристиана прервался: в кухню вошли Пистолес, Карамбас и Вамос. Старик познакомил их с новым гостем. Тот одной рукой пожимал им руки, а другой — протирал глаза.
- О, друг, да вас клонит в сон! — заметил Моралог. — Пойдите прилягте.
- Благодарю вас, господин, — ответил Кристиан, и его отвели в спальню.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАГОВОР

Кристиан стал работать извозчиком у Моралога, а Грета — исполнять обязанности кухарки. После каждого рабочего дня она заметно уставала.

Однажды Моралог вместе с Кристианом поехал к своему приятелю, а Грета стала готовить чечевичный суп на обед. Когда она на минуту покинула кухню, туда вбежал Пистолес,

открыл перстень на пальце и высыпал его содержимое — красный порошок — в кастрюлю, после чего выбежал.

Моралог и Кристиан вернулись к обеду. Хозяин сильно проголодался, тут же сел за стол, чтобы отведать горячего супа. Но не съел он и трёх ложек, как весь побледнел и, закашлявшись, попытался встать, но тут же упал на пол. Грета бросилась поднимать его, но старик был уже мёртв.

...Пистолес, Карамбас и Вамос похоронили хозяина неподалёку от замка. И стали открыто делить его владения.

Однажды в отсутствие Кристиана Грета подслушала разговор трёх друзей.

— Надо быстрее избавиться от этих двоих. Но как?..

— Что тут сложного? Убить и закопать. Их никто здесь не знает и не будет искать.

— Мы должны сделать это сегодня. Сначала застрелим этого Кристиана, а потом расправимся с его женой. Закопаем их рядом со стариком!

...Когда после обеда они легли отдохнуть, Грета собрала все пожитки и вышла через чёрный ход. Кристиан как раз подъезжал к замку. Супруга поведала ему о заговоре, и, уложив вещи в повозку, они двинулись на восток. Но злодеи заметили исчезновение женщины и пустились в погоню.

— Быстрее, Кристиан! Быстрее! — кричала Грета, увидев вдали повозку с тремя мужчинами.

Кристиан пришпорил лошадей, и они помчались во весь опор. Но преследователи догоняли их. Карамбас стрелял им вслед из лука.

В это время из-за леса выехал король Вуллан III со свитой (он охотился на диких птиц и зверей) и заметил погоню. Тут же его слуги пронзительно засвистели, и обе повозки остановились.

— Что здесь происходит? — спросил король.

Трое его лучников окружили повозку Пистолеса, Карамбаса и Вамоса.

— Эти люди — убийцы, — предупредил Кристиан. — Держитесь с ними осторожно.

К трём злодеям подошли ещё двое королевских слуг. Один отобрал у Карамбаса лук и стрелы, другой вынул у Вамоса меч

из ножен.

— Кто вы такие? — спросил король у трёх путников.

— Мы владельцы замка на горе Сквент, — ответил Пистолес.

— Это ложь, — сказал король. — Он принадлежит моему старому другу Моралогу. Каким образом вы стали его хозяевами?

— Моралог скончался неделю назад, — сообщил Вамос.

— Но почему же меня об этом не известили? — рассердился король. — Сообщают мне всякие сплетни, а о главном умалчивают... Кто дал вам право поселиться в замке?

— Мы дальние родственники Моралога, — соврал Вамос.

— Покажите мне завещание, в котором он признаёт вас наследниками своих владений, — потребовал король.

— Оно не было составлено, — развёл руками Карамбас. — Моралог скончался внезапно.

— Но эти мужчина и женщина тоже живут в замке Моралога, — сказал Пистолес.

— Мы уже покинули его навсегда, — возразил Кристиан. — И не присваивали себе чужого. А вы убили Моралога и хотели убить нас.

— Его отравили вы! — воскликнул Пистолес. — Твоя жена варила ему этот суп!

— Но мы не подсыпали в него отравы!

— А ну прекратите! — рассердился король. — Как смеете вы ругаться в моём присутствии! Суд разберётся с вами!

И всех повезли под конвоем в королевский дворец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ

Троих злоумышленников король отдал под суд, и судьба их осталась неизвестной, а Кристиана и Грету он взял к себе во дворец. Они стали исполнять там те же обязанности, что и ранее в замке Моралога. Грета вместе с другими кухарками готовила кушанье королю, его семье и придворным, а Кристиан занимался извозом. Он вызвался дегустировать блюда монарха, сказав: «Если вы спасли жизнь мне и моей жене, то и я обязан в любом случае спасти вас».

Грета подружилась с пожилой кухаркой Арагуей и юной царской дочерью Мелиссой. Арагуя была целительницей, ведавшей всеми снадобьями от болезней и порчи. Узнав о беременности

Греты, стала заботиться о ней. И однажды нагадала ей судьбу по кофейной гуще.

— Жизнь твоя будет полна трудностей и переживаний. Тебе понадобится много терпения, чтобы сохранить мир в семье. В будущем году у тебя родятся два сына. Люби их одинаково, никого не выделяй. Один из них, с добрым и чутким сердцем, совершит много славных дел. Он станет великим героем.

— А другой? — забеспокоилась Грета.

— Другой уйдёт в отшельники и будет заниматься воровством и грабежом. Но доблести первого сына затмят в твоих очах плохие дела второго.

Грета несколько дней чувствовала себя плохо, и Арагуя поила её отварами из целебных трав.

Перед новым годом король и его слуги решили устроить праздник во дворце. К ним приехала повозка с весёлыми шутами-карликами в разноцветных колпаках. Юноши и девушки водили хороводы, играли на разных музыкальных инструментах. Повара и кухарки выносили во двор длинные столы и ставили на них провизию: поросят, птицу, картошку, грибы, зелень и многое другое. Потом посреди двора сколотили сцену, и музыканты с арфами стали исполнять шедевры древности. После них выступили балалаечники с частушками. Когда настало время, пиротехник короля повелел своим ученикам зажечь фейерверки и запустить в небо салют. И все почувствовали, что пришёл новый год — и монарх, в раздумье сидевший на троне, и его слуги, и многочисленные гости, и артисты, плясавшие на сцене, и Грета с Кристианом и Арагуей, находившиеся в покоях, и все-все-все...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. РОЖДЕНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

Королю жилось несладко: в стране то и дело случались бунты противников его политики, и ему постоянно приходилось подавлять восстания с помощью войск. Он знал, что и сам в любую минуту может слететь с престола. Но старался не думать об этом.

Арагуя пыталась создать вокруг Греты спокойную, приятную атмосферу — у неё уже скоро должны были родиться малыши. Старушка успокаивала постоянно тревожившуюся о чём-то будущую мать, говоря, что её настроение передаётся и сыновьям.

Когда пришло время, Арагуя приняла у Греты роды, омыла мальчиков и показала их собравшимся у дверей спальни

королевским слугам.

— Как же ты их назовёшь? — спросила она Грету.

— О, я хочу, чтобы им дал имена наш милосердный король, — ответила та. — Я так благодарна ему за то, что он взял нас к себе во дворец...

Вскоре в покоях появился король.

— Дорогая Грета, я исполню твоё желание, — сказал он. — Мальчиков будут звать так же, как и двух моих верных друзей, живущих в других городах, с которыми я часто езжу на охоту, — Лучьяном и Гельяном.

Грета поблагодарила его, поцеловала ему руку, и он ушёл. Непокойно было монарху. Из-за засухи в стране случился неурожай, наступил голод. Люди предлагали напасть на соседнее процветающее государство и разграбить его, но король решительно отказался от этого, и тогда против него стали собираться целые шествия. Слуги правителя устроили заговор...

А близнецы тем временем росли, крепили. Грета и Арагуя заботились о них, лелеяли их; Кристиан редко видел сыновей — почти всё время был в разъездах. А мальчики целые дни резвились, играли в спальне безделушками. Арагуя пряла, ткала, шила им одежду. Близнецы очень походили друг на друга внешне. Но Лучьян был подвижным, любопытным, рано научился выговаривать слова, а Гельян — спокойным, не таким расторопным, молчаливым. И большие светло-зелёные глаза братьев смотрели по-разному: у Лучьяна — с добротой и лаской, а у Гельяна — с тревогой. Грета не могла нарадоваться на сыновей и поблагодарила небеса за такой дар.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ТРАГЕДИЯ ВО ДВОРЦЕ

От голода гибли десятки тысяч людей в стране, но король не внимал просьбам народа о единственном выходе из этой беды — разграбить соседнее государство. Из-за этого население возненавидело его.

Настал тот день, когда покушение на монарха согласился устроить даже придворный шут. Во время игры со слугами в карты король услышал с улицы голоса — несколько сотен вооружённых людей явилось к нему.

— Что здесь происходит? — спросил он, выглянув из окна.

Но ответа не получил. В спину ему вонзились три отравленные стрелы — их пустили стражи, стоявшие у дверей. Король упал

замертво, и люди стали обстреливать дворец снаружи, бросать камни.

Толпа прорвалась во дворец. Бунтовщики убивали всех королевских слуг, которые попадались им, крушили всё на своём пути. Сломали двери в здание, ворвались внутрь, стали рубить топорами мебель, бить зеркала, срывать картины со стен.

Грета, держа на руках близнецов, с ужасом смотрела в окно. Арагуя успокаивала её, но сама тоже тревожилась. Гул толпы нарастал.

«Боже, спаси... — думала Грета. — Хотя бы моих сыновей...»

В покои вбежал Кристиан.

— Скорее уходите! — воскликнул он. — Бегите по коридору и спускайтесь вниз по верёвочной лестнице на задний двор! Сейчас они уже будут здесь!

Грета положила близнецов в большую корзину, и все выбежали в коридор. Арагуя велела супругам спускаться по лестнице впереди её, и они полезли. В коридор ворвались повстанцы и горящими стрелами расстреляли старушку. Затем подожгли здание. Кристиан пришпорил коня во дворе, и они с Гретой и младенцами покинули объятый огнём дворец через чёрный ход.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. В СТАРОЙ КРЕПОСТИ

На юге страны Ганакоры, на одном из многочисленных пустынных холмов, возвышалась старинная крепость, в которой когда-то была резиденция короля, но последние несколько веков в ней жили лишь бродяги и разбойники, да и то в редкие времена.

Там и нашли приют Кристиан, Грета и их маленькие сыновья. Недалеко от крепости располагался город Кириф, в котором отец стал работать красильщиком волокон. Мать занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Кристиан привёз из Кирифа на повозке мебель и посуду, затянул волокном все окна в крепости для защиты от сильных ветров и дождей, соорудил крышу из черепицы. Он каждый день привозил семье провизию из города.

Грете было очень жаль Арагуя, погибшую от рук бунтовщиков, и короля, и она плакала по ним...

Однажды Кристиан привёз из Кирифа Священное Писание — огромный том с молитвами, псалмами, страницы которого пожелтели от старости. В свободное от домашних забот время Грета садилась на плетённую из тростника скамью,

усаживала рядом маленьких сыновей и читала им книгу. Читала медленно — она была ещё не очень сильна в грамоте, — но выразительно. И мальчики внимательно её слушали.

В пустыне похолодало, и отец с матерью разводили костры, чтобы согреть себя и детей. Малыши спали под тёплыми верблюжьими шкурами.

Часто бывали песчаные бури и крепость заносило песком. А однажды в неё пробрался шакал и Кристиан еле прогнал его дубинкой. В пустыне водились змеи, Грета очень боялась их. Супругам пришлось обнести своё жилище изгородью из стеблей бамбука.

Вскоре и родители, и мальчики освоились в крепости, привыкли к ней. Кристиан занялся торговлей и начал ездить через пустыню с кочевниками, привозил из дальних краёв мясо, хлебные изделия, мёд и другую провизию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Время шло, семья жила так же бедно, но все были счастливы вместе. Дети выросли, учились говорить, помогали матери по хозяйству. Лучьян рос общительным и задавал ей много вопросов. А Гельян был молчалив, апатичен, часто угрюм.

Иногда у Греты сильно болела голова, и в такие минуты Лучьян забирался к ней на колени, притрагивался к её виску или темечку и гладил, и она чувствовала себя уже лучше, боль постепенно проходила.

Однажды, когда Кристиан только вернулся из Кирифа, в крепость ворвались два разбойника с саблями и чуть было не задавили маленького Лучьяна, выбежавшего навстречу им.

— Уходите отсюда! — крикнул один из них. — Это наша крепость!

— Мы оставили её пять лет назад, чтобы вести торговлю в другой стране, но сегодня вернулись! — объяснил другой.

— Но куда же мы сейчас пойдём? — растерялся Кристиан. — Да ещё с маленькими детьми? Крепость большая, тут всем хватит места...

— Скоро придут наши друзья, — предупредили разбойники. — И они убьют вас, если не покинете крепость. Сейчас же уходите!

Кристиан вздохнул и стал собирать вещи в дорогу, а Грета — одевать мальчиков.

Отец повёл семью в Кириф, к своему знакомому — проповеднику и учителю духовной школы Мелфию. Тот проявил сочувствие

к путникам, приняв их у себя и утешив. Он сам когда-то за свои проповеди был изгнан из города и много лет жил в пустыне.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЛЕГЕНДА О САМСУНЕ И ГРЕТЕ

Обширны были владения бога Самсуна — от южных морей до экваториальных гор, и за всем он неустанно следил зорким оком с высокой горы Латикоа — как жили люди, как общались, дружили, работали. В этом ему помогали другие боги. Он имел большое семейство — братьев и сестёр, нескольких жён, множество наложниц и детей. Сыновья и дочери Самсуна — боги, герои и простые люди — обитали и в его владениях, и за их пределами, но великий предок знал и помнил о каждом из них и помогал каждому в трудную минуту.

Долго правил землями этот могущественный бог. Он дал жизнь очень многим родам и под конец своего существования, когда люди перестали чтить и забыли его, уже не собирался заводить новых романов. Но однажды, гуляя в образе ветра над просторными равнинами, увидел повозку, на которой сидели молодые муж с женой, и с первого же взгляда влюбился в женщину — её звали Гретой.

Светлое чувство заполнило душу, принесло радость в сердце. Незнакомка пленила его своей красотой и скромностью. Ему захотелось сделать ей какой-нибудь подарок, и он явился к ней во сне и спросил, чего бы она хотела. Грета сказала, что ни в чём не нуждается, но желает в будущем иметь здоровых детей. Самсун решил тут же подарить ей двух близнецов и стать при этом их отцом.

На другой день он разлил озеро прямо на пути странников, оставив для них дорожку на небольшой глубине. Кристиан и Грета побрели по ней вслед за лошадью и повозкой. Озеро стало пениться, но то была не пена, а семя Самсуна. Ни о чём не подозревая, путники благополучно миновали препятствие и двинулись дальше.

Приняв обличье ветхого старца, Самсун посетил Моралога и велел ему принять у себя двух уставших скитальцев, которые вот-вот посетят его. Тот дал им приют не только по велению божества — он хотел избавиться от одиночества и днём ранее приютил ещё троих путников. Накормив гостей, старик приготовил для них спальню, а на другой день Кристиан стал у него извозчиком, а Грета — кухаркой.

Пока Самсун отлучался по делам, три злодея отравили Моралога и едва не убили Кристиана и Грету, но те успели сбежать. Король Вуллан III задержал негодяев, они попытались

оклеветать молодых супругов, но безуспешно. Злоумышленников посадили в темницу, и неизвестно, какова их дальнейшая судьба.

Кристиана и Грету поселили во дворце. Они стали исполнять те же обязанности, что и в замке Моралога. Кристиан, благодарный королю за спасение, также дегустировал вперёд него все кушанья и напитки, что подавали к столу, заботясь о том, чтобы монарха не отравили недруги.

При дворе жила старая целительница Арагуя, которая однажды предсказала Грете рождение сыновей и их дальнейшую судьбу. Самсун, находившийся в это время рядом, оставаясь невидимым, слушал её с замиранием сердца.

«Жизнь твоя будет полна трудностей и переживаний. Тебе понадобится много терпения, чтобы сохранить мир в семье. В будущем году у тебя родятся два сына. Люби их одинаково, никого не выделяй. Один из них, с добрым и чутким сердцем, совершит много славных дел. Он станет великим героем», — сказала Арагуя, и Самсун понял, что сыну передастся его великий разум и благородство.

Но предсказанная судьба второго сына стала явным наказанием Самсуну за распутство: «Другой уйдёт в отшельники и будет заниматься воровством и грабежом».

Он часто являлся во дворец невидимкой и наблюдал за тем, как о Грете заботятся Кристиан, Арагуя и сам король. Живот у будущей матери рос, в нём зарождались две жизни, и старый Самсун обещал себе оберегать её и сыновей, покуда у него ещё есть силы. После рождения близнецов Грета, благодарная монарху за приют, попросила его дать имена мальчикам, и тот назвал их в честь своих старых друзей — Лучьяном и Гельяном. Украдкой наблюдал Самсун за тем, как растут сыновья. Арагуя шила для них одежду, мастерила игрушки. Лучьян был более крепким и подвижным, чем его брат, и с любопытством познавал мир, в который пришёл.

Но первая жена Самсуна Геолия узнала о его связи с Гретой и в порыве ревности послала засуху в страну Ратирию, которой правил Вуллан III, намереваясь погубить весь её народ, и в том числе свою соперницу. Люди лишились урожая и стали голодать. Многие хотели напасть на соседнее государство, чтобы разжиться съестными припасами, и придворные побуждали к этому короля, но, будучи человеком справедливым, он отказался. И народ, и слуги остались недовольны его бездействием и стали замышлять заговор против него.

Однажды монарха застрелила собственная стража. Люди с улицы ворвались во дворец, стали убивать королевских слуг, громить и крушить всё, что попадалось под руку. Грета была в ужасе, она молилась о спасении сыновей. Положив младенцев в корзину, они с Кристианом спустились на задний двор по верёвочной лестнице, а Арагуя погибла от стрел. Супруги с детьми уехали на коне через чёрный ход.

Самсун направился к одному из своих наперсников — старцу Мелфию, странствовавшему по городам. И призвал его вернуться в Кириф, откуда тот был ранее изгнан, дать приют странникам и стать учителем близнецов.

Старый бог радовался тому, что мальчики растут здоровыми и умными. Они научились говорить, стали помогать матери по хозяйству. Лучьян заботился о ней, жалел её. По возвращении в Кириф Мелфий поселил семью у себя, а Самсун отправился на свою гору, спокойный за дальнейшую судьбу Греты и сыновей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ДУХОВНАЯ ШКОЛА

Когда Лучьяну и Гельяну исполнилось семь лет, Кристиан отдал их в духовную школу Мелфия. Там изучали религию, историю, родной язык, военное дело.

Школа находилась в подвальном сыром помещении. Здесь на стенах горели свечи и факелы.

Ученики в одинаковых мантиях сидели за деревянными столами, а перед ними на возвышении стоял Мелфий. Всех их — больше пятидесяти человек — он запомнил по именам и впоследствии никогда не забывал. Старик произнёс приветственную речь:

— Милые дети, я очень рад, что вы ко мне пришли. Я буду воспитывать и обучать вас. И постараюсь привить вам любовь к нашей религии и к родине. Это святое для нас, и за него мы должны бороться, а если потребуется, отдать жизнь. За христианство погибли многие, а ведь Иисус Христос действительно к нам приходил и проповедовал истину. Но у христиан было много противников, и между ними случилось немало войн за эти девятьсот лет. Приверженцы Иисуса, воодушевлённые мыслью о бессмертии, вытерпели все лишения. И остались свободными людьми, не покорились царям и языческим богам.

Мелфий помолчал, осмотрел с улыбкой детей и продолжил:

— Мы также будем учиться военному делу и вскоре устроим что-то вроде посвящения в рыцари. Кто сможет — принесёт клятву

верности родине сейчас, кто пока не сможет — позже.

Перед посвящением Лучьян и другие ребята сильно волновались. Сам обряд был прост: ученик брал в руки меч и перед иконами произносил выученную речь, затем подходил к учителю, тот давал ему выпить несколько глотков святой воды и ею омывал ребёнку лицо.

Пройти посвящение решились немногие. Когда Лучьян, держа перед собой тяжёлый меч, приблизился к иконе, ему почудилось вдруг, что образ мягко засиял, и он улыбнулся. И произнёс клятву верности:

— Я, Лучьян Смолоз, принимая христианство, даю перед всеми торжественную клятву: защищать Святые Ценности, быть верным своей религии и своей родине и, если потребуется, отдать за них жизнь.

Когда ему омывали лицо святой водой, он почувствовал себя первый раз в жизни так легко и свободно, словно голубь в полёте. Теперь он стал христианином.

Гельян вслед за братом совершил тот же ритуал.

Посвящение сильно подействовало на учеников — они стали более серьёзными и вдумчивыми.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Лучьян оказался очень способным учеником, и к тому же учитель ценил в нём истинно христианские качества — доброту, отзывчивость, скромность.

У него появилось много друзей, но самым близким другом стал Васко Зюта — тихий, неприметный мальчик. Он жил с родителями и четырьмя маленькими братьями на окраине Кирифа, в старом, полуразрушенном доме. И был младше Лучьяна, но тоже прошёл посвящение и очень гордился этим.

В их стране, Ганакоре, отмечали много религиозных праздников, но особенно любили Рождество и Пасху. Их с большой радостью встречали в духовной школе. На Пасху учеников одели в нарядные костюмы, накрыли стол, подали хлеб, святую воду и немного вина. И учитель сказал детям:

— Вот, братья мои, мы и собрались вместе, чтобы встретить Святое Воскресенье. Так же сидел как-то и Иисус Христос со своими учениками за столом. Это было накануне предательства Иуды. Иисус знал, что его предадут, и знал, кто предаст. Он сказал ученикам, что один из них его предаст, и Иуда не постыдился спросить, не он ли это? Иисус, обмакнув кусок

хлеба в вине, подал его Иуде, сказав ему: «Что делаешь, делай скорее». Иуда взял кусок и вышел на улицу.

Господь взял хлеб, благословил его, разломил на куски и раздал ученикам со словами: «Возьмите, ешьте! Это Тело Моё, ломимое за вас! Помните об этом!». Затем взял чашу с вином, разбавленным водой, и сказал: «Отпейте все! Это кровь Моя, которая прольётся за вас во искупление ваших грехов».

— Учитель, а что значит «Тело Моё, ломимое за вас»? — спросил Лучьян.

— Это тело Христа, распятое на кресте, — ответил Мелфий. — А кровь прольётся за то, чтоб Бог простил всем людям их грехи.

С этими словами он тоже разломил хлеб на куски и раздал ученикам. И каждому налил немного вина, смешав с водой.

— Пейте, ешьте, братья мои. Соблюдайте заповеди Христовы, ибо Сам Христос сказал однажды: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам».

Мелфий с Лучьяном и Гельяном шёл в храм, и на улице одна молодая женщина спросила у него: что же такое Пасха?

Старик глубоко задумался, помолчал. Потом сказал:

— Это очень сложный вопрос. На него пытались ответить многие священнослужители, но не могли. За многие годы они лишь приближались к этому понятию.

Женщина была удивлена.

— И я желаю вам узнать истинное толкование этого слова, — добавил Мелфий. — Христос воскрес.

— Воистину воскрес, — ответила собеседница.

И они отправились по своим делам.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. В ГОРАХ

Кристиан часто думал о том, как бы отблагодарить Мелфия за всё, что тот делает для его семьи. Он ездил по делам в страны, расположенные севернее, и купил у одного знакомого дюжину телят. И решил в будущем продать их мясо и шкуру и отдать вырученные деньги священнику. Но, так как был очень занят, пасти подраставших телят вызвались Лучьян и Гельян. Они отправились в горную местность вместе со своими друзьями —

Васко Зютой, Зилом Баклавом, Зилом Рахманом, Наном Крустом и Левсом Клисом.

Пешком и на повозках добирались туда мальчики, путь занял несколько дней. Съев все запасы продовольствия, взятого с собой, они под конец дороги питались в харчевнях. В горах их встретил знакомый Кристиана Олвест и поселил в старой хибарке возле хлева; он каждый день приносил им еду и спрашивал, не нужно ли чего ещё. Телята все, как один, были тёмно-бурыми, все резвые. Друзья пасли их на просторных лугах в предгорье, где росла сочная трава и текли широкие прозрачные ручьи.

Собираясь в свободное время в хибарке, они зажигали свечу и играли во что-нибудь или просто беседовали. Лучьян обнаружил в себе тягу к сочинительству и стал писать поэмы о библейских героях, о которых рассказывал учитель, и читать их своим спутникам, и те были в восторге.

Мальчики жили весело. Телята росли, крепили. Несколько раз приезжал Кристиан, виделся с пастухами, интересовался их делами.

...Когда телята подросли и стали быками, он решил получить из них шкуру и мясо. Но Мелфий отказался от денег, которые тот хотел ему дать. И тогда Грета сшила чудесный ковёр, который подарила старику. А быков мальчики продали одному фермеру и купили священнику новую икону. Он был очень тронут.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. РОЖДЕНИЕ ЛЕСМЬЯНА

Когда Лучьяну и Гельяну исполнилось двенадцать лет, на свет появился их брат Лесмян. Роды у Греты принимала Реада, кухарка Мелфия. Мальчик родился слабым и хилым. Лишь с Божьей помощью всё обошлось.

Когда раздался первый крик младенца, отец с Лучьяном и Гельяном стояли перед дверями спальни. Реада омыла малыша, завернула в чистые простыни и дала матери, и та осторожно прижала его к себе. Спустя некоторое время мальчика дали поддержать отцу, и тот поцеловал сына и прошептал благословение.

— Как мы его назовём? — спросил он.

— Я хотела дать ему имя Лесмян, — ответила Грета.

— Добродетельный?.. Что ж, хорошо. Так и назовём.

На их языке «лесмян» означало «добродетель».

Поначалу малыш был слаб и бледен, но, когда мать стала кормить его своим молоком, поправился и сделался румяным.

Кристиан, мало заботившийся о старших сыновьях, вдруг стал всё свободное время отдавать младшему — играл с ним, менял ему пелёнки, иногда укладывал спать.

Мелфий решил крестить младенца, но родители согласились на это лишь тогда, когда Лесмяну исполнилось полтора года. Священник окропил мальчика святой водой и благословил его.

Лучьян и Гельян в свои тринадцать лет ещё не были крещены. И они оба отказывались от крещения. Лучьян поведал, что во сне ангел велел ему не торопиться с этим — он должен будет креститься позже, уже в зрелом возрасте. А Гельян заявил, что отрекается от религии.

— Но ты же принимал клятву! — возмутился Лучьян.

— Немедленно уходи из моего дома и не появляйся больше в школе! — воскликнул Мелфий.

Мать поняла, что предсказание Арагуи было правдивым и уже начинает сбываться...

Отец стал просить Мелфия не прогонять Гельяна из дома, и тот, по доброте душевной, согласился.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. В СВОЁМ ДОМЕ

Теперь Кристиан вновь работал торговцем, разъезжал по многим странам, и всюду у него появлялись друзья и знакомые, везде ему были рады. Но он переживал из-за ссоры между Мелфием и Гельяном. Сын перестал ходить в духовную школу и устроился на работу красильщиком волокон, как и отец когда-то. Родители очень тревожились за него. Он переселился в ту самую разрушенную крепость, теперь оставленную разбойниками. И отец решил построить свой дом, чтобы жить в нём с семьёй. Лучьян согласился с ним и выразил готовность помочь.

В городке Карбеже, что находился чуть севернее Кирифа, жил один знакомый Кристиана, у которого он купил материалы для строительства дома — доски, камни, глину. И вместе с несколькими друзьями вырыл за городом огромный котлован, обложил его камнем и залил фундамент из глины, смешанной с водой. Когда она высохла, мужчины принялись за строительство. К ним присоединился Мелфий, стал выполнять разные лёгкие поручения. За это дело взялись и Лучьян с Гельяном, и их друзья — Васко Зюта, Зил Рахман, Зил Баклав и Нан Круст. И дом рос, казалось, не по дням, а по часам.

Грета, заботившаяся о двухлетнем Лесмяне, иногда исполняла обязанности кухарки. Отпуская Реаду отдохнуть, она в огромном котле варила мясной бульон, зная, что обедать придут все — и муж, и сыновья, и их друзья. Все войдут в дом гурьбой, уставшие, но очень счастливые...

За обедом труженики наперебой говорили о том, сколько уже сделано и сколько ещё предстоит сделать. В новом доме было три комнаты; по размерам он получился небольшим, но очень уютным.

И вот настал тот час, когда семья смогла перебраться в своё жилище. Отец и близнецы перенесли туда вещи. Кристиан сердечно поблагодарил Мелфия за всё.

Лучьян учился в духовной школе последний год. Отец наставлял Гельяна на путь истинный, уговаривал его не отречься от религии и вернуться к учёбе, но тот был непоколебим.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЗОЛОТОЙ ОРДЕН

В столице Ганакоры, Грайюнкме, находился университет, в который стремились поступить школьники со всего континента, но попасть туда было крайне трудно: из тысячи подавших документы принимали только одного. Вуз назывался Каллир-Каден, что на ганакорском языке означало «главное сокровище».

Если в обычной школе (в том числе и духовной) ученик все годы учился на высшем уровне, то ему при выпуске выдавался золотой орден, подтверждавший отличные знания по всем наукам. (Он сравним с нашими школьными медалями, золотой и серебряной, но доставался намного труднее, и был только золотым, серебряного ордена не было.) Его обладатель мог вне конкурса поступить в любой вуз континента.

Лучьян не имел сильного желания получить эту награду, но учился с большим старанием, слушался учителей, отличался трудолюбием.

Мелфий всегда был благосклонен к нему. Первые годы учёба давалась ему легко. Потом класс перешёл от священника к его подчинённым, молодым учителям, появились сложные предметы. Лучьян уделял одинаковое внимание всем им, не зацикливаясь на том, что больше интересовало. Он участвовал во внеклассной деятельности — посещал кружки литературы, естествознания, рисования, помогал готовить разные школьные мероприятия, устраивал походы и так далее.

А на уроках всегда внимательно слушал учителей и не отвлекался на посторонние дела. И потом все письменные работы выполнял

с лёгкостью. Если другие просили списать, давал. И так же прилежно делал домашние задания. Дома у него обычно было тихо, никто не отвлекал от занятий — отец, как и прежде, ездил по странам с товаром, мать готовила что-то на кухне, маленький Лесмян не баловался, в подвижные игры играл только на улице, разве что Гельян и друзья могли позвать на прогулку или к кому-нибудь в гости. Много работ Лучьяну приходилось выполнять за брата-близнеца, копируя его почерк — тот не слишком тяготел к учёбе и после уроков подолгу гулял с какими-то уличными дружками.

И старания мальчика дали результаты: незадолго до выпуска из школы он узнал, что единственный в классе получит высокую награду. И был несказанно счастлив. На выпускном вечере в присутствии учителей, учеников и их родителей Мелфий надел золотой орден на шею Лучьяну. Потом мать, растроганная и гордая за него, обняла и поцеловала старшего сына.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. КАЛЛИР-КАДЕН

Здание университета Каллир-Каден было очень высоким, многоэтажным, с четырьмя башнями и многочисленными пристройками.

Студенты учились здесь с большим трудом, и все десять лет — полный срок обучения — выдерживали немногие. Из вуза отчисляли без возможности восстановления за многое: за невыполнение учебного плана, за пропуски занятий, за нарушение каких-либо норм и правил и так далее. Под конец учёбы оставались самые стойкие — обычно не больше десятой части от числа поступивших. Но выпускники Каллир-Кадена, и особенно почётные, отличившиеся, ценились на вес золота и легко могли найти хорошую работу. Отец, узнав о том, что Лучьян получил орден, покачал головой и сказал, что напрасно он так старается туда попасть — его исключат в первое же время. Сын тоже понимал это, но надеялся на удачу. Ведь ему уже несказанно повезло и непременно повезёт ещё, главное — не падать духом.

Каждый из друзей Лучьяна выбрал свою судьбу. Васко Зюта стал плотником. Зил Рахман и Зил Баклав поступили в военное училище. Нан Круст, как и Гельян, начал работать красильщиком волокон. Левс Клис ушёл в монахи.

...Настал тот день, когда Лучьян должен был отправиться в Грайюнкм. Собрав вещи, взяв еды в дорогу, он стал прощаться с семьёй. Мать благословила его, и парень уехал на отцовском

осле.

Грайюнкм находился очень далеко, и путник почти месяц добирался до него по малохоженным тропам. Он ехал и подолгу не встречал ни одной живой души; начинал тревожиться, бояться, когда казалось, что остался один во всём мире, вцеплялся руками в гриву ослика и рассказывал ему о своих тревогах...

И, наконец, после долгого, изнурительного пути Лучьян прибыл в столицу — огромный город Грайюнкм, многолюдный, шумный, с широкими улицами и высокими домами, с красивыми старинными памятниками. И воочию увидел свой университет.

— Ну, с Богом... — сказал он себе, похлопал ладонью по загривку осла, испугавшегося большой толпы людей, и тот двинулся вперёд.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Лучьян, поступив в университет, смог проучиться там первый год. Он остался таким же скромным и покладистым, и его полюбили и преподаватели, и студенты. Поначалу сильно отставал в учёбе, но проявлял огромное старание: на занятиях всегда внимательно слушал наставников, потом часами просиживал над книгами.

Все науки здесь преподавались углублённо, и учиться было очень трудно. Лучьян долго жалел о том, что поступил сюда, но затем вник в эти дисциплины и даже стал получать удовольствие от их изучения.

Жил он в общежитии, в комнате с тремя другими студентами — Созоном, Сифом и Ласкертом, ставшими ему друзьями. В университете была общая кухня, где вкусно кормили, но Лучьян скучал по маминым пирогам и бульонам.

Также он близко подружился с двумя учащимися, жившими в другой комнате, — Симоном и Салесом. Симон был сентиментальным юношей, любил писать стихи своей избраннице Изе, обучавшейся в другой группе вместе с его сестрой Исидой, которая однажды заступилась за Лучьяна. Он чуть не подрался с одним вздорным юношей, поспорив с ним о чём-то, но девушка тут же отогнала обидчика и велела больше не трогать парня. Тот был очень благодарен ей и чувствовал себя неловко. И вдруг понял, что она ему симпатична...

Исида оказалась набожной девушкой, молилась по несколько раз в день, читала Евангелие, любила ходить в храм. Лучьян искал дружбы с ней. Он расспрашивал Симона о сестре, надеясь,

что тот познакомит их поближе, но друг, углубившись в науки и в свои чувства, ничего вокруг не замечал.

В университете иногда устраивались балы, и на одном из них Лучьяну посчастливилось танцевать с Исидой. Те минуты он не мог забыть...

Юноша стал ждать новый бал, надеясь вновь увидеться с ней. Но в следующий раз она не пришла. И он, расстроенный, вышел на улицу и долго бродил по городу.

Однажды во время прогулки Лучьян встретил Симона, Салеса и Исиду. И они вчетвером отправились на набережную. Симон и Салес шли впереди, обсуждая что-то, а Лучьян и Исида, отставшие от них, тоже разговорились. Сначала беседовали об учёбе, потом — о своих увлечениях. Исида увлекалась рисованием и ваянием, а также танцами. Они долго вспоминали детские годы, школу, и на прощание она ему улыбнулась. Он вновь почувствовал себя счастливым.

На следующий день после занятий Лучьян встретил её, и снова они гуляли по городу и так же тепло общались.

Но вскоре Симон и Исида получили известие, что их отец тяжело болен, и уехали к нему в соседнюю страну, где они раньше жили.

Перед Пасхой проходил ещё один бал, но Лучьян был невесел на этом торжестве, ни с кем не танцевал и всё стоял у окна, смотрел на улицу. Там разразилась сильная гроза. Юноша понял, что жизнь без Исиды для него уже теряет смысл. И что он слишком чувствителен и быстро привязывается к людям. Не хватало ему и Симона.

Но вскоре его друзья вернулись. И рассказали, что отцу стало намного лучше.

Лучьян успокоился. Родители прислали ему из Кирифа праздничный кулич и письмо. Вот что писала мать:

«Лучьян, здравствуй. Как твои дела в университете? Как ты себя чувствуешь? Мы давно тебя не видели и очень скучаем по тебе. Напиши нам о себе, пожалуйста.

У меня снова тревога на сердце. Отец, как и прежде, занимается торговлей. А Гельян ушёл в отшельники. За этот год в Кирифе случилось двадцать поджогов домов, и во всех обвиняют его — будто бы он занимался этим с шайкой разбойников. Я же сижу с маленьким Лесмяном. Он, как и ты в детстве, успокаивает меня, когда начинаю переживать.

Мелфий, как и прежде, ведёт занятия в духовной школе.

Недавно я узнала, что Васко Зюта был убит разбойничьей шайкой. Вы с ним так крепко дружили... У нас здесь теперь много воров и грабителей бродит...

Лучьян, мы прощаемся с тобой, оставайся таким же хорошим, добрым мальчиком, какой ты есть. До свидания.

Грета Смолоз».

Лучьян сильно встревожился. Неужели его брат, с которым он вместе рос, делил все радости и горести, стал разбойником? Неужели семье угрожает опасность от этих шаек?

Лучьян написал письмо Исиде, в котором предложил ей увидеться на набережной. Они встретились, и он дал девушке завернутый в бумагу кусок кулича. Она поблагодарила его. Молодые люди долго гуляли, но, едва юноша расстался с ней, ему вновь стало тревожно.

Через несколько дней в Каллир-Кадене проходил спектакль по мотивам древней пьесы «Разумное отчаяние» писателя Валкоста, и Лучьян с Исидой принимали в нём участие. Представление понравилось всем, исполнителей долго хвалили. После юноша отправил девушке несколько записок с просьбой встретиться, но она не отвечала. И он снова впал в тоску. Наконец одна девушка передала записку от неё:

«Лучьян, ты замечательный, но я поняла, что не могу ответить тебе взаимностью. Однако я очень дорожу всем, что ты для меня делаешь.

Исида».

Лучьян смял бумажку в комок, и глаза его налились кровью.

— Ничем ты не дорожишь... — прошептал он.

И в изнеможении опустился на кровать и уткнулся лицом в подушку...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ОСАДА

Лучьян очень горевал о Васко — своём лучшем друге. Раньше надеялся увидеться с ним, много думал об этой встрече. Но не судьба...

Второй год обучения в Каллир-Кадене оказался не менее трудным. Так же, как и другие студенты, Лучьян с интересом учился, дружил, гулял, писал письма родителям.

Когда этот год уже заканчивался, стало известно, что войска из соседней страны Полемии, находившейся за морем, совершили варварское вторжение в Ганакору на кораблях. Они грабили и сжигали города на севере её. От их рук гибли тысячи человек.

Директор Каллир-Кадена велел студентам отправляться на юг. Большинство их уехало из города на повозках. Преподаватели и немногие учащиеся оставались ещё в университете, когда вражеские войска окружили Грайюнкм; они решили не сдаваться захватчикам, бороться до последнего. И в первый раз Лучьян испытал чувство какого-то беспомощного страха. Он досадовал, что многие уехали: если бы остались все, то можно было бы дать хороший отпор неприятелю.

Преподаватели стали давать распоряжения студентам. Одним приказали вскипятить воду в котлах, чтобы выливать её на врагов во время осады. Другим велели приготовить зажигательные смеси.

Лучьяна отправили на крышу высматривать штурмовые отряды. С большим волнением он оглядывал город с высоты. И вдруг откуда-то донёсся гул, затем — дробь, будто колотили по железу. И Лучьян решил предупредить всех заранее.

Преподаватели и студенты вооружились ножами и саблями. Директор призвал всех драться смело.

Вражеские войска вошли во двор и обступили здание Каллир-Кадена. Некоторые солдаты были в страшных масках быков. Предводитель отряда предложил директору университета добровольно сдаться. Но получил отказ — и начал штурм.

Враги забрасывали вверх канаты с крючьями и лезли по ним. В кухне Лучьян кипятил воду в котлах и носил их товарищам, которые выливали кипяток из окон на осаждавших. Один котёл он вылил сам на какого-то солдата, который со страшным криком улетел вниз. И долго потом с содроганием вспоминал это...

Командир отдавал приказы, и воины с упорством лезли вверх. Некоторые уже проникли в здание. Массивные двери внизу были заперты, и их таранили, но пока не могли сломать.

Студенты сражались очень смело и отчаянно. Они выливали кипяток на врагов, бросали вниз бутылки с зажигательной смесью, горящие столы, стулья, диваны, тумбы. Но дверь всё-таки сломали, и солдаты проникли в здание.

Их встретили те, кто был вооружён саблями. Но войско прорвало оборону. Захватчики разбежались по зданию. Студенты бросались на них из-за углов и закалывали ножами.

Лучьян, спрятавшись на кухне за шкаф, увидел, что один из вражеских воинов, взяв два оставленных котла, понёс их прочь. И, испугавшись, что он выльет кипяток на каллир-каденцев, подбежал к нему сзади и несколько раз ударил ножом. Тот упал, горячая вода выплеснулась и обварила Лучьяну ноги. Но юноша, казалось, не чувствовал дикой боли...

Выбежав в коридор, он наткнулся на тело, лежавшее ничком — то был его друг Сиф! Горечь и злоба насквозь пронзили Лучьяна. «Надо убивать врагов! Надо мстить за Сифа...»

В одной из аудиторий Салес дрался с солдатом. Когда Лучьян подбежал к ним, то увидел, что друга пронзили саблей! И бросился на воина и стал с ним биться. Но вдруг кто-то больно кольнул его сзади. У него потемнело в глазах, и он упал. Противники, решив, что парень мёртв, убежали...

Лучьян очнулся в своей постели, в окружении товарищей, проявивших о нём заботу. Они рассказали ему, что враг побеждён. Захватчики разграбили всё здание университета, убили почти всех каллир-каденцев, сражавшихся с ними, и ушли. Но по всей стране сформировались военные отряды, которые и изгнали их из страны.

В университет вернулись уезжавшие студенты. Их встретили те немногие, кто остался в живых. Погибших с почестями похоронили и позже поставили им памятник. Лучьян долго приходил в себя, он плакал в бреду и звал брата Гельяна, и друзья успокаивали его и клали ему на лоб мокрую тряпку...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Со временем Лучьян поправился, встал на ноги, но от ран у него остались шрамы.

Врагов изгнали из страны. Лучьяна наградили ещё одним орденом — «За отвагу при обороне университета Каллир-Каден». После этого он поехал к родителям в Кириф — ему не давало покоя плохое предчувствие. Когда юноша появился в своём доме, мать бросилась к нему на шею и они обнялись и поцеловались...

На жителей города по-прежнему нападали разбойничьи шайки. Невдалеке от Кирифа нашли тело парня в изорванной одежде, в крови, очень похожего на Лучьяна и Гельяна. Одно время

думали, что это Лучьян, возвращаясь домой из Грайюнкма, погиб от чьей-то руки. Однако с его приездом все поняли, что это был Гельян...

Лучьян рассказал матери об осаде, о том, как он чудом выжил. Грета, разволновавшись, заплакала, а маленький Лесмян, сидевший у брата на коленях, погладил его по голове и бросился утешать маму.

Лучьян навестил Мелфия. Тот заметно постарел, но по-прежнему находился в бодром расположении духа, всё так же работал в школе. Он радушно принял гостя, долго беседовал с ним. И улыбался, глядя на своего воспитанника, слушая его рассказ об университете...

Потом Лучьян побывал в гостях у Зила Рахмана, Зила Баклава и других ребят. Он посетил могилы брата Гельяна и Васко Зюты, вспомнил, как играл с ними, гулял, ходил в походы, и долго плакал по ним и не мог успокоиться...

Времени для отдыха каллир-каденцам дали немного, и Лучьяну вскоре пришлось возвращаться в Грайюнкм.

Лучьян и его соседи по комнате — Созон, Сиф и Ласкерт — с самого начала подружились и помогали друг другу по учёбе и бытовым делам. Теперь, потеряв Сифа, они ещё больше сплотились. Присланную родителями еду делили на троих, пользовались вещами друг друга. Готовили обеды, стирали и убирались чаще всего вместе, но иногда делали это по очереди — кому когда удобнее.

На лекциях Лучьян старательно вёл конспекты, обдумывал всё сказанное преподавателем и затем легко писал контрольные работы. Многие нерадивые студенты просили у него тетради перед сессией, он всегда давал, и два раза ему не вернули их, но юноша помнил материал и всё равно отлично сдавал экзамены. Потом учащиеся начали пользоваться недавно изобретённым копировальным аппаратом и делать копии страниц с лекциями и фотографировать их, хотя тогда фотосъёмка была ещё редким и очень затратным делом. Иногда ребята писали доклады вместе, советовались, подсказывали друг другу, и работы получались похожими и невысоко оценивались преподавателями. Лучьян стал чаще ходить в библиотеку, внимательнее читать литературу, самостоятельно выполнять задания — и получал за них уже более высокие баллы.

Родители присылали Лучьяну деньги и еду, первое время он очень нуждался в их помощи. Но потом в письме сообщил им, что собирается найти работу, и попросил больше не тратиться на него. И вскоре устроился грузчиком в порт. Там загружал и разгружал торговые корабли. У него долго болело всё тело от тяжёлых мешков и тюков, и, боясь заработать грыжу, юноша уволился. Пришёл трудиться подсобным рабочим на стройку. Помогал строителям, переносил материалы с места на место, делал уборку. Он зарабатывал немного, но был неприхотлив, и денег хватало на жизнь. И, несмотря на его просьбу, родители всё равно продолжали помогать ему материально.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

После первых трёх лет обучения в Каллир-Кадене давались большие каникулы, и в это время студенты решили посетить северные страны континента. В путешествии могло быть много опасностей и трудностей, и поэтому в него отправились только юноши, взяв с собой мешки с вещами, провизией и деньгами.

Вначале они плыли на север по реке на корабле. Сошли на берег в одном маленьком городке. И оттуда через лес двинулись на север.

Во время отдыха юноши разводили костры на полянах, жарили мясо. Потом все ложились спать и на страже оставалось два-три человека. Однажды, когда ребята уже уснули и Лучьян с другом Дженином, охранявшие их, подбрасывали ветки в огонь, Дженин спросил:

— Лучьян, о чём ты думаешь, когда смотришь в эту тёмную бездну, что раскинута над нами?

— Я о многом думаю. Например, о том, что когда-нибудь изобрету летательный аппарат и полечу в эту бездну, увижу, что в ней кроется...

— Но вряд ли ты сможешь это сделать: уже много людей до тебя говорили то же самое, но никто ещё не смог подняться в небо и благополучно спуститься оттуда.

— Однако я должен разведать, что таится за этой бездной. Как по-твоему, мир бесконечен?

— Всему есть конец.

— Но чем может быть этот конец?

— Не знаю... Наверное, просто крошечной тьмой.

— И крошечная тьма — это тоже пространство...

Путники около месяца пробирались через влажные леса. Они охотились на животных, собирали фрукты и ягоды. И наконец вышли к берегу широкой реки. Друзья срубили много толстых ветвей и сделали из них несколько плотов, обвязав их лианами. И поплыли по течению. Оно было очень сильным, и плоты постоянно сносило в сторону. К тому же подул холодный, пронизывающий ветер.

— Ушан сердится на нас, — сказал один из ребят, Гелермос.

— Кто? — переспросили его.

— Ушан, бог грозы у здешних народов. Видите, вон в той скале живёт его дух.

— Он не существует, — ответил Лучьян. — Это всего лишь идол.

— А других богов, по-твоему, тоже нет?

— Языческих богов нет, они придуманы людьми.

С севера надвигалась туча. Она нависла над рекой, и хлынул дождь. Гребцы никак не могли справиться с бурным течением. Засверкали молнии, и загремел гром. Несколько юношей стали молиться Ушану, но гроза лишь усиливалась. Друзья промокли с ног до головы.

— Господи, останови грозу... — прошептал Лучьян. — Не дай нам погибнуть...

Дождь постепенно затих, туча поплыла дальше. Путники вскоре благополучно добрались до берега. Лучьян про себя горячо благодарил Бога.

В темноте юноши зажгли факелы и двинулись по равнине длинной цепочкой, негромко переговариваясь между собой.

Небосвод немного посветлел, и взорам путешественников явились прекрасные горы с заснеженными хребтами. Они охватывали весь горизонт. Кроме холода, парней поджидали разные опасности — обвалы, лавины. Им приходилось двигаться крайне осторожно. Дорога через горную местность была длинной и утомительной. Жуткий холод давал о себе знать. Вскоре завьюжило — началась снежная пурга, она сносила всех в сторону, друзья почти не могли идти. Когда наконец наступило затишье, они вышли к маленькому горному озеру. Запасы продуктов и воды у них к тому времени почти иссякли.

Снег здесь лежал толстым слоем. Путники запаслись ледяной водой в озере и решили взойти на горную вершину. Взявшись за руки, они поднимались к ней несколько часов, пока совсем не устали и не проголодались. Сделав привал, съели совсем немного, экономя припасы. Дальше идти было ещё труднее, но юношей это не останавливало.

...И вот наконец друзья стояли на самой вершине. Вокруг на многие километры простиралась чудесная горная страна. И дух захватывало от такой картины и от непривычной высоты. Гелермос воткнул палку в снег:

— Вот, друзья, мы с вами сумели покорить эту вершину.

Доев оставшиеся продукты, путники двинулись обратно.

...Гелермос, шедший впереди всех, провалился в жуткую воронку, засасывавшую снег. Она оказалась ямой, такой глубокой, что не было видно её дна. Юноши, связав верёвки, полезли в неё, и несколько человек сорвались вниз и погибли. Тогда решили идти за помощью. В дороге друзья стали громко разговаривать, позабыв об опасности схода лавины, и ею завалило трёх человек.

Те, кто спасся, пришли в ближайший городок, где жили рабочие, и рассказали им всё. Сильные, крепкие мужчины двинулись за парнями, захватив с собой стальной провод, кирки и лопаты.

Они извлекли из ямы тела погибших, откопали трёх человек, заваленных лавиной. Их похоронили в том же городке. Рабочие привели путников к себе, накормили, разместили у себя. Отдохнув немного, гости поблагодарили за всё добрых людей и отправились обратно в Ганакору.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ЧТО ТАИТСЯ ЗА БЕЗДНОЙ?

Когда после пяти лет обучения студенты разделялись по своим интересам по специальным профессиональным отделам университета, Лучьян пошёл в технический. Он не особенно интересовался техникой, но мечтал создать летательный аппарат, чтобы переместиться за пределы той бездны, увидеть, что есть там дальше...

Юноша сделал подробный чертёж этого устройства. Оно напоминало птицу с раскинутыми крыльями и широким хвостом.

Лучьян знал, что для осуществления его мечты нужен огромный труд, выдержка, терпение. И здесь надо было полагаться только на самого себя. Совместно с учёбой он стал работать на городском заводе. Мысли о создании задуманного устройства теперь не давали ему покоя, и парень решил посоветоваться

насчёт этого с начальником завода Сэмом Книльхтом, серьёзным, молчаливым человеком.

Лучьян работал во вторую смену, потом ужинал в заводской столовой. Однажды он увидел там Сэма, одиноко сидевшего за столиком, и попросил разрешения присесть рядом. Тот молча кивнул.

Юноша не знал, с чего начать разговор. Он предложил начальнику выпить с ним пива, заказал напиток себе и ему.

— Сэм, как опытный техник, ты должен меня понять...

— Что ты хотел?

— Я изобрёл кое-что, вернее, не изобрёл, а пока только нарисовал... — Лучьян достал из кармана чертёж, развернул его на столе.

Сэм впился глазами в схему.

— Что это?

— Это летательное устройство, которое я хочу изобрести, чтобы подняться на нём в небо и увидеть, что есть там, наверху.

— Ты шутишь?

— Нет...

— Думаешь, ты первый, кто отважился заглянуть за пределы этого мира? Таких смельчаков были тысячи. Стоит хотя бы упомянуть о Велле Кайере, который десять веков назад изобрёл что-то вроде деревянной птицы и попытался взлететь на ней, но упал и разбился. Или о Джее Винском, который четыре века назад создал нечто более совершенное и сумел долететь на нём до этой бездны, но пропал в ней, а потом останки его устройства люди нашли где-то в пустыне. Да мало ли ещё таких горе-изобретателей было...

— «За пределы этого мира»? Ты считаешь, что весь мир ограничивается той бездной?

— Я ничего не считаю. И ничего не знаю. Пока не будет доказано существование мира за пределами этой бездны, я отказываюсь что-либо утверждать или отрицать.

У Лучьяна загорелись глаза.

— Я докажу тебе и всем, что мир за этой бездной есть! Только ты должен мне кое в чём помочь!

— В чём?

— Ты не знаешь такого человека, который мог бы дать мне в пользование комнату больших размеров? Понимаю, что это дорого обойдётся, но деньги будут: я работаю и кое-что накопил...

— У меня есть такое помещение, я предоставлю его бесплатно, но для каких целей оно тебе? — удивился Сэм. — Ты правда хочешь построить эту «птицу»?

— Да, и теперь не откажусь от этого.

— Я думал, ты трезво смотришь на мир... А ты ещё ребёнок, хоть по годам и взрослый!

— Над всеми изобретателями поначалу насмехались.

Сэм предоставил Лучьяну в пользование высокое, просторное помещение на окраине города, и тот с вещами перебрался туда из Каллир-Кадена. И стал всё свободное время просиживать в раздумьях над чертежом. Взяв у завода в пользование несколько станков, запасшись разным металлическим, деревянным и стеклянным материалом, он отмерял с великой точностью каждую деталь, тщательно всё обрабатывал, орудовал топором, молотком, ножами, клещами, создавая и скрепляя детали специальными винтами и гвоздями. Лучьян просил Сэма вычестить у него из зарплаты деньги за пользование помещением и станками, но тот не вычел. И стал давать молодому человеку нужные материалы для будущего устройства.

Когда изобретатель уже достраивал свой корабль, его навестил Лесмян. Лучьян с трудом узнал брата — так сильно тот вырос. Они обнялись, и мальчик отдал корзинку с продуктами и вещами от родителей. Лучьян расспросил его, как он добрался и откуда у него ссадина на скуле.

— Пешком шёл и на попутных повозках ехал, — ответил Лесмян. — Не беспокойся, и обратно так же доберусь. Мама не хотела меня одного пускать, но она зря волнуется, я уже большой, три дня дороги осилю и никакому разбойнику не дамся. А ссадина — от драки: в пути в одном посёлке с мальчишками поцапался...

Лучьян обработал ему рану, потом накормил его едой, переданной родителями и купленной им самим прежде. Лесмян был голодным и долго не мог насытиться. Когда он наелся и отдохнул, старший брат показал ему схему корабля и то, что уже построил. Здесь претворились в реальность самые смелые решения конструкторов-профессионалов и его самого...

Судно было около шести метров в длину, четыре с половиной —

в ширину и два с половиной — в высоту. С просторной кабиной, в которой Лучьян установил кресло пилота, руль, панель управления полётом и монитор. Впереди, позади и по сторонам от неё находилось много разных устройств, необходимых для высокой манёвренности полёта, для разгона корабля и выведения за пределы гравитации планеты, для защиты пилота от возможной стихии. Лучьян ещё не знал о невесомости, но представлял, что гравитация может измениться, и достал для её сохранения камень целоний с огромной силой притяжения. И добыл топливо из сока травы под названием меламед, которую использовали прежние воздушные путешественники. Не зная, есть ли на большой высоте кислород, накачал его в несколько больших баллонов.

Лесмыан рассматривал всё это с большим удивлением и трепетом. Лучьян боялся, что брат будет смеяться над его затеей, как друзья и знакомые, но тот сказал:

— Вот это да... Лучьян, ты просто гений! Мне бы хоть частичку такого ума, как у тебя...

— Ты преувеличиваешь, — ответил Лучьян, польщённый его словами. — Не знаю, сможет ли эта железяка вообще взлететь... Мои товарищи говорят, что нет.

— Ты их не слушай, — махнул рукой Лесмыан. — У тебя всё получится!

Лучьян счастливо улыбнулся: как хорошо, что хоть кто-то поверил в его успех!

Однажды за работой, почувствовав сильную усталость, он подумал: «Ведь я не спал уже столько времени! И не буду спать, пока не осуществлю того, о чём мечтаю...»

Лучьяну шёл двадцать пятый год, и его учёба в Каллир-Кадене подходила к концу. Он написал диплом о будущем освоении космического пространства с помощью летательных аппаратов и удостоился высшего балла от комиссии. Только единицы студентов получили дипломы с отличием и стали почётными выпускниками, и Лучьян попал в их число. Но он не догадывался, что преподаватели восприняли его дипломную работу только как красивую сказку и поставили ему высокую оценку, чтобы не портить общую успеваемость...

По окончании обучения в Каллир-Кадене был устроен великий пир — выпускники и преподаватели сидели за несколькими столами во дворе университета, ели, пили, шутили, рассказывали

друг другу смешные истории, веселились. А Лучьян молчал, задумавшись о чём-то. Когда его спросили, что с ним случилось, он ответил:

— Мне нужно сообщить людям новость.

Сразу же его слова передались из уст в уста и облетели всех присутствовавших на пиру.

— Говори же, что хотел сказать, — велел Беркуций, директор университета.

— Друзья, не знаю, как вы отнесётесь к моему изобретению... — начал Лучьян. — Я несколько лет занимался в техническом отделе, изучил строение разных устройств, и мне удалось сделать это...

— Что сделать?! — в один голос воскликнули несколько человек.

— Создать новое летательное устройство...

В толпе прокатился лёгкий гул.

— Да... это корабль из прочного материала, с мощным двигателем. В полёте он может развивать огромную скорость. Я строил его несколько лет. И сейчас хочу доказать, что весь мир не ограничивается тем небом, которое над нами. Скоро, совсем скоро...

Дружный хохот не дал Лучьяну договорить. Смеялись и преподаватели, и выпускники, и работники, подносявшие провизию. Беркуций лишь улыбнулся и сказал:

— Не говори больше ничего. Учёба затмила твоё сознание. Вам всем трудно пришлось, а ты ещё и много работал, и создавал это бесполезное устройство. И говоришь про невозможное, и нам стыдно слушать твой бред...

Лучьян не поверил своим ушам... Это сказал тот самый Беркуций, который всегда понимал и поддерживал студентов?..

Слеза прокатилась по щеке молодого человека...

— Если ты не в себе, то покинь нас, пожалуйста. Так будет лучше всем, — добавил Беркуций.

Лучьян под хохот бывших друзей и наставников быстро вышел со двора. Глаза его налились кровью, сердце бешено стучало...

Лучьян долго отдыхал и отсыпался. Проснувшись и позавтракав, он в последний раз оглядел своё летательное устройство.

Сколько времени и сил ушло на его создание! Только бы не пропасть в той бездне...

Лучьян втащил внутрь «железной птицы» несколько фляг с топливом и одну флягу вылил в бак устройства. Привёл в порядок помещение, в котором несколько лет работал, и написал записку Сэму Книльхту:

«Спасибо тебе за всё, Сэм. До встречи. Жди от меня новостей».

Недавно он отправил письмо родителям. В нём рассказал о своём изобретении, о планах, попросил не волноваться за него.

...Напоследок Лучьян надел комбинезон, шлем... И забрался в кабину. Нажал кнопку и потянул на себя рычаг. Корабль загудел, на маленьких колёсиках выехал на улицу из раскрытых дверей здания, и они автоматически закрылись.

Машина, громко гудя, ехала по улицам, набирала скорость. Встречные прохожие в испуге шарахались от загадочного устройства. Лучьян с осторожностью управлял «птицей», чтобы ни на кого не наехать.

Кабина тряслась, и из-за пыли, поднявшейся на дороге, уже мало что было видно. Корабль оторвался от поверхности, стал плавно взлетать. Внизу замелькали домики, потом — леса и поля. Набрал громадную скорость, «птица» резко взмыла к той бездне тёмно-синего цвета. «Ну, с Богом!» — сказал себе Лучьян...

КНИГА ВТОРАЯ. ПУТЬ К НОВОЙ РЕЛИГИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. В НЕВЕДОМОМ МИРЕ

Бездна приближалась. Она стала тёмно-жёлтой. Лучьян нажал кнопку, и на иллюминаторы снаружи надвинулись прочные металлические пластины. Корабль сильно затрясло, стены раскалились, сделалось очень душно. Лучьян жадно глотал кислород из трубочки от баллонов. Как казалось ему, это продолжалось целую вечность, однако через некоторое время судно перестало трясти и духота начала понемногу проходить. Но убирать пластины с иллюминаторов он пока боялся. С трудом выждав полчаса, наконец решился, нажал кнопку, и пластины отодвинулись.

То, что Лучьян увидел, поразило его до глубины души. Перед ним в бесконечную даль уходили мерцавшие огоньки, и самые дальние из них образовывали белую пелену на чёрном

фоне. Самый ближний был похож на пламя свечи. Затем путешественник посмотрел в другой иллюминатор и замер: огромный шар (Лучьян не сразу понял, что это шар) оранжево-жёлтого цвета закрывал почти всё пространство. На нём чередовались светлые и тёмные полосы, проглядывались белые пятна. «Что это такое?» — спросил себя Лучьян. И тут же его осенила догадка: «Это же мой мир! Тот мир, в котором я жил! Я находился внутри этого шара!».

Двигатель ракеты вначале барахлил, потом заработал мерно. Шар очень медленно, почти незаметно стал отдаляться.

Лучьян предался восторженному созерцанию мироздания. Картина открывшегося перед ним нового мира завораживала его. Разглядывая светлячки, горевшие слабым светом, он заметил, что они разных цветов: белые, синие, красные, жёлтые... И не смог понять, что же такое эти огоньки.

Лучьян не знал, куда летит — двигался наугад. Его родной мир, полосатый оранжево-жёлтый шар, постепенно уменьшался. Когда он стал совсем маленьким, молодой человек подумал: «Неужели я, как и все там, считал, что тот мир, где мы живём, — это вся Вселенная? Да это лишь крохотная пылинка в ней!» Да, величие её потрясло...

Лучьян летел наугад очень долго. Он боялся самого близкого огонька, поняв, что это огромное пламя, просто находится далеко, опасался, что оно поглотит его корабль, поворачивал левешую на гигантской скорости «птицу» в сторону от него и почти всё долгое время полёта не смыкал глаз. Пламя незаметно увеличивалось. Потихоньку пилот съедал провизию, взятую с собой, был у него в корабле и туалет. Но со временем он стал чувствовать себя неудобно из-за того, что долго не мылся и начал обрастать бородой. Однако сильное любопытство, желание отыскать в этой тёмной бесконечности такой же мир с живыми существами не давали ему свернуть обратно.

Один раз нечто светящееся пролетело очень близко от корабля на огромной скорости и тут же исчезло. Это испугало Лучьяна. Но скоро вдали показался голубовато-белый шар, а потом и серый, поменьше. Первый больше заинтересовал путешественника, и тот решил подлететь к нему...

Бело-голубая планета приближалась, и у Лучьяна всё больше захватывало дух. Он нажимал рычаги, но тщетно. Огромный шар притягивал корабль к себе, и тот уже тонул в его атмосфере. «Какой дивный мир!» — думал молодой человек, оглядывая

приблизившиеся к нему материки, острова и океаны. Он ещё пару раз надавил на рычаги, послышался рёв двигателя, и судно, пожирая остатки топлива, рванулось вперёд. Вскоре двигатель затих, и ещё какое-то время корабль летел по инерции, затем стал падать. Лучьян понял, что теперь уже ничего не может сделать...

Пройдя сквозь скопления облаков, судно вдруг дёрнулось и медленно перевернулось. Лучьян едва успел разглядеть в иллюминатор тёмно-синюю реку. Раздался страшный грохот, и он откинулся назад, ударился обо что-то и потерял сознание...

Корабль ударился о скалу, загорелся и упал в реку. Он пылал несколько минут, затем огонь погас.

Лучьян долго лежал в кабине без сознания. А когда стал приходить в себя, то был в сильном бреду, ему казалось, что он уже на том свете. Но потом очнулся, открыл глаза и полежал ещё чуть-чуть не двигаясь.

Наконец Лучьян пошевелился и медленно поднялся — болело всё тело. Плечи ныли так, будто он долго разгружал что-то тяжёлое. В темноте долго вглядывался в треснувшее стекло иллюминатора, но не смог ничего рассмотреть. А когда открыл дверь, вода хлынула внутрь корабля. Лучьян тут же глубоко вдохнул, задержал дыхание, выплыл из корабля и устремился наверх. За эти секунды перед глазами пронеслась вся жизнь...

ГЛАВА ВТОРАЯ. НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

...Лучьян вынырнул. И часто задышал, плывя по реке. Была ночь, и тот серый шар, мимо которого он пролетал, теперь несколько сузился (на него легла тень бело-голубого шара), но так же излучал серебристый свет, и вода блестела.

Почти доплыв до берега, Лучьян увидел, что к нему приближается какое-то шершавое бревно. Это оказалось некое живое существо. Оно разинуло пасть с острыми зубами, и путешественник бросился наутёк.

Он сам не помнил, как очутился на берегу. Сердце быстро колотилось в груди. Лучьян разглядел опасное существо — это оказался крокодил. Из воды вынырнули ещё несколько его сородичей и тоже устремились к берегу. Путник двинулся прочь оттуда. Его ноги тонули в песке. Остановившись и отдышавшись, Лучьян поднял глаза к небу. Вон тот серебристый шар с грустным человеческим лицом, а вон

мигающие далёкие светлячки... А где же большое пламя? Неужели оно сгорело?..

Но вскоре он увидел вдалеке другое пламя — костёр. Возле него сидели несколько человек. «Пойду к ним... и будь что будет», — решил Лучьян.

На этой планете люди оказались такими же, как он — такое же внешнее строение тела, поведение, голоса, похожая одежда... Лучьян приблизился к странникам. Это были три девушки, двое юношей, двое мужчин постарше и старик с длинной белой бородой (наверное, вождь того племени) — все в длинных плащах.

Они увидели приближавшегося Лучьяна, но продолжили так же спокойно сидеть и смотреть на костёр. А когда он подошёл, молча подвинулись, освободив ему место, и путник сел. Юноши и старик беседовали, не обращая внимания на молодого человека, а девушки незаметно поглядывали на него.

Неожиданно кто-то засопел и зафыркал неподалёку, и Лучьян стал вглядываться в темноту, но никого не увидел. Странники не обратили никакого внимания на эти звуки. Они говорили на каком-то интересном, красивом, звучном языке.

Когда все стали есть пожарившееся на костре мясо и вкусные хлебные лепёшки, то угостили и Лучьяна. Старик продолжил свои речи, обращаясь теперь не только к прежним собеседникам, но и к нему тоже. Мужчины с интересом рассматривали комбинезон путника. В темноте опять кто-то зафыркал, и юноши, увидев, что Лучьян насторожился, повели его куда-то. И в темноте он разглядел трёх верблюдов, привязанных уздами к колу, вбитому глубоко в песок.

Лучьяна заворожил рассвет в пустыне — он снова увидел то гигантское пламя, медленно выходявшее из-за горизонта. Небо здесь было красивым, голубым и очень радовало глаз. Почти весь день путники шли по горячему песку. Лучьян постепенно начинал понимать некоторые слова из речей своих новых знакомых.

Вечером они прибыли в небольшой городок у моря. Там у вождя, которого звали Муса, жили двое друзей — Инсаф и Рахмат — состоятельные купцы, ходившие в шёлковой одежде, с драгоценными перстнями на руках. Они радушно приняли друга и его спутников, угостили их вкусными пряностями.

Один из мужчин, странствовавших с Мусой, племянник Кагир, собирался жениться на юной дочери Рахмата Семре. Лучьяну понравилась она — кроткая девушка, много времени уделявшая

Корану и молитвам. На вид ей было не более шестнадцати лет. Лучьян обычно не слушал споры Мусы и Рахмата о женитьбе, о приданом — он уходил гулять по городу, бродил, вспоминая оставленный им мир — родителей, братьев, друзей, наставников...

Здесь, в другом мире, ему предстояло ко многому привыкнуть. Бело-голубая планета вращалась вокруг своей оси, огромное светило появлялось из-за горизонта, медленно проходило по небу и скрывалось, и люди бодрствовали во время его пути и ложились спать, когда оно исчезало. А на родине царил вечный полумрак, «утро», «день», «вечер» и «ночь» были лишь условным временем.

Лучьян всё больше стал понимать язык новых друзей, беседа с ними. Однажды вечером во время Муса рассказал ему о пророке, который носил такое же имя, как и он сам. Жил этот человек больше двух тысяч лет назад, по велению Бога освободил из рабства в Египте израильтян и передал народу десять Заповедей Божьих.

— Муса разговаривал с Самим Богом? — удивился Лучьян.

— Да, были времена, когда Господь Сам спускался на грешную землю. Потом Он послал к людям Ису, который в христианстве считается Его сыном.

— Христианство — это религия?

— Да, её исповедуют и здесь, и в Европе...

— В Европе? Где это?

— На севере... Рим, Афины — неужели не слышал?

— Нет. Но про христианство много знаю. В том мире, где я раньше жил, тоже верят в Христа.

— В каком мире?

— Он очень далеко отсюда, — ответил Лучьян и замолчал: не знал, как объяснить старику, что прилетел с другой планеты.

Муса поведал ему, что несколько лет назад, прибыв в Египет с Аравийского полуострова, попал в плен со своим племянником. Тысячи рабочих строили здания и сооружения, и невольники в их числе трудились возле города Масра. Они таскали тяжёлые камни и плиты. Долго готовились Муса и Кагир к побегу, запаслись едой, которой им давали очень мало, и однажды ночью вместе с несколькими другими пленниками и служанками сбежали.

Путники прошли сотни километров, в одном из селений украли нескольких верблюдов. Потом они разделились, и Муса остался вместе с племянником и ещё одним мужчиной, двумя юношами и двумя девушками. Он знал, что у его друга Рахмата растёт красивая и добрая дочь, и решил женить на ней Кагира.

Свадьба получилась замечательной, собралось много гостей, а невеста в белом одеянии была всех красивее. На празднике Лучьян попробовал здешнее вино и пиво, и они показались ему очень вкусными; он обучился нескольким здешним танцам. И весь вечер оставался в прекрасном настроении, познакомился с гостями, шутил и смеялся вместе с ними. Но в последующие дни загрустил. И Муса выпросил у Рахмата для него маленькую ладью, чтобы Лучьян смог совершить прогулку по реке.

— Только будь осторожен, — предупредил Рахмат. — Не плавай далеко, там крокодилы.

Лучьян поблагодарил его, сел в ладью и отплыл от песчаного берега. Грести вёслами оказалось очень трудно — они были чересчур тонкими. Путника заморозил вид городка — такими красивыми казались древние здания на фоне ясного лазурного неба...

Он вновь вспомнил свою родину и заскучал по ней... И вдруг ладья треснула, и Лучьян бросился в воду...

Долго он не выныривал, а когда вынырнул, то увидел плывшие обломки ладьи и вёсел. Крокодил, сломавший их, исчез.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В ПЛЕНУ

Лучьян вышел на противоположный берег и огляделся. Невдалеке располагались какие-то постройки, и там работали люди.

Двое мужчин с палками в руках увидели молодого человека и двинулись к нему. Очевидно, это были надсмотрщики — они носили короткие льняные платья, в отличие от работников лишь с куском материи на поясе. Подойдя к незнакомцу, один из них спросил:

— Кто ты такой?

— Лучьян Смолоз. Из городка на том берегу. Мою лодку сломал крокодил, и я убежал от него.

— Это не наше имя — Лучьян. Ты чужеземец. Ты убежал из плена!

Надсмотрщики повели его к своему хозяину, толстому мужчине в длинном платье в складку, восседавшему на кресле в тени одной из построек, в окружении слуг, и лениво наблюдавшему

за ходом работы. Они подошли к нему, поклонились, заставили поклониться Лучьяна и доложили о «находке». Господин расспросил, кто он, откуда родом, что делает в их стране. Тот сказал неопределённо, что прибыл из северных стран, а когда толстяк поинтересовался, откуда именно, то, вспомнив разговор с Мусой, ответил, что из Афин. Хозяин махнул рукой надсмотрщикам, и Лучьяна тут же раздели и дали ему полотенце — обвязаться. Затем коротко постригли и отправили к другим пленным...

...Медленно потянулись дни неволи. Лучьян выполнял тяжёлую работу — таскал блоки, камни. Ночью он долго не мог заснуть — лёжа на песке с другими рабами, смотрел на звёзды. Одну из них, красного цвета, пленники называли «глазом дьявола». Лучьян читал о нём на Юпитере и знал, кто это такой.

— У нас его называют чёртом, — сказал как-то один из работников, пожилой, с более светлой, чем у других, кожей и красивым лицом. Звали этого мужчину Елисеем.

— Послушай, откуда ты? — спросил однажды Лучьян у него.

Елисей поёрзал на тёплом песке и повернулся к собеседнику:

— Я из Руси-матушки. Слышал ведь про неё?

— Нет. Это тоже такая страна?

— Это великая страна, и нет ей равных на всём белом свете. Как же ты мог не слышать про неё? Ох, дураком я был, что ушёл оттуда... Хотел мир повидать, дальние страны... Покинул Русь ещё юношей, когда княгиня Ольга отомстила древлянам за смерть своего мужа Игоря. Побывал и в Афинах, и в Царьграде, и в Иерусалиме, у Гроба Господня, и вот куда попал... Хотел поглядеть на египетские пирамиды, да в рабство угодил. А по родной земле-то плачу... Каждую ночь в слезах. Уже не вернусь, наверное, туда...

— Вернёшься, — успокоил его Лучьян. — Ты обязательно вернёшься, Елисей. Мы с тобой вместе туда пойдём.

Он думал о побеге... По ночам надсмотрщики, сменяясь по двое и по трое, бродили вокруг пленных, спавших возле построек на песке. Можно было напасть на надзирателей, оглушить их, пока они не успели позвать на помощь других, и бежать оттуда подальше...

Елисей много рассказывал новому другу о Руси — какая это великая и чудесная страна, какие в ней добрые и щедрые люди, — и Лучьяну всё больше хотелось посетить её. Долго

они находились в плену, работать заставляли от зари до заката, а кормили отбросами...

Лучьян и Елисей долго обсуждали побег и наконец поведали о своём замысле нескольким работникам. Оставалось лишь выбрать подходящую ночь. В одну из лунных ночей, когда надсмотрщики на какое-то время ушли за угол постройки, пленные сделали попытку бежать, но только троим удалось уйти — Лучьяну, Елисею и глухонемому рабу, которого звали Эне. Остальных надзиратели либо перестреляли из луков, либо поймали и отправили обратно.

— Там, за рекой, в городке живут мои друзья Муса и Рахмат, — сказал Лучьян Елисею. — Может, найти лодку и поплыть к ним? Они нас приютят.

— Не надо, — покачал головой тот. — Если хочешь побыстрее увидеть Русь, то нужно сейчас же идти туда. А пищу и приют мы найдём.

Лучьян молча кивнул.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. НУБИЯ

В дороге друзья много разговаривали, Елисей обучал спутника древнерусскому языку.

— Как ты не забыл его за столько лет? — спросил однажды Лучьян.

— Я всё время думаю на этом языке, разговариваю на нём сам с собой.

Древнерусский язык давался Лучьяну трудно — он был очень сложным, да и ум молодого человека уже переполнился несколькими юпитерианскими языками и египетским.

Елисей оказался очень легковерным человеком. Что бы ни рассказывал друг о своей жизни на Юпитере, тот беспрекословно верил ему.

— Значит, ты посланник из того мира в наш, — заключил он, — и наверняка прислан, чтобы совершить великие дела и, конечно, связать миры.

— Я никогда ничего великого не совершал и, наверное, не совершу, — возразил Лучьян. — Даже то, что я проник в этот мир, — ещё не великое дело.

— Сейчас мы в Нубии, — говорил Елисей, — я здесь долго жил, всё уже знаю. Скоро будет городок Сиена, там уж и начнётся

сам Египет.

Много парусных судов видели путники, идя по берегу реки. В Сиене их оказалось ещё больше — на них плавали купцы с товарами. На одних кораблях были паруса, а на других — нет, там люди гребли вёслами.

— Судна с парусами идут на юг, а с гребцами — на север, — сказал Елисей, — потому как река течёт на север, а ветер почти всегда дует на юг.

С городом Сиеной началась растительность и пришла небольшая прохлада. Путники отведали сладкие финики и виноград и кисловатые гранаты. Они проходили мимо засеянных полей, и Елисей говорил:

— Здесь выращивают и ячмень, и пшеницу, из которых изготавливают хлеб и пиво, и лён, из которого одежду делают.

Вода из Нила попадала на поля по выкопанным каналам.

Друзья наблюдали за приготовлением вина: земледельцы собирали виноград и выжимали в кувшины, и их оставляли открытыми для брожения.

Елисей много знал о Египте — он жил здесь очень долго.

Путники побывали в храме Луксора и в храме Амона в Карнаке, поразившем их своими размерами и великолепием. Лучьян изучал иероглифы, которыми были исписаны его стены.

— Елисей, а каким богам тут поклонялись? Много ли их? — спросил он у друга, когда они шли дальше на север.

— Здесь много богов, — ответил тот. — Но мы не знаем, каков их облик, потому как на них нельзя смотреть простым смертным и они приходили к людям не в своём обычном образе, а в виде животных. Самые главные египетские боги — Амон-Ра и Осирис. Амон-Ра — это два бога в одном лице. Это главное божество, покровитель древних фараонов. Осирис — мрачный бог, владыка мёртвых. Когда он царствовал в Египте, то научил людей сеять злаки. Народ его очень почитал. А коварный брат Сет — ненавидел. И однажды убил и расчленил. Исида — сестра и жена Осириса — нашла труп, собрала по частям и с помощью бога Анубиса бальзамировала и оживила его. Также здесь почитался Птах, по преданию, создавший жизнь.

ГЛАВА ПЯТАЯ. МЕМФИС

Путники несколько дней добирались до Мемфиса.

Это был шумный город. На рынке толпился народ, люди рассматривали и покупали у торговцев и крестьян дешёвые продукты и вещи. Те разложили их на циновках. Лучьян и спутники долго бродили там, рассматривая всё это, а продавцы зазывали к себе. Елисей долго торговался с одним купцом за глазурованный сосуд и наконец купил его по незначительной цене на ранее припасённые деньги.

— Буду хранить в нём пресную воду, когда придётся расстаться с рекой, — сказал он.

Прогулявшись по пристани, где торговцы грузили на суда папирус и холст, путники направились в храм Птаха, но не смогли посетить его: в нём шёл ремонт. Много им рассказали об этом боге местные жители. Он сотворил мир, произнося по очереди имя каждой вещи, таким образом создавая её.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. САККАРА И ГЕЛИОПОЛЬ

На другой день друзья прибыли на расположенное неподалёку от Мемфиса кладбище Саккара. Побродив между царскими пирамидами, Лучьян предстал перед пирамидой фараона Униса. Через невысокий проход ему удалось пробраться внутрь, и его поразило то, что изнутри стены были сплошь покрыты иероглифами, значения некоторых он уже понимал. Елисей и Эне стояли перед пирамидой Джосера. Она находилась внутри огромного комплекса. Эне показывал пальцем на окружающие постройки с красивой резьбой на стенах, но Елисей поднял с земли осколки камня и стал жестами объяснять:

— Там, внутри этих зданий, ничего нет, они заполнены такими кусками.

Трое путников перебрались на торговом судне на другой берег Нила, в Гелиополь — город бога Солнца Ра. Там они посетили его храм. Возле обелиска с камнем «Бенбен» Елисей поведал, что этот камень, являвшийся даром Ра, давным-давно упал сюда с неба, охваченный огнём.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГИЗА

Путники попросили одного купца подбросить их на его торговом судне до Средиземного моря, он согласился, и они стали работать вместе с гребцами, чтобы корабль шёл быстрее.

— Ну вот, друзья, скоро мы попрощаемся с Египтом, — сказал Елисей, пристально всматриваясь вдаль.

Когда вдали показались Великие пирамиды Гизы, восторгу друзей не было предела. Лучьян с удивлением смотрел на гигантские сооружения и думал: с каким же огромным

трудом их построили! Увидев сфинкса, он пришёл в трепет: сначала тот показался ему гигантским львом, но затем путник разглядел лицо фараона.

— Кто же всё это создал? — спросил он у Елисея. — Невольники?

— Нет. Это строили свободные люди, за работу их кормили, одевали, давали жильё и освобождали от налогов.

— В этих пирамидах — гробницы фараонов, — сказал один из гребцов. — Но входить туда нельзя, иначе на тебя падёт проклятие умерших правителей.

Солнце медленно, плавно заходило за горизонт; мужчины, работая вёслами, помахали ему вслед. Облака окрашивались в пурпурный цвет...

На рассвете показались приграничные крепости, и троим путникам пришлось сойти на берег, так как судно направлялось в другую сторону — в Рим.

— Моя мечта исполнится! — ликовал Елисей, пожимая руки Лучьяну и Эне. — Спасибо вам, друзья мои, что остались со мной, не покинули меня! Мы непременно доберёмся до Руси! И я верю, что каждый найдёт там своё счастье!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИЕРУСАЛИМ

Много народов повстречалось странникам в пути — они шли на Русь по восточному побережью Средиземного моря.

— У тебя есть там какие-нибудь родственники? — спросил у Елисея Лучьян.

— Когда я много лет назад покинул Русь, то у меня остались в деревне под Новгородом родители — батюшка Андрей и матушка Варвара — и братья — старший Ярослав и младший Данила, — ответил Елисей. — Матери с отцом, наверное, уже нет в живых...

Лучьяна будто что-то кольнуло: а вдруг он никогда больше не сможет увидеть своих родителей? Они уже не молоды, и, хотя на Юпитере живут очень долго, Бог знает, сможет ли он когда-нибудь вернуться на родину...

— Когда придём на Русь, сразу же отправимся в мою деревню, — решил Елисей.

Лучьян поделился с ним своими переживаниями о родителях, и тот ответил:

— Поверь мне, ты увидишь их. Сначала доберёмся до Руси, а там что-нибудь придумаем.

Путники побывали в Иерусалиме, посетили Храм Гроба Господня. Лучьяна очень впечатлило увиденное там — иконы, фигура распятого Христа, мраморные плиты, драгоценные камни...

Друзья зашли в мечеть Куббат ас-Сахра, что означало «Купол над Скалой». Елисей поведал, что это священное место — отсюда, с Храмовой горы, пророк Мухаммед на крылатом коне вознёсся на небо.

— Что здесь написано? — спросил Лучьян, остановившись возле одной из дверей мечети.

— «Врата рая», — ответил Елисей. — Я тут уже был.

В дальнейшем пути трое друзей проходили мимо руин города Баальбека; там, казалось, остановилось время — покой, тишина, лишь полуразрушенные храмы возвышаются величественно и гордо...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. МАТУШКА-РУСЬ

На всём пути до Руси путники жили подаянием; два или три раза пришлось воровать продукты. Лучьян отговаривал друзей делать это, но Елисей и Эне были непреклонны.

Мужчины добрались до Каспийского моря и двинулись дальше вдоль берега, мимо гор. Они шли дни и ночи, и вот горы закончились, потянулись степи. Друзья срывали с деревьев и кустов и ели яблоки, абрикосы, вишню, смородину.

— Ну вот, началась матушка-Русь, — говорил Елисей. — Как же давно я здесь не был...

Добравшись до великой реки Волги, путники сели на торговую ладью и поплыли на север. Елисей тут же разговорился с людьми на судне, узнал у них о событиях, происходивших теперь на Руси.

— Какой сейчас год? — спросил он.

— От сотворения мира — зело, добро, иже, иже, — ответил один парень, одетый, как и все мужчины на ладье, в рубаху и порты — неширокие, сужавшиеся книзу штаны.

Несколько раз путники замечали, что на берегу люди с факелами в руках исполняют танец вокруг выточенной из дерева фигуры какого-то божества.

— У нас новый князь — Владимир, — рассказал Елисею и его друзьям купец на судне, которого звали Ростиславом, — молод

ещё, а всё ж слава о нём ходит дурная, ой, дурная... Много людей он загубил. Жёны не любят его, и любить-то не за что...

— У него много жён? — спросил Лучьян.

— Много, много, — закивал Ростислав. — Одна из них — полоцкая княжна Рогнеда, была прежде женой Ярополка, его брата, а потом случилась усобица и Владимир убил Ярополка и отца и братьев Рогнеды, а её насильно выдал за себя замуж. А теперь он велел поставить на высоком холме возле Киева деревянных идолов богов — Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Дажьбога, Стрибога, Симаргла, Мокошь — и приносит им жертвы...

— Желает сплотить веру русскую, — объяснил один юноша. — На Руси ведь много общин, и у каждой — свои божества. Вот князь и хочет, чтобы у всех были одни и те же боги, чтобы все объединились в вере. Но я думаю, что даже в этих богов люди долго верить не будут.

— Почему? — спросил Лучьян.

— Так ведь их нет, — развёл руками парень. — И русская душа это чуёт. Скоро сбросят идолов, вот увидите.

Ночью, когда многие на ладье уже спали, Лучьян, Елисей и Ростислав смотрели на звёзды и тихо переговаривались. Елисей рассказывал про тяжёлые годы странствий. Ростислав поведал о событиях, произошедших на Руси в последние годы. Княгиня Ольга, скончавшаяся несколько лет назад, приняла в Царьграде православную веру. Она хотела, чтобы и сын её Святослав стал христианином, но тот отказался. Ростислав говорил о нём с уважением — князь был очень храбр на поле боя, дрался как лев, спал под открытым небом. После его гибели сыновья долго боролись за власть, и победу одержал Владимир.

Пока мужчины разговаривали, понемногу рассвело. Река стала шире, и путники рассмотрели холмистые берега, деревушки на них, пасшихся коров и коз. Ладью подгонял прохладный ветер.

Лучьяну очень понравилась эта страна: здесь и люди были открытые, добрые, душевные, и погода — хорошая, не жаркая, и природа — сказочно красивая... Просто душа радовалась!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. В ДЕРЕВНЕ

Ростислав жил в деревушке возле города Мурома, носившей название Вышеславцево, с семьёй — женой Анастасией и шестерыми детьми — тремя мальчиками и тремя девочками.

Он приютил у себя Елисея, Лучьяна и Эне, и они стали помогать ему по хозяйству. Вместе с хозяином и старшим его сыном Никитой обрабатывали землю, пасли скот. Мужчины валили деревья и готовили к зиме дрова. Девочки присматривали за младшими братьями, помогали матери по дому, учились у неё прясть, ткать полотно, шить одежду.

Средний сын Ростислава Кирилл любил излагать былины о русских богатырях, которые когда-то слышал от сказителей, а младший — Фома — рисовать на земле и песке. Лучьян диву давался, глядя на его рисунки — так всё красиво выходило у мальчика, которому не было ещё и пяти лет. Но однажды тот изобразил мужской детородный орган.

— Что ты нарисовал? — спросил Лучьян.

— Это наш покровитель Род, — ответил Фома.

Лучьян ещё больше изумился. Он поинтересовался у Ростислава, действительно ли так изображают главное божество Руси, и мужчина подтвердил это. И за пахотой на поле рассказал ему о богах, которым поклонялись здесь.

Особенно почитали люди Рода и Перуна. Род представлялся им творцом всего мира. Он был связан со всеми стихиями, и от него происходило всё человечество. Перун насылал грозу и дождь, при засухе и неурожае в нём особенно нуждались, и ему приносили в жертву скот. Велеса — «скотия бога» — изображали с мордой быка, он охранял скотину. Ярила делал землю плодородной, для него тоже жертвовали животных, заклиная дать хороший урожай. Дажьбог олицетворял согревающее солнце. Сварог давал людям огонь.

— Это боги, которых знает весь народ, — говорил Ростислав, — а у нас в деревне есть и свои.

В его семье, как и в других семьях на Руси, все были очень суеверны. Иногда после трудного дня мужчины парились в бане, но старались долго не засиживаться — Ростислав верил, что банник может рассердиться за позднее пребывание там и наказать. Подрались Кирилл с Фомой, поставил старший брат младшему синяк под глазом, а позже упал с печи и ушибся — мать с отцом стали говорить, что это домовый наказал. Ушёл Никита в лес по грибы да по ягоды, заблудился, два дня петлял, еле выбрался — на то родители сказали, что леший проучил — не заходи просто так в лес, у хозяина его сначала спроси позволения.

Лучьяну очень нравилась рубаха, которую сшила ему старшая дочь хозяев Федора. Никита научил его играть на гусях.

Лучьяну нравилась теперешняя жизнь. Но тоска по родителям, по брату и друзьям всё омрачала.

В деревне было много красивых девушек, и Елисей однажды сказал, что неплохо бы Лучьяна женить. Тот понимал, что это, наверное, правильно — он уже не юный, ему почти тридцать лет... Ростислав обещал дать ему в жёны Федору, когда она ещё чуть-чуть подрастёт.

Лучьян был очень благодарен хозяину за это и за приют. Кроме домашнего хозяйства, он стал заниматься сбором мёда и диких ягод, ходить на охоту.

Однажды на деревню напали разбойники, но заранее предупреждённые об этом мужики вооружились рогатинами, дубинами, луками и сразились с ними. Много их убили, остальные убежали прочь. Шесть мужчин из деревни погибли. Лучьян, Елисей и Ростислав были сильно ранены в битве.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ

Горит костёр на поляночке, а вокруг него ходят девицы красные. Никита стоит неподалёку, возле берёзки, и играет на дудочке. Так хорошо играет, что даже лес не шумит — прислушивается к его мелодии. Соловьи не поют, синицы — тоже. И звери притихли.

У Никиты и девушек венки на головах, девчата ходят друг за другом и под дудочку напевают:

Не летай, соловей, у окошечка,
Ты не пой, соловей, громки песенки,
Не буди, соловей, мово батюшку.
А мой батюшка не спит, всё кругом чинится,
Обо мне, молодой, красной девице,
Что наедут во двор злые вороги,
Увезут они меня в чужу сторону...

Девицы затихают, молча ходят по кругу, затем поют ещё несколько песен, и все садятся к костру.

Со стороны болота доносится приглушённый вскрик. Девушки испуганно поворачивают головы.

— Кто это? — спрашивает одна из них, Беяна. — Птица, что ли, какая?

— Водяной это, — отзывается Никита. — Или утопленники. Скучно им, вот они и жалуются. Бывало, иной раз иду мимо болота вечером, и чудится, что зовут меня Яшка и Тиша, утонувшие здесь...

Он толкует с девушками о разной нечисти — кикиморах, чертях, ведьмах.

— Поговаривают, что бабка Наина у нас в деревне и есть ведьма, — шепчет Никита. — Ведь все, кто с ней ругался, вскоре помирали. Бают, что она и дождь заклинает, и грозу. И с чертями водится.

— У меня отец пьяный был и поругался с ней, так в ту же ночь разбойники его убили и в реку выбросили, — вспоминает девушка Любава.

— Откуда она берёт яства? — спрашивает их подруга Прекраса. — Ведь не держит огород, целыми днями из дома своего не выходит.

— Черти ей приносят, — усмехается Никита. — А может, она вообще не то ест, что мы.

Федора сидит в сторонке от всех и грустит. Накануне ночью она гадала в бане на суженого, и потом ей привиделось во сне его лицо, но то был не Лучьян...

Бродя вечером по лесу, Лучьян увидел вдалеке голубую полосу. «Река», — понял он и двинулся к ней, собираясь искупаться.

Но, когда почти подошёл к реке и лишь один куст отделял его от воды, послышался громкий смех. На берег с другой стороны выбежали несколько девушек, кружась и заливаясь смехом. Они скинули платья, оставшись совсем голыми, и зашли в реку. Вслед за ними появились несколько парней, тоже разделись догола и кинулись в воду. Девушки, смеясь, уплывали, а те догоняли их...

Лучьян, с интересом наблюдавший эту картину из-за куста, услышал вдалеке оклик Елисея, поспешил к своему другу и рассказал ему об увиденном.

— Празднуют самую короткую ночь в году, — с улыбкой объяснил тот. — Обычно это купание голышом заканчивается повальным грехом. А здесь, в лесу, тоже сейчас девушки с парнями ходили, папоротник искали.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. НА ПОИСКИ РОДНЫХ

Лучьяна в деревне любили. Он был доброжелательным и скромным, помогал людям — кому воды из родника принесёт, кому забор починит. И никогда ничего за это не просил и не брал.

...Вечерами все в деревне — от мала до велика — выходили из бревенчатых изб на улицу. Взрослые и старики сидели на лавках, дети бегали, резвились, а юноши и девушки гуляли — плясали, водили хороводы, играли на музыкальных инструментах. Когда на улице появлялся Лучьян с гуслиями в руках, девчата не сводили с него глаз — с ним по игре никто здесь не мог сравниться. Он ходил вокруг танцевавших парней и девушек и наигрывал какую-то чудесную мелодию, глядя на разноцветные сарафаны и платки девушек, развевавшиеся по ветру.

Иногда деревенских навещали сказители; из поведанных ими преданий Лучьяну больше всего запомнились истории о князе Олеге — о его походе на Царьград и о смерти от укуса змеи.

Как-то раз Эне объяснил двум своим друзьям знаками, что хорошо бы было сложить из брёвен дом на отшибе за деревней и распахать там собственный огород. И жить втроём, никого не стесняя. Но Елисей сказал, что хочет сначала посетить Новгород, узнать что-нибудь о своих родителях и братьях и повидаться с ними, если они ещё живы. Лучьян пожелал отправиться с другом. Ростислав, узнав об этом, велел им побыстрее возвращаться, так как собирался в скором времени обвенчать Лучьяна и Федору. Эне оставили в деревне — он решил сложить дом сейчас же, а деревенские мужики готовы были ему помочь.

...Рано утром, сев на одну из торговых ладей, Лучьян и Елисей поплыли к Новгороду. На большом судне расположилось много народа. Пахло говядиной, мёдом; на продажу везли дорогие меха. Люди переговаривались, обсуждали и свои житейские дела, и княжение Владимира. Они были недовольны тем, что главных божеств их племён принизили и возвысили Перуна, которого почитали киевские дружинники. Ещё говорили о разбойниках, грабивших деревни, убивавших и бравших в плен мирных жителей.

Ночью, глядя на мерцавшие в небе звёзды, Лучьян чувствовал что-то недоброе, а когда задремал, то услышал во сне пронзительный крик Федоры и проснулся. Он разбудил Елисея, поведал про свой сон и сказал:

— Давай вернёмся в деревню. Чует моё сердце — беда там

случилась.

— Тебе дурное всё снится, — ответил Елисей, — потому как о плохом думаешь, тревожишься зря. Нет там никакой беды. Побываем в Новгороде и вернёмся.

Утром, сойдя с ладьи, они добрались до города лесом.

...Лучьян с любопытством оглядывал город. Деревянные здания мрачно нависали над путниками. Некоторые терема были расписаны цветными красками. Прохожие — знатные люди и бедняки — смешались в один поток, быстро шагая, спеша куда-то. Торговцы несли товар на рынок; несколько юношей, сгибаясь под тяжестью, тащили на спинах бочки с вином и мёдом.

Знатные и богатые люди очень легко узнавались в толпе: они одевались в плащи без рукавов, покрытые мехом и драгоценностями, и шёлковые рубахи, обувались в кожаные сапоги, украшенные золотом и шёлком.

Бедняки и крестьяне носили рубахи с узким поясом и порты.

Вот прошли воины в кольчугах, ведя за узду усталых коней; пробежали парни и девушки с венками из цветов на голове, одетые в узорчатые наряды. Лучьян и Елисей не знали, что они здесь празднуют.

Путники подошли к кузнице, и Елисей остановился и сказал другу:

— Вот тут мы с братьями часто бывали. Дружили с сыном кузнеца Егоркой. Надо узнать о нём, если его самого здесь не окажется. А через него как-нибудь разыщем моих братьев, если они живы.

В кузнице было душно и темно. На маленьком деревянном столике лежало оружие — тяжёлый боевой топор, нож, копье и меч. Кузнец, бородатый, насупленный, сидел рядом на табуретке с огромным молотом в руках и о чём-то думал.

...Это и был Егор. Когда они с Елисеем узнали друг друга, то радовались как дети, долго обнимались. Потом Елисей познакомил Егора с Лучьяном. Он стал интересоваться теперешней жизнью мастера и заодно осведомился о своих родственниках.

...Вскоре после того, как Елисей отбыл в дальние края, скончался его отец, а затем и мать. Старший брат Ярослав отправился на ратную службу в Киев, а младший — Данила — остался жить в доме родителей и вскоре умер от какой-то болезни.

Елисей оплакал родителей и Данилу и решил пойти в родную деревню, посетить могилы родных, а затем вернуться в Вышеславцево.

В его деревне, Житовке, путники пробыли один день. Елисей встретился со старыми друзьями детства, посетил могилы родителей и брата.

В Новгороде они с Лучьяном задерживаться не стали, только зашли попрощаться с Егором. Его близкий друг, конюх Роман, подарил им двух великолепных коней — пегого Лучьяну и белого Елисею, — чтобы они смогли побыстрее добраться до деревни. И гости, поблагодарив за всё друзей, не медля поскакали на конях в Вышеславцево.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. НА ПЕПЕЛИЩЕ

Поздним вечером путники подъезжали к деревне. За версту от неё, возле дремучего леса они остановили коней и повели за узду через чащу, и те вдруг встали на дыбы, не хотели идти дальше. Друзья еле-еле сдвинули их с места.

— Пахнет костром, — принялся Елисей.

— Нет, это не костёр, — ответил Лучьян. — Чует моё сердце, что-то тут неладно...

Миновав чащу и выйдя к деревне, оба остолбенели... Бревенчатые избы почернели от огня и развалились; ветер гнал золу по улицам. Во дворах спалённого дотла Вышеславцева путники увидели тела убитых — от малых детей до стариков... Они были в запёкшейся крови — прошёл уже не один день, как погибли... Некоторые лежали с открытыми глазами, будто смотрели в небо, и это приводило Лучьяна и Елисея в ещё больший ужас...

Путников удивило то, что домик бабки Наины на краю деревни уцелел. Два друга зашли к ней во двор. Она, худая старуха с сердитым лицом, в чёрном платье, с клюкой в руке, сидела на своём крыльце.

— Что здесь случилось, бабка Наина? — спросил Елисей.

— Разбойники всё разорили, — ответила та осипшим голосом. — Три дня уж прошло. Будто вихрь, налетели на лошадах, посреди ночи, когда все спали. Тьма-тьмущая их было, во все дворы ворвались, из домов добро вынесли, скотину увели. И людей, кроме девушек молоденьких, зарезали, закололи, а девчат в полон взяли, с собою увезли. Тут же, как разграбили деревню, и уехали...

Лучьян вспомнил свои переживания в ту ночь и крик Федоры во сне... Она звала его на помощь... Надо было им с Елисеем

тут же вернуться в деревню, может, они успели бы что-нибудь сделать...

— А тебя почему же не тронули? — сказал Елисей старухе. — Не ты ли, ведьма, колдовством своим вызвала их сюда, чтобы перебили они всех людей, с которыми ты враждовала?

— Чем гневаться, надо лучше пойти предать людей земле, — вздохнул Лучьян.

...Всю ночь и весь следующий день друзья рыли ямы за деревней лопатами, взятыми во дворе Ростислава, чтобы захоронить там погибших. Ростислав и Анастасия лежали в крови возле крыльца своего сгоревшего дома. Ростислава, наверное, долго мучили — у него был вырван клочок волос, отрезано ухо, распухло всё лицо. Лучьян нашёл в избе его младших сыновей, сильно обгоревших. А дочерей и след простыл — видимо, их взяли в плен. И Никита неизвестно куда пропал. Он с другими мальчишками любил ходить по ночам в лес, они жгли костры, разговаривали. Может, так и спаслись... Здесь же, во дворе, Елисей нашёл Эне, тоже изуродованного...

Друзья плакали, опуская в ямы тела погибших. Многих здесь страшно мучили: у кого-то были выколоты глаза, у кого-то — проломлена голова...

Превозмогая усталость и голод, Лучьян и Елисей похоронили всех убитых, а затем уснули тут же, в траве, возле могил...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. В КИЕВЕ

Следы лошадей разбойников замело ветром и размыло дождём, и наши путники не знали, в какую сторону они уехали и где теперь находятся.

Лучьян и Елисей решили добраться до столицы Руси, города Киева, чтобы найти там Ярослава и самим поступить на службу к князю. В деревне друзья запаслись оставшимся там оружием — луками и стрелами, копьями, дубинами, — чтобы охотой добывать мясо. В пути они завалили медведя, убили двух кабанов, постреляли много птиц.

Оба очень горевали по погибшим. Когда вспоминали Эне, появлялись слёзы на глазах. Он хотел строить дом, заготовил и сложил брёвна на отшибе деревни...

Днём друзья ехали, вечером охотились, а ночью разводили костёр, жарили дичь. В пути они встретили племена кривичей, вятичей, радимичей, северян и полян.

На середине дороги, возле одной деревушки, путники повстречали

богатыря на резвом коне, в шлеме, в кольчуге, с огромным копьем в руке. Он тоже ехал в Киев, на ратную службу к князю; звали его Святополком. Вместе с ним Лучьян и Елисей двинулись дальше. На вид этот мужчина, высокий и широкий в плечах, был лет на пять постарше Лучьяна. Воин рассказал спутникам о себе, о своём детстве. Родился он в Ростове, в многодетной семье. В шесть лет потерял отца — его убили в драке. Мальчик обучился грамоте у одного монаха. Увлекаясь музыкой, играл на гуслях, складывал песни. Жил так же, как все деревенские — работал в поле, пас скотину. Но много разбойников и иноземных кочевников бродило по Руси, грабя и разоряя селения, и решил Святополк пойти служить к князю в Киев, чтобы с его дружинниками бить варваров.

И вот после долгой дороги взорам путников предстал Киев, окружённый деревянными стенами с башнями. Они любовались на него с одного из холмов, а на других холмах стояли идолы языческих богов. На окраине города теснились домики ремесленников, бедняков, а в центре свободно расположились терема богачей и храмы.

Сюда приезжало много купцов, которые торговали на рынках мехами пушных животных, мёдом, воском и другими товарами. Наши путники посмотрели на всё это, но купить ничего не смогли, так как не было денег. И Елисей сказал:

— Надо нам найти зажиточного человека и пойти к нему в услужение. Так хоть крыша над головой появится. Даже если платить будут мало, мы займёмся охотой и собирательством и достанем себе пропитание. А потом и к князю Владимиру наведаемся, и я найду своего брата Ярослава...

Так и сделали: отыскивали знатного горожанина, которого звали Андрей Дубрава. Он овдовел и жил один, детей не имел. Состарившись, уже с трудом вёл хозяйство и искал помощников. Лучьян стал работать у него конюхом, Елисей — кухарем, а Святополк — следить за порядком в доме, и всё это — за небольшую плату. На охоту за город мужчины выезжали по двое, оставляя кого-нибудь одного с хозяином.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. НА СЛУЖБУ К КНЯЗЮ

Вскоре в Киеве случилось событие, которое заставило Лучьяна и его спутников пойти к князю Владимиру Святославичу не только ради службы, но и ради разговора с ним об истинной вере — христианской.

Владимир с дружиной возвращался в Киев после победы

над балто-литовским племенем ятвягов и приносил жертвы идолам богов. Когда они подошли к городу, старцы решили пожертвовать для них кого-то из юношей и девушек и бросили жребий.

Он пал на Иоанна, сына варяга Феодора, красивого и доброго юношу, и люди князя пришли к Феодору и сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли им жертву». Феодор ответил: «Не боги это, а просто дерево — нынче есть, а завтра сгинет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один. Ему служат греки и поклоняются; Он сотворил небо, и землю, и звёзды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам».

Люди князя ушли и рассказали обо всём киевлянам. Те с оружием прибыли на двор Феодора, устроили погром, зарубили хозяина и его сына и выбросили их тела в яму.

Вечером Лучьян и Елисей возвратились с охоты, и им поведали об этом злодеянии.

— Поганые люди, — сказал Лучьян. — Сами не понимают, что творят. Накажет их Бог за убийство и за поклонение идолам.

Всю ночь он просидел на лавке не смыкая глаз, а на рассвете, никому ничего не говоря, ушёл. Добрёл до княжеского двора, и там, у ворот, стражники стали прогонять его, приняв за нищего попрошайку, так как одет гость был очень бедно.

Вскоре на улицу вышел сам князь. Едва только увидев Лучьяна, он почувствовал, что этот человек пришёл с добром.

— Впустите его, — сказал Владимир стражникам.

Те исполнили его повеление.

— Что привело тебя сюда, странник? — спросил князь. — Кто ты и откуда пришёл?

— Княже, я прибыл из далёких земель и хочу тебе кое о чём поведать. Моё имя — Лучьян.

К Владимиру подошли слуги, но он их отстранил:

— Оставьте меня с ним наедине.

И провёл гостя в терем. Оба присели на скамью в одной из комнат.

— Ты голоден? — спросил князь. — Или нуждаешься в ночлеге?

— Благодарю, княже, мне ничего не нужно. Позволь только слово молвить.

— Говори.

— Вчера твои люди пролили невинную кровь. Они растерзали варяга Феодора и его сына Иоанна, которые встали на защиту истинного Бога...

Владимир отвёл глаза и не смотрел больше на Лучьяна.

— Они погибли за правду, княже. Ни Рода, ни Перуна, ни Дажьбога, ни других языческих богов нет и не было, княже. Есть только Единый Бог.

— Странник, не забывайся, — предупредил князь. — И тебя может постигнуть такая же участь.

— Погоди, княже. Вот ещё что. В детстве я давал клятву, что буду защищать свою религию, и исполню её. Ты можешь отнять у меня жизнь, но не отнимешь веру в Единого Бога. Я прибыл из очень далёких земель, здесь не знают про них, как и там не слышали о Руси. Там многие верят в Иисуса Христа — Сына Божьего, Который являлся к людям около тысячи лет назад. Моя родина — это другой мир, сюда я добирался очень долго. Но и к вам приходил Иисус, и здесь Ему поклоняются и изображают распятым на кресте, княже. Что ты можешь сказать на это? Твоя страна находится так далеко, что ни один из моих земляков никогда здесь не бывал. Мы ничего не слышали о вас.

— Моя бабка, княгиня Ольга, тоже говорила, что идолы всё одно что куклы, — вспомнил Владимир. — Люди молятся им, а они ничего не слышат. Она тоже верила в «истинного Бога», как Его называла. И приняла христианство, была крещена в Царьграде, хотела сделать христианином и отца моего, Святослава, но тот воспротивился. И нам — сыновьям — тоже не велел обращаться ни в какую веру. Мы — отец, я и братья — много лет провели в битвах и никогда не думали, что убивать невинных людей — грех. Это жизнь, странник. Убей слабого, дабы он не стал сильным и не убил тебя. Я никогда не чувствовал за собой греха...

— Почему?

— Я знаю, что мне не будет за это никакого возмездия. Мои слуги убили моего брата Ярополка, я насильно выдал за себя его невесту Рогнеду, убил её отца и двух братьев, убил много людей. Но не будет мне за это никакого наказания, странник.

— Княже, княже... что ты творишь... — ужаснулся Лучьян. — Одумайся, прими христианство, покайся... Иначе гореть тебе в огне адском...

— Безумец, что ты говоришь! Вся Русь — языческая, и не будет здесь никакого христианства, слышишь? Все верят в славянских богов, их почитают! На том и держится наша земля! А с христианами станется то же, что и с Феодором и Иоанном! Ступай отсюда, возвращайся туда, откуда пришёл!

— Княже! Разве не слышал ты о счастье и добродетели настоящих христиан, о святости их веры, о терпении, с которым они переносят все несчастья и идут на смерть, надеясь на то, что попадут в рай? Я хотел служить тебе верой и правдой, но теперь понимаю, что не смогу. Прощай.

Лучьян поднялся со скамьи и двинулся к выходу.

— Странник! — позвал его князь. — Оборотись ко мне и послушай. Тот остановился и обернулся.

— Ты думаешь, легко поменять веру всего народа, глупец? Мне ли в радость теперь будет молиться бесчувственным идолам? Я начал понимать, что они ничем не отличаются от деревянных детских игрушек. Не припомню, чтобы эти истуканы когда-нибудь помогли нам... Но мы думали, что боги гневаются на нас или посылают испытания, поэтому ничего не дают людям. Теперь-то я всё понимаю... Но как же мне убедить в этом весь народ?

— Я помогу тебе, княже, — решился Лучьян. — Позволь остаться у тебя и служить верой и правдой.

— Оставайся, — кивнул Владимир. — Будешь у меня в дружине — ты и ростом высок, и телом крепок.

Лучьян пришёл в последний раз в дом Андрея Дубравы — сказать всем, что уходит на службу к князю. Елисей и Святополк прибыли к Владимиру вместе с ним, Елисей отыскал среди княжеских воинов своего брата Ярослава, они обнимали, целовали друг друга и очень радовались встрече. Потом братья отправились служить Андрею Дубраве, а Лучьян и Святополк стали дружинниками князя.

Последующие два года прошли в походах, сражениях, осадах неприступных крепостей, в крови и поте, в тревоге и грусти. В первый год состоялся долгий поход на радимичей, земли которых находились между Киевом и Новгородом. Лучьян

мало участвовал в сражениях; чаще всего он был сторожевым дозорным, оберегавшим войско в перерывах между битвами. Покорив радимичей, князь устроил поход на волжских булгар. И в нём Лучьяну пришлось биться с противником, он был шесть раз ранен, а потом свои нашли его в овраге полумёртвым, с распоротым животом, и едва вернули к жизни. Булгар разгромили, Владимир заключил с ними мир, и дядя князя, воевода Добрыня, сказал: «Все они в сапогах. Этим дани нам не платить — пойдём, поищем себе лапотников». И русские обложили данью Хазарию.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ВЫБОР ВЕРЫ

Жена Владимира Рогнеда часто грустила и давала волю слезам, и её прозвали Гориславою. Годы шли, а она всё так же сильно горевала по отцу, братьям и Ярополку. И не могла простить теперешнего мужа, погубившего её близких, и однажды решила рассчитаться с ним. Взяла нож и пришла в комнату, где спал князь. И, когда уже замахнулась на него оружием, он вдруг проснулся и, рассердившись, хотел убить жену, но маленький сын Изяслав, который тоже был там, заплакал, протянул ему меч и сказал: «Отец! Если один хочешь жить, возьми этот меч, вонзи прежде в меня, чтобы не увидел я смерти моей матери!»

И Владимир не стал наказывать Рогнеду. Посоветовавшись с дружиной, князь построил на родине жены, под Псковом, новый город, назвал его в честь сына Изяславлем и отправил туда обоих.

Однажды Владимиру случилось «видение Божие», и он вспомнил свою бабушку Ольгу, ставшую христианкой.

Его посетили болгары «магометанской веры», гости из Рима, хазарские евреи и философ из Греции. Каждый рассказывал о своей вере, и князь внимательно слушал всех.

В мусульманстве ему понравилась возможность иметь четырёх жён. Магометане знали, что у него было несколько супругов, и пытались приладиться к его языческим нравам. Но после разговора с Лучьяном или, может быть, ещё до этого Владимир в душе уже отрёкся от язычества. К тому же от проповедников ислама он не узнал ничего нового о Боге и о смысле жизни. И князь отказался от их веры, сославшись на невозможность исполнения заповедей об обрезании, воздержании от свинины и вина.

Потом он беседовал с гостями из Рима, присланными папой; они противопоставляли настоящего Бога, сотворившего всё

живое и неживое, языческим идолам — обычным деревяшкам. «В чём заповедь ваша? — спросил гостей Владимир. — В чём спасение?» «Пост по силе, если кто пьёт или ест, то всё это во славу Божию, как сказал учитель наш Павел», — ответили они. «В этом нет ничего нового, — подумал Владимир. — Нет духовного преображения, нет самоотречения, дабы переродиться во Христе и, взяв крест, следовать за Христом...» «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого», — сказал он римским послан.

Иудеи, прибывшие из Хазарского каганата, вели речь о ветхозаветной религии, говорили о ней как о лучшей и с пренебрежением отзывались о христианстве: «Христиане веруют в Того, Кого мы распяли...» Владимир расспросил гостей об их законе, затем поинтересовался: «А где земля ваша?» Проповедники растерялись и поначалу не знали, что ответить: Хазарию разгромили, а Палестина им и не принадлежала... «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши...» — сказали они. «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? — осудил их князь. — Или и нам того же хотите?»

Последним Владимир принял у себя греческого философа — и их разговор затянулся...

«Зачем же сошёл Бог на землю и принял страдание?» — спросил князь, заинтересовавшись историей Боговоплощения. «Если хочешь, расскажу тебе по порядку с самого начала», — ответил философ. «Буду рад послушать», — согласился Владимир.

И собеседник стал рассказывать:

«Вначале, в первый день, сотворил Бог небо и землю, затем отделил свет от тьмы, твердь от воды; возникли реки и озёра, горы. На Земле сначала появилась растительность, затем рыбы, птицы, земноводные. А на небе — Солнце, Луна, звёзды. Последним был создан человек. Бог сделал тело человека из куска земли, вдохнул в него разумную душу. Так появился мужчина, и звали его Адамом. А из ребра Адама, когда тот крепко спал, создал Господь ему жену, и звали её Евой.

Они жили в большом великолепном саду, дарованном им Богом, и сад этот назывался раем. Там цвели прекрасные цветы, журчали ручейки, паслись овечки, козы, коровы, пели птицы. И было много кустов со сладкими ягодами и много деревьев со сладкими плодами, и среди них — два дерева: дерево жизни и дерево познания добра и зла, с которого Бог запретил людям есть плоды. Но ослушались его Адам и Ева — попробовали плодов запрещённого дерева. Их соблазнил дьявол в образе

змея, велел им не слушать Бога. Они согрешили и в наказание были изгнаны из рая на землю...»

Философ поведал князю о детях Адама и Евы — Каине и Авеле, о Великом Потопе и праведнике Ное, о Вавилонской башне, о странствиях Моисея и израильтян и о других героях и событиях Ветхого Завета. Затем рассказал о явлении Бога во плоти и искуплении Его страданиями греха Адама.

«Зачем родился Он от Жены, был распят на древе и крестился водою?» — спросил князь.

«Через жену первоначально победил дьявол, так как через неё изгнали Адама из рая; через Жену же воплотившись, Бог повелел верным войти в рай. А на древе был распят потому, что от древа вкусил Адам и из-за него покинул рай; Бог же на древе принял страдания, чтобы древом победить дьявола, и древом жизни спасутся праведные. А водою крестился, потому что сказал Бог: „Водою погубил Я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей — водою обновления“. Ибо первой Он сотворил воду; сказано ведь: „Дух Божий ношашеся верху воды“, потому и ныне крестятся водою и духом», — объяснил философ.

В завершение своей истории он сказал:

«В Судный день каждому воздастся по его заслугам: праведникам — Царство Небесное, красоту неизречённую, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же — мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Будут мучиться те, кто не верит Богу нашему Иисусу, и те, кто не крестится».

И он показал Владимиру занавес с изображением Божьего суда: праведники в веселии шли направо — в рай, а грешники в скорби отправлялись налево — на мучение. «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева», — вздохнул князь. «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись», — убедил его философ. «Подожду ещё немного», — ответил Владимир, но уже знал, что выберет именно эту веру...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ПОДГОТОВКА НАРОДА К КРЕЩЕНИЮ

Философ с княжескими дарами отправился в свою землю, а Владимир собрал для беседы старшин и бояр. Они поговорили о религиях, представителей которых принимали у себя, и решили отправить послов в другие земли, чтобы увидеть традицию каждой веры, и выбрали для этого десять человек. А князь, желавший принять православную веру, стал готовить народ к крещению беседами о вере на своём дворе.

В Болгарии послы наблюдали молитву мусульман в мечети: «Став там без пояса, сделав поклон, (человек) сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их». У немцев «видали в храмах различную службу, но красоты не видели никакой». А в Византии, в Константинопольском храме Софии Премудрости Божией, были восхищены праздничным патриаршим богослужением в свете паникадил, с пением хора.

«Не знали, на небе или на земле мы, — рассказывали они по возвращении в Киев, — ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом, знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмёт потом горького, так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». «Если бы был худ закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, — сказали князю бояре, — а она была мудрейшей из всех людей». «Где же мы примем крещение?» — спросил Владимир. «Где тебе любо», — ответили бояре.

Арабы во главе с полководцем Вардой Склиром вторглись в пределы Византийской империи. Их нападение должен был отразить военачальник Варда Фока, но он устроил мятеж, назвал себя императором и захватил Малую Азию. А потом осадил Ваидос и Хрисополь и подобрался к Константинополю. Император Василий обратился за помощью к русскому князю Владимиру, хотя и враждовал с ним.

Тот, посоветовавшись со своими приближёнными, согласился помочь грекам, но за это хотел получить в жёны царевну Анну, сестру императора. Греки предпочитали не родниться с северными народами, однако теперь согласились, пожелав, чтобы в таком случае Владимир обратился в христианскую веру, и он принял условие.

Правители заключили договор, и русское шеститысячное войско прибыло на помощь императору. Но тот не спешил выдавать сестру за князя. И тогда Владимир со своими ратниками подошёл к Корсуню и осадил его. Он перекрыл водопровод, снабжавший водой осаждённых, и люди в городе стали изнемогать от жажды. Князь сказал им: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они вынуждены были покориться.

Владимир направил в Константинополь ультиматум: «Если не отдадите её (Анну) за меня, то сделаю вашей столице то же, что и этому городу». Анна не хотела выходить замуж

за князя варварской страны, но братья Василий и Константин сказали ей: «Может быть, обратит тобою Бог землю русскую к покаянию, а греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь?» И царевна, послушав их, примирилась со своей судьбой. И её отправили на корабле в Корсунь с архиереем Михаилом, священниками, клиром, многими мощами и другими святынями.

По прибытии туда Анна узнала плохую новость: князь Владимир ослеп, не видел ничего и сильно переживал из-за этого. Она сказала ему, чтобы поскорее крестился. «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский», — ответил он. Епископ Корсунский и священники царицы крестили его и нарекли в новой вере Василием. И во время обряда к нему вернулось зрение, и князь стал славить Господа. «Теперь узнал я истинного Бога», — радовался он. Увидев это чудо, крестились и его дружинники.

Корсунь вернули Византии, и там в память о своём крещении Владимир возвёл храм во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня.

В те дни Лучьян, бывший в Корсуни с князем, его боярами и воинами, принял крещение вместе с ними, и ему тоже стало легко и радостно. Он увидел во сне отца, сказавшего: «Теперь ты настоящий христианин, и душа моя за тебя спокойна. Мы уже больше не увидимся в этой жизни. Прощай, сын, я люблю тебя и горжусь тобой...» Проснулся Лучьян в глубокой печали. Значит, отец уже умер или умрёт до того, как он снова окажется в родном мире. Если, конечно, окажется...

Владимир с дружиной, боярами и духовенством шёл в Киев. Священники несли кресты, иконы, святые мощи, совершали молебны и песнопения. По прибытии князь крестил двенадцать своих сыновей в источнике, который потом назвали Крещатиком. С ними крестился весь княжеский дом и бояре, которые не были в Корсуни. Владимир повелел снести идолов в городе, и одних сожгли, других порубили. А главного из них — Перуна с серебряной головой и золотыми усами — утопили в Днепре.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. КРЕЩЕНИЕ РУСИ

После свержения идолов киевлян огласили евангельской проповедью. Священники вместе с крещёнными княжичами и боярами (с ними был и Лучьян) ходили по улицам города и проповедовали новую религию. Христианство приняли многие, но кое-кто сомневался или отказывался от этой веры.

Тогда Владимир решил крестить всех киевлян и объявил: «Аще кто не обрящется завтра на реке, богат ли, или убог, или нищ, или работен, противен мне да будет!» Люди с одобрением приняли его наказ, говоря: «Если бы не было это хорошим, то не приняли бы этого наш князь и бояре». Только малая часть жителей, оставшись язычниками, отказалась креститься и ушла из города.

В назначенный день у места, где река Почайна впадает в Днепр, собралось бесчисленное количество людей. Войдя в воду, они стояли — кто по шею, кто по грудь, некоторые держали детей. Священники во главе с первым Киевским митрополитом Михаилом читали молитвы и крестили киевлян.

Глядя на крещение народа, князь в большой радости воздел руки к небу и сказал: «Господи Боже, сотворивший небо и землю, посмотри на новокрещённых людей Твоих, и дай им истинно познать Тебя, Бога Истинного, и утверди их в православной вере, и мне укажи на видимых и невидимых врагов, и прославь на нашей земле Имя Твоё Пресвятое!»

Владимир велел всюду в русских землях уничтожать языческие требища и идолов и строить церкви. Их возводили на холмах, у берегов рек, на пути «из варяг в греки».

Лучьян ещё сильнее полюбил князя и народ, которые уверовали в Истинного Бога. После крещения зажили все раны на теле Лучьяна, Святополка и других воинов, прежде болевшие и кровоточившие. Елисей, Ярослав и Андрей Дубрава также крестились в водах Днепра, и с Андреем вдруг случилось необычное — болезни и недуги, мучившие его уже много лет, отступили, и он почувствовал себя здоровым и бодрым. Но для Лучьяна самым удивительным было исцеление князя от слепоты, и верный слуга радовался и надеялся, что народ примет новую веру и будет жить по христианским заповедям.

Владимир очень уважал Лучьяна, почитал за мудрого и рассудительного человека и на всех советах прислушивался к его мнению. Часто они беседовали наедине. Князь расспрашивал слугу о его родной стране, и тот рассказывал о своих родителях, братьях, друзьях, наставниках, но не говорил, что прилетел с неба — правитель, чего доброго, подумает, что он лишился рассудка.

Владимир сделал Лучьяна одним из своих приближённых, пожаловал ему много красивых нарядов, большую часть которых тот по доброте душевной отдал нищим, приходившим на двор князя, но и сам приоделся — расхаживал по улице в соболиной

шапке и в узорчатой рубахе. Его обязанностью было следить за возведением церквей. Он также много помогал тем, кто трудился на строительстве. Никакой работы не страшился — даже опасной. Иногда ему помогал Андрей Дубрава.

Ещё Лучьян беседовал с бедняками, крестьянами, приходившими на княжеский двор. Некоторые из них пока не понимали или не принимали христианской веры; другие, попав в беду, обращались за советом, и Лучьян внимательно их выслушивал и давал такие мудрые наставления, что даже сам князь порой дивился его светлому уму-разуму.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ХРИСТИАНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ

Много церквей было возведено там, где прежде стояли идолы.

На месте идола Перуна построили церковь Святого Василия, покровителя князя. А там, где убили Феодора и Иоанна, — церковь Успения Богородицы («Десятинную церковь»).

Были открыты православные школы, и Владимир велел собирать там детей из лучших семей для книжного учения. Матери провожали туда своих чад со слезами, так как ещё не укрепились в вере. Некоторые ученики, проникшись христианскими идеями, уходили в монастыри.

Князь звал на свой двор всех нищих и убогих, и им давали всё, в чём они нуждались — еду, питьё, деньги из казны. Для слабых и больных, которые не могли дойти до его двора, Владимир велел слугам складывать в телеги хлеб, мясо, рыбу, овощи, мёд и квас в бочонках, возить их по городу и выкрикивать: «Где здесь больные и нищие, кто ходит не может?» И раздавать всё, что им нужно. Так стали делать не только в Киеве, но и в других городах.

Лучьяну очень понравились пиры, которые князь устраивал на своём дворе. На них собирались бояре, дворяне, сотские, десятские и многие другие. Столы были щедро уставлены провизией. Лучьян иногда сидел рядом с Владимиром, и они подолгу разговаривали. Однажды речь зашла о наказании преступников, и Лучьян сказал: «Для любого преступника самое страшное наказание — это угрызения совести, муки души о совершённом злодеянии. Он сам должен всё понять и раскаяться, темница и казнь ему в этом не помогут. Много людей было казнено за разные провинности, не успев раскаяться. Вспомни, княже, заповедь Христа: „Не противься злему“».

Князь прислушался к его словам и смягчил наказания преступникам. Но появилось много разбойников, и епископы не могли понять, почему их не казнят. Владимиру говорили, что он в праве

судить и казнить за тяжёлые преступления. И князь снова стал лишать жизни преступников, но вскоре заменил смертную казнь денежным штрафом.

С правителями соседних стран — Болеславом Польским, Стефаном Венгерским, Олрджигом Богемским — Владимир был в мирных отношениях. И на короткое время в русских землях наступило затишье.

У Лучьяна появилось много друзей — и молодых, и старых. Он любил поговорить с мудрыми людьми на философские, религиозные, политические и другие темы. Его постоянным собеседником стал мастер из греческой земли Анастас Корсунянин, служивший в церкви Пресвятой Богородицы. Они друг друга понимали с полуслова и поддерживали во всех начинаниях.

К северу от Киева князь заложил новый город, который нарекли Белгородом, и поселил в нём людей, набранных в других городах, и сильно полюбил это своё детище.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ

Владимир перестал брать с собой в походы Лучьяна, желая, чтобы тот занимался мирными делами в Киеве. Он видел, что верный слуга тяжело перенёс первые походы и вообще не обладал большим удальством и ловкостью, и князь решил побережь его. Лучьян тосковал по родной планете, задумывался о постройке нового летательного аппарата, чтобы вернуться в свой мир.

На следующий год после возведения Белгорода на Русь пришли печенеги. Князь с войском встретили их на реке Трубеж. Русские стояли на одном берегу, печенеги — на другом, и никто не решался первым напасть. Хан печенежский сказал Владимиру: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года».

Придя в свой стан, Владимир разослал глашатаев со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?». Такого человека не нашлось. Но на следующее утро пришёл к князю старик и сказал: «Княже! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил ещё оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Князь обрадовался и велел послать за ним, юношу привели, и Владимир всё рассказал ему. Тот ответил: «Княже! Не знаю,

могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» Ему привели такого быка, он велел разъярить его, и на спину животному положили раскалённое железо. Он рванулся вперёд, пробежал мимо парня, и тот схватил бугая за бок и выдрал кусок кожи с мясом. «Можешь бороться с их мужем», — сказал юноше князь.

Муж у печенегов оказался очень большим и страшным. Он стал смеяться над невысоким пареньком, вышедшим на борьбу с ним. На поле боя они схватились, сжали друг друга, словно в тисках, и юноша удавил противника до смерти. Печенеги бежали, и русские гнались за ними и избивали. Владимир заложил на месте поединка город и назвал его Переяславлем — потому что победитель перенял славу у побеждённого. Парня и его отца князь сделал своими приближёнными.

Лучьян был доволен, что пользуется великим уважением и почётом при княжеском дворе; Владимиру он давно сделался другом, а его сыновьям — наставником. Обучал их грамоте, проповедовал им христианство. Потом отец отправил мальчиков на княжение в разные города.

В годы набегов печенегов на Русь Лучьян побывал в Новгороде у Ярослава, в Полоцке у Изяслава, в Турове у Святополка, в Ростове у Бориса, в Муроме у Глеба, в Древлянской земле у Святослава, в Тьмутаракани у Мстислава, в Волыни у Всеволода, и всюду его радушно принимали. Княжичи очень любили своего доброго учителя, и он любил их как своих детей.

Годы летели быстро, Лучьяну исполнилось сорок лет, и седина появилась в его волосах, бороде, усах. Иногда ему казалось, что юность и молодость прошли зря: он метался, пробовал себя в разных делах, кочевал с места на место, покинул свою планету, родителей, семьи не завёл. Его утешало лишь то, что он открыл новый мир во Вселенной и, может быть, что никогда не бездельничал, всё время занимался чем-то полезным.

Основанный Владимиром город на Клязьме, названный в честь него, стал центром христианской веры в языческом крае. Лучьян за эти годы несколько раз побывал тут — его притягивали здешние живописные места: реки, холмы, леса, поля; в долине реки Ярилиной он посетил священную рощу Кузянку, где когда-то находилось капище, а теперь построили Князь-Владимирский храм. Отсюда шли торговые пути в Волжскую Булгарию, Новгород и Ладогу, город связывал Среднее и Верхнее Поднепровье со Средней Волгой и Окой.

В Киеве возвели церковь Успения Святой Богородицы, и посетил её Владимир и помолился Богу: «Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад Свой. И сверши то, что насадила десница Твоя — новых людей этих, сердце которых Ты обратил к истине познать Тебя, Бога Истинного. Взгляни на церковь Твою, которую создал я, недостойный раб Твой, во имя родившей Тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, ради молитвы пречистой Богородицы». И после сказал: «Даю этой церкви святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И узаконил свои слова письменным закланием, и добавил: «Если кто отменит это — да будет проклят». Он отдал обещанное Анастасу Корсунянину, устроил большой праздник в городе и пожертвовал много денег беднякам.

Печенеги продолжали совершать набеги на Русь. Когда они подошли к городу Василёву, Владимир двинулся на них с небольшой дружиной. С князем отправился и Лучьян, видевший накануне плохой сон и переживавший за хозяина. В сражении враги разбили русских. Лучьяна ударили сначала по спине, затем по голове, а после копье вонзилось ему в бок, и он упал, истекая кровью. Ранивший его печенег ускакал, думая, что противник мёртв.

Но Лучьян не погиб. После битвы князь с оставшимися дружинниками подобрали его безжизненное тело и отнесли в дом к одной старой знахарке, и она вернула страдальца к жизни, вылечила.

Эта сеча произошла в день Преображения Господня, и после неё Владимир построил церковь в Василёве во имя праздника, и торжественно отметил это со своими боярами, посадниками и старейшинами из всех городов русских, и раздал милостыню бедным. Пировали восемь дней. Князь прославлял своих воинов, которые погибли в сечах и которые здравствовали.

В день Успения Пресвятой Богородицы он вернулся в Киев и вновь устроил гуляние, собрав толпы народа. И очень радовался, видя, что русские люди хорошо приняли новую веру и стали настоящими христианами.

Бесконечные нападения степняков вынудили князя пойти к Новгороду за подмогой. Узнав о его уходе, печенеги пришли к Белгороду, встали возле его стен и не выпускали жителей из города.

Время шло, враги не уходили, и жители начали голодать. Собрал вече, они стали говорить: «Вот уже скоро умрём от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого оставят в живых, а кого умертвят; всё равно помираем от голода». Один старец ответил: «Послушайте меня, не сдавайтесь ещё три дня и сделайте то, что я вам велю». Он велел собрать по горсти овса, пшеницы или отрубей, потом — сделать болтушку, на которой варят кисель, а затем — выкопать колодец, вставить в него кадь и поискать мёда. Старейшины достали из княжеской медуши лукошко мёда, по указанию старца сделали из него пресладкую сыту и вылили в кадь в другом колодце.

На следующий день, оставив заложников у печенегов, белгородцы приняли у себя их послов и сказали им: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десяток лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И показали колодцы с киселём и сытой и дали попробовать кушанья. «Не поверят нам князья наши, если не отведают сами», — удивились гости. Им дали с собой корчагу кисельного раствора и сыты из колодца. Вернувшись, они рассказали обо всём своим хозяевам и угостили их тем, что передали русские. И, отпустив заложников, степняки ушли в свои земли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГИЕ СТРАНСТВИЯ

Владимир, даже будучи занятым важными государственными делами, видел, что с Лучьяном творится что-то неладное. Тот часто болел, голова его совсем поседела, он теперь мало разговаривал и почти всегда тосковал. Князь стал беседовать с ним, чтобы отвлечь от грустных мыслей, созывал пиры, где певцы и скоморохи веселили народ, но верный слуга оставался так же печален.

— Скажи мне, почему ты всегда грустишь? — спросил Владимир однажды его напрямую.

Лучьян ответил, что скучает по родному дому — по родителям и брату, оставленным им в далёкой стране.

— Княже, время идёт, взгляни на нас с тобой — мы седы, мы стареем, — сказал он. — А моих родителей, быть может, нет уже в живых. Я так хочу их увидеть... или, если то свершилось, посетить их могилу.

Князь пообещал, что для Лучьяна построят большой, крепкий корабль и на нём доставят его на родину. Но тот объяснил, что это невозможно, так как между двумя странами — огромная

пропасть, через которую нельзя пробраться.

— А как же ты тогда попал сюда? — удивился Владимир.

Лучьян поведал, что он, возможно, единственный в своей стране человек, создавший такое судно, которое смогло пролететь над этой пропастью, но оно, к сожалению, разбилось.

Князь посоветовал Лучьяну отправиться в другие страны, посмотреть на другие культуры и тем самым избавиться от тоски. Тот с большой радостью согласился, но, когда, Владимир предложил другу своих людей в качестве сопровождающих, отказался от них — хотел путешествовать в одиночку. Князь дал ему в дорогу провизию, хорошую одежду и оружие.

Дни и ночи проходили в пути, лишь изредка Лучьян останавливался отдохнуть, поесть и попить. Он шёл по дорогам, по тропинкам через леса, мимо полей, с которых крестьяне собирали урожай. Много селений миновал; в некоторых его привечали, угощали чем-нибудь, разговаривали с ним — языки болгар и сербов путник немного понимал.

В одном селе приютившие Лучьяна на некоторое время пастух с женой рассказали ему о царе Самуиле Болгарском, управлявшем сейчас их царством. Он значительно расширил свои владения — присоединил к ним Далмацию и часть Сербии. Болгарское царство теперь раскинулось от Адриатического до Чёрного моря, и жили в нём болгары, сербы, македоняне и хорваты. В настоящее время шла война между Самуилом и Василием II, императором Византии. Каждый год Василий с войсками вторгался в Болгарию, а Самуил нападал на Византию.

В другом селе Лучьяну рассказали о братьях Кирилле и Мефодии, просветителях славян, о которых он был уже много наслышан. Они посещали Болгарию, проповедовали там христианство. Новая вера пришла и в соседнюю Сербию. Братья с помощью своих учеников составили старославянскую азбуку и перевели на болгарский язык с греческого основные богослужебные книги.

...Много всего узнал Лучьян — о войнах, о великих людях, о Византийской империи. Путешествовал он по Болгарии и Византии около десяти лет — побывал в Турде, Белграде, Варне, столице царства Преславе Великом, Пылдине, Софии, Скопье, Салониках, Афинах, Адрианополе, Константинополе и множестве небольших городов и сёл. И каждый город открывал ему какой-то новый мир.

На пути из Турды в Белград Лучьян узнал новость о поражении болгарских войск под Адрианополем, нанесённом греческими войсками во главе с Василием II.

В Белграде, как и в Турде, он пробыл совсем недолго, но успел и погулять по берегам рек Савы и Дуная, и осмотреть крепость Камелегдан, расположенную на вершине горного хребта, при слиянии этих рек.

Очень понравился Лучьяну тёплый городок Варна, где он жил довольно долго. Сначала подрабатывал наёмным торговцем на рынке, потом освоил клочок земли на побережье, стал выращивать рис, финики, яблоки, гранаты, киви. Одно лето выдалось засушливым, почти весь урожай погиб, и Лучьян, оставив землю, пошёл странствовать дальше.

В Велики-Преславе он много слышал о прежних правителях Болгарии — царе Борисе, хане Круме, расширившем пределы страны, хане Омуртаге, царе Симеоне Великом, при котором царство достигло своего расцвета.

В Пылдине Лучьян ходил по руинам городского форума, стадиона, терм, общественных и жилых зданий, остаткам фракийской крепости, сохранившимся с античных времён. Росшие в изобилии на улицах города деревья и кустарники создавали живописный пейзаж.

Потом путник прибыл в Софию — самое сердце Балкан. Его поразило великолепие собора Святой Софии; также он посетил ротонду Святого Георгия.

Дни и ночи шёл Лучьян, миную города и сёла. Какую только работу ни выполнял, чтобы прожить — и торговал, и плотничал, и сторожил дворы, и пас скотину.

В Греции, посетив Афины и Салоники, он открыл для себя прекрасный мир античности, о котором так много будет потом писать в своих исторических трудах. Много узнал об античных богах, восхищался храмом Зевса Олимпийского и Акрополем. С большим интересом изучал Лучьян античные легенды и мифы. И жалел, что так мало интересовался мифологией у себя на планете — там было много религий, бесчисленное количество богов, а он знал только великого бога Самсуна, его потомка Ушана и несколько божеств, которым ранее поклонялись в Ганакоре.

Прибыв в Константинополь, Лучьян долго рассматривал собор Святой Софии, называвшийся так же, как и болгарский, и такой

высокий, что, казалось, упирается в само небо. Здание пострадало от землетрясения несколько лет назад, больше всего разрушился купол.

...Войдя внутрь собора, Лучьян вдруг почувствовал, как кто-то прикоснулся к его плечу. Он обернулся и увидел человека в чёрной мантии.

Это был старик с короткой седой бородой, с грустными карими глазами под густыми бровями. Он произнёс что-то, чего Лучьян сначала не понял, но язык говорившего показался ему очень знакомым...

— Не понимаешь? Позабыл родной язык? — сказал старик по-русски. — Неудивительно, столько лет прошло... Я поприветствовал тебя: «Здравствуй, дорогой друг». Ладно, не будем оставаться здесь, пойдём со мной — там нас уже ждут...

Лучьян от удивления потерял дар речи и молча, повинувшись, пошёл за стариком. Тот долго шёл по улицам, затем, выйдя за Феодосиевы стены, окружавшие город, повернулся к спутнику:

— Да, я виноват во всём, — он неожиданно обнял Лучьяна. — Я помог тебе создать эту чёртову птицу, на которой ты прилетел сюда!

— Да кто ты такой?!

— Прости, что не верил тебе. Теперь вижу, что наша планета была не целым миром и что ты великий человек, гений... Лучьян, это я, Сэм...

— Сэм Книльхт! — изумился Лучьян. — Как ты здесь оказался?..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Не успел Сэм ничего ответить, как раздался чей-то голос, сказавший на родном Лучьяну языке:

— Вот и наш путешественник! Дай я тебя обниму, брат!

К ним подошли пятеро мужчин. Двое — примерно такого же возраста, как Лучьян, один — помоложе, и ещё два — совсем молодые. Тот, что помоложе, обнял и расцеловал Лучьяна. Обнялись с ним и остальные.

...Это были его брат Лесмян, старый друг Зил Рахман и однокурсник Симон, а также молодые, похожие друг на друга сыновья Сэма — Йонсон и Эл. Когда долгие объятия закончились, градом посыпались вопросы — Лучьяну от них и наоборот. Ему сообщили, что родители его живы, но отец болеет уже несколько

лет и теперь почти ничего не ест, еле передвигается и очень исхудал; у матери тоже не всё в порядке со здоровьем. Конечно, их подкосили гибель Гельяна и пропажа Лучьяна. Поэтому Сэм и близкие Лучьяну люди сгруппировались, создали, как и он ранее, летающий корабль и, рискуя собственными жизнями, отправились на его поиски. Жена Лесмяна, Гелма, осталась ухаживать за стариками. Уже не было в живых наставников Лучьяна — Мелфия и Беркуция. Лесмян вспомнил, что оба перед смертью хотели увидеть его, Беркуций раскаивался, что так пренебрежительно разговаривал с ним на пиру, и просил прощения.

Новый корабль, надёжно спрятанный среди скал невдалеке от пролива, был готов к отлёту на Юпитер, но что-то ещё удерживало Лучьяна здесь, на этой планете...

Он рассказал друзьям о тех добрых людях, которых оставил на Руси, и попросил дать возможность проститься с ними.

...В ночной темноте судно, размером намного больше созданного когда-то Лучьяном, бесшумно поднялось в облака. Сэм хорошо знал, где находится Киев, и теперь точно сориентировался. Полёт занял всего несколько минут. Корабль посадили на пустынном берегу Днепра, недалеко от города, и Лучьян отправился в княжеский двор, а друзья остались ждать его на месте.

...К князю он прибыл на рассвете. Тот уже не спал и вышел к нему навстречу, узнал друга, и они обнялись под лучами красного солнца. И сам Владимир теперь стал Красным Солнышком — так его прозвали за добрые дела.

В хоромах Лучьян долго рассказывал князю о своих странствиях и закончил говорить ближе к вечеру, не упомянув лишь о том, что встретил брата и друзей, с которыми он вскоре покинет планету. Владимир же поведал ему о своей жизни и о делах государственных. Хотя он и творил теперь хорошие дела, был кротким и набожным человеком, но много горя перенёс за эти годы. Преставилась его жена Рогнеда, умер сын Изяслав, внук Всеслав и других близких людей не стало...

В тот же вечер князь устроил пир в честь возвращения путника, на который пришли Елисей, Ярослав и Андрей Дубрава. Все веселились, пили, ели; юноши играли на гуслях, девушки плясали, и лишь один Лучьян сидел угрюмый, и Владимир не мог понять, о чём друг так печалится. В конце пира он сказал, что хочет спать, поцеловал князя и друзей своих и ушёл

в приготовленную для него спальню.

Наутро его уже не было здесь. Когда Владимир вышел из своей комнаты, слуги передали ему слова друга: «Прощай, княже. Я возвращаюсь на родину. Спасибо за всё, храни тебя Бог».

Князь опечалился и велел искать Лучьяна в Киеве и его окрестностях, но тот с друзьями был уже далеко в космосе...

Накануне ночью Лучьян долго шептал молитву — благодарил Господа за то, что может теперь вернуться в родной мир. Всё казалось ему сном, не верилось в такое неожиданное спасение...

...Гигантский бело-синий шар был всё так же красив, и Лучьян вновь залюбовался им из иллюминатора. Сэм нажимал на рычаги, что-то высчитывал по приборам. Двигатель гудел тихо. Земля удалялась, корабль подлетал к Луне. Покружив над серым шаром и убедившись, что на нём никто не живёт, Сэм взял курс на Юпитер.

Симон и Зил достали из кладовой запасённую провизию — хлеб, гречневую кашу, тушёнку, творог и другие продукты, — и все хорошо подкрепились.

— Лучьян, ещё раз прошу прощения за то, что не верил тебе, — сказал Сэм. — Я сам воспользовался твоими планами, когда мы создавали этот корабль, правда, кое-что изменили, но всё же...

— А как вы меня нашли? — спросил Лучьян. — Как нашли эту планету? Как на ней отыскивали меня?

— Когда мы вылетели за газовую оболочку, твой брат увидел в телескоп этот чудесный голубоватый шар и предложил лететь к нему, — ответил Сэм. — Мы прилетели сюда, посетили многие страны, побывали на Руси и там узнали о тебе... В Киеве люди говорили, что ты отправился в Болгарию и в Грецию. И мы посетили крупные города Болгарского царства, там расспросили тысячи людей, не знали ли они человека по имени Лучьян, и один крестьянин, который когда-то общался с тобой, сказал, что ты сейчас, верно, прибыл в Константинополь, как и собирался. Там мы и нашли тебя, нашего отважного космического первопроходца...

При этих словах Лучьян счастливо улыбнулся.

КНИГА ТРЕТЬЯ. НЕИЗВЕДАННАЯ РОДНАЯ ПЛАНЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ. ГОДЫ РАЗЛУКИ

...Новость о странной машине, промчавшейся по улицам Грайюнкма, а затем взлетевшей в небо и пропавшей там, в короткое время облетела весь город и стала распространяться уже за его пределами.

Сэм Книльхт, услышав об этом, прибежал в помещение, которое он предоставил Лучьяну для создания летательного аппарата. И нашёл на столе прощальную записку от него. А рядом лежали свёрнутые в трубочку листы-планы, по которым тот создавал «птицу».

Сэм застыл словно громом поражённый и подумал: «Он смог!» Да, Лучьяну оказалось под силу построить корабль и взлететь на нём в небо. Но не постигнет ли его участь таких же изобретателей, погибших страшной смертью?..

Вскоре в газетах Грайюнкма, Аклея, Итеса, Гелло и других городов Ганакоры появились публикации о некоем Лучьяне Смолозе — молодом человеке, совершившем очередной в истории полёт в небо. То Сэм рассказал журналистам, кто находился в «железной птице».

По всей Ганакоре и даже в соседних странах жители искали обгоревший корабль — никто не верил, что пилот остался жив, — но безрезультатно. Сэм нашёл его друга Симона, собрал работников своего завода, и после недолгого совещания они решили сначала оповестить родных и близких Лучьяна о его исчезновении, затем приняться за поиски, и, если пропавшего не найдут здесь, живого или мёртвого, — построить общими силами надёжный, мощный аппарат, на котором можно будет подняться в небо.

Сэм и Симон приехали на извозчике в Кириф, нашли родителей друга и рассказали им обо всём. Те долго не хотели верить в случившееся, а когда осознали наконец, что потеряли и второго сына — горько заплакали. Младший сын Лесмян и гости долго успокаивали их.

Лесмян рассказал всё Мелфию — теперь уже своему учителю. Тот тоже не мог поверить, что его любимый ученик погиб. Старик тяжело заболел и вскоре умер, мечтая увидеться с Лучьяном хотя бы в другой жизни.

В Грайюнкме скончался от сердечного приступа директор Каллир-Кадена Беркуций. Перед смертью он раскаивался в том, что прогнал Лучьяна с пира по окончании учёбы в университете, и передавал ему, что просит прощения.

Корабль два года искали в нескольких странах не только Сэм, Симон и Лесмян, но и Зил Рахман, Зил Баклав, Нан Круст и Левс

Клис. Однако не нашли.

Когда Лесмяну исполнилось пятнадцать лет, он, как и брат, окончил школу с золотым орденом и поступил в Каллир-Каден. От переживаний, от пролитых слёз его родители стали совершенно седыми. У отца отнялись ноги, он не смог больше заниматься торговлей, и мать начала ухаживать за ним. А младший сын параллельно с учёбой работал в разное время кузнецом, каменщиком, строителем, маляром, чернорабочим и почти всю получку высылал родителям, довольствуясь самым малым. Окончив университет, тоже с отличием, он вернулся к ним и стал заботиться о них, продолжал обеспечивать их, устроившись прорабом на стройку. Затем поступил на службу к королю стражником в Грайюнкме, ему платили хорошее жалование. Лесмян долго не заводил семью, только в сорок лет женился на соседке родителей Гелме — бездетной вдове, скромной, добродушной женщине. У них родились близнецы, которых называли Амизом и Акиязом.

Сэм и его коллеги тем временем принялись за дело. Механики посмотрели планы, оставленные Лучьяном, признали, что всё продумано верно, но немного изменили их и собрали корабль, рассчитанный на пилота и нескольких пассажиров. Им помогли Лесмян, Зил Рахман, Зил Баклав и сыновья Сэма — Йонсон и Эл. Все понимали: нельзя сидеть сложа руки — надо продолжать искать Лучьяна, лететь вслед за ним, даже если придётся пожертвовать жизнью...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МОЛИТВА МАТЕРИ

В ранний час, когда все в монастыре ещё только-только проснулись, возле реки появилась старая монахиня с вёдрами в руках. Ничто её не радовало — ни тёплая погода, ни весёлый щебет птиц на деревьях, ни журчание прозрачной, чистой воды. Она чувствовала себя умершей уже при жизни.

Когда-то у неё был и муж, и трое замечательных сыновей. Потом не стало Гельяна. Через годы пропал без вести Лучьян. Лесмян отправился на его поиски и тоже исчез. Не выдержав потери сыновей, совсем недавно скончался её муж, Кристиан...

Единственной радостью для старушки были встречи с невесткой Гелмой и двумя внуками — младенцами Амизом и Акиязом. Но теперь она хотела служить Богу и ушла в монастырь. Здесь много работала и молилась, и это как-то облегчало тяжесть на сердце.

Каждый день Грета вставала очень рано, когда все в монастыре

ещё спали, и шла на реку за водой, потом готовила похлёбку, пекла оладьи или пирог. А после обеда она занималась пряжей, вышиванием или работала на улице — в монастыре был огород и скотный двор. Монахиня ухаживала за грядками, заботилась о коровах и козах, доила их.

Она молилась за своих детей почти всё время. Святая материнская любовь способна преодолевать любые преграды — Грета всегда чувствовала, когда кому-нибудь из её сыновей было плохо или угрожала опасность, и в такие моменты просила Бога помочь им. Молилась, увидев во сне что-нибудь ужасное. Много раз ей снилось, что Лучьян и Лесмян погибают. Однажды привиделось, что гигантское чудовище вылезло из адского пламени и проглотило их... Грета вскрикнула во сне и пробудилась. Монахиня Алсима спросила её, чего она так испугалась. Старушка рассказала ей сон и прошептала: «Пресвятая Богородица, спаси моих сыновей!» Не зря говорят, что материнская молитва достанет со дна моря...

Теперь, набирая воду из реки, Грета думала о том, что надо обратиться к священнику, мудрому отцу Анектану, доброму помощнику и советчику монахов, спросить его о том, что же ей делать дальше и как можно пережить постигшие её беды...

Анектан сам оказался здесь в ранний час. Он в раздумье шёл по берегу реки. Подойдя к Грете, поприветствовал её и спросил, видя, в каком она состоянии, что же её тяготит?..

Грета поведала ему обо всём, и священник сказал ей:

— Смирись с Божьей волей, добрая женщина. Бог тебя слышит, но ещё не пришло время тебе узнать о своих сыновьях. Не отчаивайся, даже если им плохо или их нет уже на этом свете. Мы, христиане, знаем ведь, что тот, кто переносит мучения, будет счастлив в Жизни Вечной. Просто смирись, что бы ни случилось. Тело их может погибнуть, но душа — никогда.

Он погладил старушку по руке и медленно пошёл дальше, дав ей побыть одной и подумать. Грете стало легче после его слов, но теперь появилось какое-то предчувствие, она не знала даже, плохое или хорошее...

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Монахи давно уже спали, когда в ворота монастыря кто-то громко постучал. Все проснулись, и мужчины, переговариваясь спросонья, вышли на улицу. Грета поспешно надела ризу на сорочку.

Шум на улице вскоре стих; шаги слышались уже в здании. Дверь в келью Греты отворилась, и вошла Гелма с близнецами на руках. Те вырвались и устремились к бабушке; не успела она ничего сказать, как в комнате появились двое мужчин. Один из них, совсем седой, бросился к монахине, стал обнимать её, целовать, приговаривая:

— Мама, это я, Лучьян! Я вернулся! Как же люблю тебя, родная моя, дорогая моя! Неужели я тебя вижу?! Прости меня, прости за всё, мамочка! Прости за то, что покинул тебя!

У Греты захватило дыхание; словно во сне, она стала целовать Лучьяна, гладить его по голове, не веря своему счастью. Объятия и поцелуи длились очень долго... И оба плакали от радости так, как не плакали ещё никогда в жизни...

И долго потом сидели они вдвоём — Лучьян прижался к матери, и она гладила его по лицу, по волосам, по плечам...

После и Лесмян обнимался и целовался с матерью, говоря ей:

— Видишь, мама, мы нашли его...

— Я плачу от радости, — сказал Лучьян, — а совсем недавно плакал от горя...

— Гелма известила нас о смерти отца, — объяснил Лесмян. — Значит, его похоронили на побережье Великого Южного океана?

— Он сам так завещал, — ответила Грета. — Возле этого океана ваш отец провёл детство, жил с родителями, братьями и сёстрами в какой-то деревушке, затем семья перебралась в город; родители умерли, а сирот забрали в детдом.

— Скоро мы навестим его могилу, — пообещал Лучьян.

Сбылось пророчество давнего сна: отца он больше не увидел. И не верилось, что теперь они никогда не встретятся...

Монахи пригласили гостей к столу и накормили их кашей. Лесмян сказал:

— Когда мы летели сюда, то видели самого дьявола.

Все удивились и, не зная, верить ли ему, посмотрели на Лучьяна.

— Не знаю, кто это был, — развёл тот руками. — Но я до сих пор напуган. Случилось всё так...

Корабль уже почти подлетал к Юпитеру. Друзья, обученные управлению им, во время пути по очереди сменяли друг друга у руля. Приборная панель здесь была такой же, как на судне

Лучьяна, и он хорошо ориентировался в ней. Лесмян, Зил и Симон сидели возле него, а Сэм и его сыновья спали.

— Очень облегчает полёт этот ископаемый камень — целоний, — сказал Лучьян. — Гравитация такая же, как на Юпитере, и никакой невесомости...

И вдруг лица всех четверых мужчин исказились от ужаса: издали навстречу кораблю летело на огромной скорости гигантское, очень страшное существо. Оно напоминало дракона, но было гораздо страшнее: жуткие узкие глаза с кровавыми зрачками, длинный острый нос, две пары рогов — загнутые и прямые; из кривой пасти вырывались клубы огня и дыма. Чудовище пристально смотрело на путников, и их сковал страх. Они успели разглядеть, кроме жёлто-красной головы, такого же цвета гигантскую лапу, напоминавшую руку скелета. Случилось всё в доли секунды: существо, приблизившись к кораблю, мгновенно растворилось в воздухе. Лучьян и Лесмян не на шутку испугались. А Зил и Симон даже упали в обморок, их еле привели в чувство. Чудовище снова появилось вдалеке, приблизилось и, сильно ударившись о стекло, пропало. Проснулись Сэм и его сыновья. Монстр показался в третий раз и, дыша адским огнём, стал подлетать к кораблю, но ещё вдалеке пропал. И больше не появлялся.

— Мне приснилось тогда, что вас ест чудовище, и я тут же, проснувшись, помолилась Богородице, — сказала Грета.

Братья произнесли благодарственную молитву Богородице и, поцеловав мать и получив от неё благословение на сон грядущий, ушли спать в отведённую им келью. А Грета долго не могла уснуть — благодарила Бога за возвращение сыновей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПОСЕЩЕНИЕ ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ

Побыв немного в монастыре, братья собрались ехать в Кириф, навестить своих друзей, пройтись по знакомым местам, а затем отправиться домой к Лесмяню. Он уговорил Лучьяна пожить у него, упрашивал мать, чтобы она тоже перебралась к нему, но Грета решила остаться в монастыре, хотя и не отказалась навестить семью младшего сына. Усадив её, Гелму и малышей в повозку, братья сели на козлы и тронули лошадей с места.

Когда они подъезжали к Кирифу, то увидели большое кладбище возле дороги. Приблизившись к его воротам, Лучьян остановил лошадей, и все слезли с повозки и прошли к одной из могил. Здесь лежал их любимый Гельян, очень рано покинувший этот мир...

— Спи спокойно, брат, — прошептал Лучьян. — Мы помним и любим тебя...

Мать поклонилась могиле и заплакала. Лучьян обнял её за плечи:

— Не надо, мама. Побереги себя...

Они посетили могилы Мелфия и Васко Зюты. Лучьян сильно скорбел и по ним, но старался держать себя в руках.

В Кирифе семья приехала к Зилу Рахману, у которого временно остановились Сэм и Симон. Хозяин несказанно обрадовался визиту, познакомил гостей с женой и уже взрослыми детьми и решил устроить пир в честь их прибытия. Он разослал слуг пригласить старых друзей, и вскоре пришли Зил Баклав, Нан Круст и Левс Клис со своими семьями. Они приветствовали Лучьяна, обнимали и целовали, затем шутили и веселились за большим столом во дворе, звеня бокалами с вином и пивом.

На следующий день Лесмян привёз семью в свой небольшой деревянный домик на окраине города. Он состоял из двух маленьких комнат, кухоньки и веранды, обстановка здесь была очень скромная, вещи — старые, много чего привезла сюда Грета перед уходом в монастырь.

Лучьян заметил, как изменился Кириф — расширился, появилось много новых зданий. Дом, построенный Кристианом, в котором жила его семья, теперь пришёл в запустение, оставшись без хозяев. Братья недолго постояли возле него, вспоминая годы счастливого и беззаботного детства. Духовная школа, где когда-то оба учились, сохранилась. Теперь здесь были другие преподаватели и ученики. Гости, войдя в здание, поздоровались с ними, объяснили, что обучались раньше тут и теперь захотели посетить родные стены.

— Многие выпускники приходят сюда снова, — улыбнулся учитель — старик, чем-то похожий на Мелфия. — И мы рады им. Эту школу все вспоминают с добром.

Много дней ехали Лучьян и Лесмян на повозке к побережью Великого Южного океана, к могиле отца. Они двигались по высохшим степям, подолгу не встречая ни одной живой души, останавливались возле родников, чтобы напиться и набрать воды в бурдюк. Иногда замечали вдалеке какое-нибудь дикое племя, которых здесь, на юге планеты, было бесчисленное количество.

...Океан стал виден за много километров — тёмно-синий, великий, грозный, забравший жизни многих, кто по нему плывал. Сколько мифов посвящалось ему, сколько божеств жило в нём!

Остановив лошадей, братья стали спускаться вниз, к берегу, по извилистой тропинке. Шли очень долго. И вот их взору предстало расположенное среди скал большое старинное кладбище. Множество камней-памятников было разделено на несколько рядов.

— Мать говорила, что могила отца — совсем недалеко от выхода, — сказал Лесмян, пристально всматриваясь в начертанные на камнях инициалы.

— Вот он, — Лучьян подошёл к одному из памятников, на котором было написано: «Кристиан Смолос», и поклонился могиле. То же сделал и Лесмян.

— Не увиделись мы с тобой, папа, — вздохнул Лучьян, вытирая рукой бежавшие по лицу слёзы, — не дождался ты меня. Никогда не прощу себе, что на столько лет покинул вас...

— Не кори себя, — покачал головой Лесмян. — Что случилось, то случилось.

Они долго сидели на скамейке возле могилы и вспоминали отца — доброго, щедрого, мудрого, справедливого, мужественного человека...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДЛИННЫЙ ПУТЬ К ЗВАНИЮ ПРОФЕССОРА

... — Знаете ли вы, какие произведения написал Китлас Ачер из Тимонии? — спросил Нимсар Вобулц, молодой преподаватель Каллир-Кадена.

— «Самсун и Гелло», «Адское жерло» и «Крушение», — ответил Лучьян.

— Перескажите любое из них.

Этот экзамен больше напоминал собрание — в кабинете находилось много профессоров и преподавателей Каллир-Кадена, и все с пристрастием допрашивали Лучьяна, проверяя, помнит ли тот что-нибудь из учебной программы. «Виновником» этого был он сам — принял твёрдое решение стать преподавателем в родном университете, как только приехал с друзьями в Грайюнкм. Знал, конечно, что придётся пройти огонь и воду, но не отступал.

Он действительно почти всё помнил, отвечал как по писаному, удивляя окружающих превосходной памятью. Ему дали

небольшой испытательный срок, который Лучьян прекрасно выдержал — и стал преподавателем в Каллир-Кадене.

Сначала он жил у Симона. Затем, во время прогулки за городом, обнаружил заколоченный старый домик возле леса. Лучьян оставил под дверь записку хозяину с просьбой продать дом, если это возможно, и оставил свой адрес проживания. Тот вскоре пришёл к нему, рассказал, что его родители, жившие там, умерли, а сам он давно переехал и готов продать избушку по небольшой цене. И они с Лучьяном совершили сделку купли-продажи.

Мебель в домике была такой старой, что разваливалась, и новый хозяин выбросил её. Симон дал ему тахту, несколько стульев и стол. А также корыто и таз, чтобы мыться. Лучьян мало бывал дома, приходил только поспать. Питался в столовой училища — ему очень нравилась тамошняя еда. Хотя иногда что-нибудь готовил и ел дома.

Как и многие ганакорцы, он спал мало. И дома в свободное время начал писать книгу о своих похождениях на планете Земля, которую назвал «Путешествие в другой мир». «Я очень полюбил все эти народы — и египтян, и турок, и болгар, и русских, и других, — рассказывал Лучьян в заключении своего труда, — и счастлив, что открыл такой замечательный мир — он также стал мне родным». Автор год работал над книгой, потом издал её, и она приобрела большую популярность.

Ещё через год вышла его новая книга, на сей раз о Руси, под названием «На правильный путь». В ней он поведал о том, как страна от язычества пришла к христианству, встала на верный путь. После этого Лучьян стал ещё известнее, завоевал признание широкой публики.

Студенты любили его за добрый и отзывчивый характер. Каждый день он рано приезжал в университет на повозке, приветствовал всех, кого встречал, и шёл в кабинет. Часто носил белую рубашку, тонкий бордовый жилет и панталоны; из-за того, что зрение ухудшилось, надел очки.

«Эх, давно ли здесь учился, — думал он, глядя на себя в зеркало, — молодым был, красивым, с друзьями по коридорам бегал. А сейчас...»

Лучьян преподавал несколько предметов у разных курсов — страноведение, технологию летательных аппаратов, древнеганакорскую литературу, анатомию и другие. В Каллир-Кадене обучали всем наукам, которые только были в Ганакоре и соседних странах. После первых трёх лет учёбы студентов «сортировали»

в группы, где они могли более углублённо заниматься любимой дисциплиной. В университете проводились встречи со многими знаменитостями страны — учёными разных направлений, политиками, журналистами, юристами, писателями и другими. Биологию, медицину, физику, химию изучали на опытах в специальных лабораториях. Лучьян присутствовал на всех собраниях преподавателей и на большинстве конференций.

После двух лет преподавания в Каллир-Кадене он начал учить языки соседних стран — Тимонии, Номекии, Огемии, Бакеры и других. И теперь всё свободное время проводил в библиотеке, читая учебники по этим языкам и труды иностранных учёных и писателей.

Несколько лет добросовестной работы потребовалось ему, чтобы получить звание профессора-страноведа. В Ганакоре для этого нужен был лишь определённый срок преподавательской работы в той или иной дисциплине и сдача экзамена по ней. Лучьян преодолел все трудности...

И вот, когда он стал профессором, к нему из Кирифа приехали родные — мать, Лесмьян и Гелма с мальчиками — и поздравили с успехом. Сыновья уговаривали Грету перебраться насовсем к любому из них, но она не захотела и снова вернулась в монастырь.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛУЧЬЯНА

Среди многих друзей-преподавателей самыми близкими для Лучьяна стали Сатис из Огемии и Арун из далёкой страны Наваты. Если Сатис был обычным человеком, то Арун больше напоминал птицу — он имел клюв и перистый покров, — но облачался в человеческую одежду и не летал, а ходил.

Однажды после занятий Лучьян встретил их — они шли куда-то и разговаривали. Он присоединился к ним, и трое друзей зашли в бар неподалёку от университета, сели за свободный столик. Заказав пива, Лучьян сказал:

— Меня посетила мысль, но я не знаю, насколько она осуществима...

— Что за мысль? Не спеши делать выводы! — быстро ответил Арун.

— Даже не знаю, с чего начать... Ну, вот, например, мы занимаемся страноведением, но сами мало где бывали, мало что видели. Я не встречал ни великанов, ни карликов, а ведь существует много их видов, интересно было бы посмотреть на них...

— Ты предлагаешь отправиться в кругосветное путешествие? — догадался Арун.

— Да. Почему бы нет!

— Но, Лучьян... Нам надо работать, и вообще... это крайне непросто... — задумался Сатис. — Наша планета — очень опасный мир. Мы вряд ли вернёмся обратно живыми, если попадём к великанам — говорят, многие из них агрессивны...

— Я бывал и на другой планете, которая находится безумно далеко — и ничего, жив, — возразил Лучьян.

— Кроме того, на путешествие уйдёт много средств, — предупредил Арун. — И времени!

— У нас на счету в банке есть деньги, — ответил Лучьян. — Мы так мало знаем о нашей планете, что я даже стыжусь этого. И у всех троих, несмотря на пожилой возраст, пока нет семей и ничто не удерживает закоренелых холостяков дома!

— Вы называете наш мир таким странным словом, как «планета», — задумался Арун.

— Конечно, — кивнул Лучьян. — Таких миров, как наш, — бесконечное множество. Я хорошо познакомился с миром под названием «Земля». А свой, невообразимо большой, почти не знаю, но так хочу узнать!

В конце концов друзья Лучьяна согласились на его предложение, и все взяли отпуск в университете. С ними решили отправиться Сэм и Симон. И приготовили для путешествия корабль, на котором летали на Землю за Лучьяном.

Путники взяли с собой большие запасы еды и одежды, топливо и тетради для дневников. И вот судно медленно поднялось над ещё спавшим городом и полетело вдоль реки на юг — друзья решили начать осмотр планеты с побережья Великого Южного океана.

Корабль добрался до него всего за несколько минут. И сел в живописной местности — возле белых скал с кустарниками, за которыми слышался шум прибоя.

— Скоро шторм будет, — сказал Сэм, — тут они часто бывают.

Пятеро друзей вышли из судна и побрели по тропинке, которая вела к старому замку, показавшемуся за скалами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПИР В ЗАМКЕ

Из замка доносилась музыка. Кроме стражей, возле двора стояло несколько человек в праздничных нарядах. Это были гости его хозяина Далкоса, вышедшие погулять на свежем воздухе после шумного празднества. Увидев пятерых путников, они зазвали их в замок, познакомили с владельцем замка, и мужчин усадили за пиршественный стол, над которым звенели ещё кубки. Сказители, присутствовавшие на празднике, поведали им историю и мифологию южных стран континента.

...С глубокой древности, с тех времён, когда ещё не сформировались государства, люди здесь чтили пантеон божеств, главным из которых был бог Гелло. Он владел не только обширными просторами океана, но и побережьем. Его изображали на картинах стариком с длинной седой бородой, с золотым трезубцем в руках и рыбьим хвостом.

Гелло, по легенде, царствовал на дне океана, на троне, в окружении многочисленных слуг — богов, русалок и нимф. Там он находился не всегда — иногда разгуливал по волнам океана, поднимая сильный шторм, или ветром проносился над южными землями, наблюдая за людьми. Но за пределы своей территории никогда не выходил — севернее правил его старший брат Самсун, более могущественный бог, которого он чтил и побаивался. У них было несколько братьев и сестёр.

Гелло имел бесчисленное множество детей от богинь, русалок и простых женщин; его сыновья и дочери помогали жителям побережья в разных занятиях, профессиях. Например, Кижелис, сын Гелло и богини Сауры, покровительствовал земледельцам; Лиохис, сын Гелло и русалки Аруи, — скотоводам; Нимас, сын Гелло и неизвестной женщины, — торговцам.

У Гелло не было постоянной спутницы, но он не переживал из-за этого. Являлся к женщинам, жившим на побережье, в виде прекрасного юноши, проводил с ними время, и у многих из них рождались от него дети.

Некоторые его сыновья от простых женщин стали великими героями. Мигор, сын Гелло и Аниады из города Аватум, открыл архипелаг в Южном Океане, и его назвали Мигорским. Авад, сын Гелло и Азаты из города Ячис, изобрёл деревянную летательную машину, но погиб, поднявшись к раскалённым газам. Эрут, сын Гелло и неизвестной женщины, придумал много видов оружия. Героями становились и дети, и внуки, и правнуки, и остальные потомки морского бога.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. НАРОДЫ МИГОРСКОГО АРХИПЕЛАГА

Гости пили вино, веселились. Шут Далкоса всех развлекал.

Лучьян уже почти захмелел, когда Сэм вывел его на свежий воздух. Оба отдышались, и Сэм высказал идею — посетить Мигорский архипелаг, который открыл сын Гелло. Лучьян был не против. Да и остальные путники потом согласились на это.

Далкос после пира собирался плыть по делам в соседнюю страну. Он снарядил флот, и пятеро друзей отправились в путь вместе с ним и его слугами. Стражникам, охранявшим замок, хозяин поручил ещё и стеречь летающий корабль, который гости на время оставили здесь.

Архипелаг находился почти по пути к тому городу, куда плыл Далкос. Он дал новым знакомым две лодки. Им повезло: в океане было редкое затишье, и они благополучно добрались до ближайшего острова. Его покрывали непроходимые джунгли, но в них росло много известных путникам фруктов и ягод.

Друзья вытащили лодки на берег. И, пробравшись через колючие кустарники, вышли на широкую поляну, в середине которой стоял огромный истукан — выдолбленный из камня человек высотой метров в пять: почти круглая голова, огромный нос, ноги и руки — как палки, без кистей.

Путешественники с удивлением рассматривали этого нового «знакомого». И тут из-за идола появилось странное существо — дикарь с рыжими волосами и бородой, в медвежьей шкуре, с огромной дубинкой в руках. Он долго разглядывал гостей острова, а те — его. И вдруг засмеялся, показывая редкие зубы. Вслед за ним появились другие дикари. Их было человек сорок, не меньше — мужчины, женщины, дети и старики, одетые также в шкуры животных, грязные, испачканные в земле или глине.

Рыжий главарь дикарей, которого первым увидели путники, поднял руку вверх и подошёл к ним, застывшим от удивления. И снова внимательно осмотрел каждого из них, заржал вдруг по-лошадиному и больно ударил Лучьяна дубинкой по голове. У того всё поплыло перед глазами, и он едва не упал.

— Эй, ты! — воскликнул Сэм. — Не думай, что тебе всё дозволено! Да, может, ты и хозяин этого острова, но это не даёт права бить нашего друга!

— Он всё равно тебя не понимает, — вздохнул Лучьян.

К ним подошёл ещё один дикарь, со светлыми волосами, с жутким, перекошенным лицом и свиными ушами, заржал так же, как и первый, выставил ногу вперёд, поднял её и стал ждать чего-то, глядя на Лучьяна.

— Они, наверное, здороваются ногами, — предположил Симон. —

Лучьян, по-моему, дикари угадали, что ты — наш предводитель. И хотят поприветствовать тебя.

— Рискни — подойди и приложи свою ногу к его ноге, — сказал Арун.

— А вдруг они меня ещё раз дубинкой треснут... — поёжился Лучьян, но последовал совету друга.

Оба дикаря заржали, а за ними заржало и почти всё племя. Гостей повели по тропинке в чащу. Им было страшно и неприятно идти с аборигенами неизвестно куда. На небе сгущались тучи. Вскоре заблестели молнии, и дикари ускорили шаг.

Тут хлынул дождь, стало совсем темно. Друзья увидели, что их ведут к изгороди с кольями, на которых белеют черепа людей и быков, и очень испугались. И бросились наутёк. Но дикари бегали быстрее них. Они догнали беглецов, и несколько мужчин сильно побили их дубинками. Путников, едва живых, потащили дальше.

Во дворе, возле хижин, лежали человеческие руки, ноги, головы, груды костей. Сатис, увидев это, упал в обморок, и друзья понесли его, хотя сами уже еле держались на ногах.

Пленников кинули в какую-то тёмную, сырую землянку. Поначалу они лежали молча, неподвижно, приходя в себя после пережитого. Затем стали тихо разговаривать. Сатис очнулся и заплакал:

— Нас съедят... Нам не убежать отсюда, никак не убежать... Может, пока заранее попрощаемся друг с другом?

— Сейчас не самое время падать духом, — возразил Лучьян. — Что-нибудь придумаем. Не унывайте! Мы обязательно спасёмся! Вешать носы — это самое худшее в нашем положении.

Но никто ему не ответил, все опустили головы. Тогда он прилёг на грязный пол и стал думать, как же можно всем спастись... Долго размышлял над этим, но пока ни до чего не додумался и зашептал молитву, в которой просил Бога спасти его друзей...

Через несколько часов за ними пришли. Несколько мужчин повели их на широкую поляну, на которой над костром грели огромный котёл с водой. Возле него суетились очень толстые дикарь и дикарка. Они отвратительно заржали, увидев пленников, и те содрогнулись.

— Сейчас я отвлеку на себя внимание, а вы бегите, и как можно быстрее, — сказал Лучьян друзьям. — Не бойтесь за меня.

И в ту же секунду он с пронзительным криком бросился бежать по усеянной костями поляне. Все дикари кинулись за ним, и его спутники метнулись в противоположную сторону. Они смогли уйти от преследования аборигенов, которые слишком поздно спохватились.

Лучьяна поймали и стали бить. Но его спасла случайность. Дикари держали скот — коров и коз, — и вот один бык убежал с загона и появился на той поляне. Дикари бросились врассыпную. Лучьян плохо помнил, что было дальше — он опрометью летел куда-то, убегал одновременно и от аборигенов, и от быка. «Очнулся» только тогда, когда оказался в водах океана. И начал отплывать от берега, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

Но никто за ним не гнался, дикари остались далеко позади. Лучьян повернул и некоторое время плыл вдоль берега, затем осмелился выйти на сушу.

Он шёл по горячему песку около часа, пока не встретил своих друзей — те тоже искали его, надеялись увидеть живым. Они долго его обнимали, радовались тому, что все спаслись. Лучьян теперь был для них настоящим героем.

— Спасибо тебе, Господи... — произнёс он, воздев руки к небу.

Друзья вернулись к своим лодкам, спустили их на воду и взяли курс на следующий остров, решив лишь проплыть вокруг него, но не высаживаться — вероятно, на нём тоже жили подобные дикари. Путники взяли с собой мало оружия, в основном лезвия и кинжалы, и поэтому здорово рисковали.

Остров был скалистым, друзья нигде не нашли пологого берега. В центре его высокая гора уходила в облака. На нём росли в основном кустарники и невысокие деревца, и он не казался таким опасным, как соседний; что-то влекло на него путников, несмотря на принятое решение.

Вот, наконец, они нашли место для высадки — берег здесь был крутой, но уже не скалистый. Лучьян и его спутники взобрались наверх, позабыв об опасностях, желая лишь разглядеть этот чудесный остров.

Они оказались на просторной лужайке. Редкие кустарники с синими и оранжевыми ягодами были незнакомы им. Живых существ, за исключением мелких птиц, друзьям не повстречалось. Мужчины обошли гору вокруг, и, когда уже хотели идти

к лодкам, перед ними откуда ни возьмись появился странный человек.

Он был с тёмно-коричневой кожей и длинными, до плеч, чёрными волосами. Из одежды носил лишь набедренную повязку.

Увидев путников, абориген зажал нос рукой, несколько раз вскрикнул и обессиленно повалился к их ногам. Начал плакать, говорить что-то, потом встал и поскакал на четвереньках вокруг них.

— Ты что-то хочешь? У тебя беда? — спросил у него ошеломлённый Лучьян.

Мужчина взял его за руку и куда-то повёл. Все остальные последовали за ними.

В том конце острова, где они ещё не были, путешественники встретили большое семейство обезьян. Те резво скакали на четвереньках и почти не обратили внимания на приход людей.

Коричневый человек подвёл Лучьяна к двум лежавшим на траве шимпанзе, истекавшим кровью. У них было много ран на теле, кровь шла не останавливаясь, и они тихо стонали.

Лучьян снял с себя рубашку, чтобы порвать её на перевязки.

— погоди, — сказал ему Сэм. — Ты поговори лучше с этим человеком, спроси, что здесь произошло и где его сородичи, а мы сами перевяжем обезьян.

Лучьян пообщался с аборигеном жестами и короткими фразами, и вскоре узнал всё, что было нужно, и рассказал друзьям:

— Человека зовут Раблтабл, у него нет семьи, он единственный представитель своего рода. Его племя истребили люди, и обезьяны выкормили мальчика. Он знает их язык и свободно общается с ними, это племя стало для него семьёй.

— Почему шимпанзе ранены? — спросил Сэм.

— Совсем недавно здесь были браконьеры и пытались их убить, но обезьяны скрылись, — ответил Лучьян.

— Давайте перевезём их в безопасное место, — предложил Сатис.

Лучьян ещё раз жестами поговорил с аборигеном и ответил:

— Раблтабл не может покинуть остров, да и обезьяны тоже — это их дом, они не приживутся в другом месте. К тому же браконьеры приплывали сюда всего один раз.

— Всё равно опасно их здесь оставлять, — сказал Арун.

— Надо подарить им наше оружие, — сообразил Симон. — Мы потом достанем новое. У нас есть два ружья и несколько кинжалов. Отдадим жителям острова и научим их обороняться.

Наши путники по совету Раблтабла перевязали раны двум шимпанзе лианами — так они лучше заживали. Потом научили его метко стрелять из ружья, а обезьян — бросать ножи. И, довольные тем, что оказали им помощь, попрощались с ними и пустились в дальнейшее плавание, решив посетить ещё один остров, а затем вернуться на континент.

Им попался большой остров с плодородной землёй. Его жители, люди маленького роста, занимались земледелием и скотоводством. Они без боязни, без враждебности встретили путников, повели их обедать вместе со всеми в просторную хижину. Все ели приборами, похожими на половник, из общего котла вкусный фруктовый суп. Потом дети играли, бегали, смеялись; взрослые о чём-то переговаривались на своём языке и тоже чему-то радовались.

— Они счастливы, — улыбнулся Лучьян. — Потому что их ещё не коснулась цивилизация. Она сделала нас такими несчастными, люди сами усложняют себе жизнь... А эти островитяне живут просто, свободно, ими никто не управляет...

Аборигены показали гостям другие хижины, а затем — плантации. Они жили в дружбе с обитателями соседнего маленького острова и часто плавали к ним в гости на брёвнах. Наши путники решили отдать им лодки и сесть на проплывавший мимо большой корабль, направлявшийся на север.

Это было китобойное судно. Его капитан, толстый пожилой мужчина, с помощью матросов вытащив из воды пятерых запыхавшихся друзей, стремившихся попасть к ним, прислушался к разговору гостей и поприветствовал их на ганакорском языке.

— Вы говорите по-ганакорски? — удивился Лучьян.

— Я много языков знаю, — ответил капитан. — Мы плывём в порт Аглейску. Если вам по пути, то подбросим вас.

— Большое спасибо, — обрадовался Лучьян. — Этот порт находится не так далеко от замка, куда мы должны вернуться.

Они познакомились. Капитана звали Неджак. Он угостил путников напитком, который пили моряки — тот был горьковатым и красным, как вино, шипучим и игристым и немного пьянил.

Лучьян поначалу морщился, но затем, распробовав его хорошенько, выпил с удовольствием три бокала за здоровье друзей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. НА СЕВЕР ПО РЕКЕ

Друзья благополучно добрались до своего корабля, но далеко на нём улететь не смогли: после трёх минут пути он стал разваливаться. Сначала отлетело крыло, потом хвост, а когда начал глохнуть мотор, Лучьян и его спутники посадили судно на берегу реки Фанвы.

Здесь не было ни единого селения вокруг на сотни километров. Лишь темнели непроходимые джунгли и река несла воды на юг. Сэм и Лучьян обследовали внутренности корабля и поняли, что он непригоден к дальнейшим полётам. Пришлось друзьям оставить его. По берегу идти было небезопасно — иногда из леса появлялись хищные животные. И путники соорудили плот из ветвей засохших деревьев, находившихся неподалёку, и поплыли на нём по реке на север.

Течение было быстрым, и мужчины с огромным трудом гребли против него. Иногда они отдыхали на берегу. Уничтожив свои запасы еды, питались тем, что Бог пошлёт — то фрукты с ягодами соберут, то рыбу выловят, то дикого кабана или козла поймают.

Во время отдыха Лучьян, глядя на небо, вспоминал тот чудесный мир, который открывался за горячей газовой оболочкой: мириады звёзд, галактики, туманности... и Солнце — далёкое и близкое одновременно, такое яркое и согревающее...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. АЛМАЗНЫЙ ГОРОД

Через несколько дней плавания компания попала в тяжёлые климатические условия: началась невыносимая жара, на суше почти совсем исчезла растительность, а затем пологие берега сменились крутыми, скалистыми. И вот скалы уже возвышались над путниками на десятки метров.

— Друзья, кажется, я догадываюсь, где мы! — воскликнул Лучьян. — Когда меня ещё не было на свете, мои родители беседовали с тремя мужчинами, которые до этого посетили старинный Алмазный город. Те подробно описали местность возле него, и отец позже пересказал мне всё. Может быть, я и ошибаюсь, но описание очень похоже: берега стали скалистыми, высокими, красными, как и здесь. А возле самого

города в реке много всякой «нечисти» — пираний, рыб-мутантов, змей и других...

Не успел он договорить, как из воды выпрыгнула мелкая рыбёшка и острыми зубами впилась в сапог Сэма.

— А-а-а-ай! — неистово заголосил тот.

Лучьян аккуратно разжал пасть рыбке, снял её с сапога друга и выкинул в воду.

— Я боюсь дальше плыть, — признался Арун.

— Я тоже, — ответил Сатис. — А куда денешься? Кругом скалы, даже к берегу нельзя причалить.

Проплыв ещё несколько сотен метров, путники увидели слева пещеру: в скале, чуть повыше уровня воды, зияло тёмное отверстие.

— Туда можно забраться, — сказал Сэм. — Рискнём?

— А если там живут звери или дикари? — испугался Сатис.

— Но и в реке дальше будет ещё больше опасных обитателей, — напомнил Лучьян. — Давайте сделаем так: два человека пойдут в разведку. Скажем, я и ещё кто-нибудь.

— Я пойду с тобой, — вызвался Сэм.

Они пробрались в пещеру. Друзья с волнением ждали их на плоту. Через некоторое время появился Сэм, очень довольный:

— Пойдёмте со мной!

На все расспросы спутников он молчал — хотел устроить им сюрприз. Мужчины вбили кол в скалу и привязали к нему плот. Изредка переговариваясь, они двинулись по узкому, невысокому, тёмному коридору. И только через полчаса увидели в конце его свет...

Странники оказались в каком-то большом здании. Потолка здесь не было; две высокие красные стены, сплошь исписанные иероглифами и рисунками, потрескавшиеся от ветхости, уходили вдаль, а между ними располагался узкий канал с водой. Возле стен стояли статуи богов — мужчин, женщин, животных, сфинксов.

— Пойдёмте, — поторопил всех Сэм.

Они шли какое-то время вдоль одной из стен, затем Сэм полез в широкую расщелину в ней, и друзья полезли за ним. Оказавшись по другую сторону стены, путники изумились:

перед ними предстал старинный вымерший город с жёлтыми домами-пирамидами, украшенными алмазами и разноцветными камнями.

— Красиво! — восхитился Симон.

— Лучьян в том здании, — Сэм указал на один из домов. — Он ждёт нас.

Отворив деревянные двери, они вошли в просторный зал с округлыми жёлтыми стенами, сплошь облепленная драгоценными камнями — сапфирами, изумрудами, рубинами, топазами... На полу стояли в ряд небольшие глиняные горшочки, доверху наполненные блестящими алмазами.

Лучьян пересыпал камни из одного горшка в мешок. Он достал где-то полсотни маленьких вязаных мешочков и успел уже наполнить больше половины их.

— Мы будем сказочно богаты! — радовался Сэм. — И всю жизнь проживём только за счёт этих алмазов!

— Похоже, только в этом доме остались драгоценные камни, — сказал Лучьян. — Нам надо действовать расторопнее. Путники говорили моим родителям, что сюда иногда приходят племена краснокожих аборигенов — аккезийцев, только они знают о существовании этой сокровищницы. Постараемся не наткнуться на них...

Друзья второпях принялись набивать мешки сокровищами из горшков и со стен. Но вскоре в дверях появились трое людей. «Аккезийцы!» — с ужасом подумали путники.

Это были высокие мужчины со смуглой кожей, огромными глазами и густыми чёрными волосами. Их тела украшали ожерелья на шее, браслеты на руках и кольца в ушах; из одежды они носили только набедренные повязки. Увидев, что у них нет оружия, гости немного успокоились. Аккезийцы стали размахивать руками и что-то кричать наперебой. Лучьян неплохо понимал их язык.

— Уходите быстрее! — велели они. — Сейчас придут люди из нашего племени и грозный вождь прикажет убить вас! Он не любит, когда чужаки наведываются сюда!

Лучьян перевёл это друзьям, и те через него стали упрашивать аккезийцев подарить им хоть немного драгоценностей.

— Берите, но только один мешок, и уходите! Быстрее! — ещё громче закричали аборигены.

Прихватив мешок, странники тем же путём вернулись к плоту.

— Теперь поплывём обратно, а потом повернём в ближайший приток реки, — решил Лучьян. — Дальше двигаться опасно — гигантские змеи съедят нас с потрохами.

Друзья отвязали плот, в спешке отчалили от берега, и река понесла их на юг сильным течением.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ГОРОДА В ПУСТЫНЕ

После этого странники побывали в нескольких городках в пустыне Ранта. Туда они попали, свернув на плоту в приток реки и проплыв около двух сотен километров.

В городах-оазисах — Кунуте, Асиче, Амиле — располагались огромные рынки, на которых торговали тысячи приезжих купцов, и наши путешественники обменивали драгоценности на нужный им товар. За один камень им давали мешок, наполненный продуктами — хлебом, мясом, фруктами, — и ещё кучу нужных в дороге вещей. Здесь всегда было очень многолюдно — все торопилось куда-то, толкались, кричали. Наши путники останавливались в скромных гостиницах.

В Асиче друзья осмотрели великолепный замок, построенный более двух тысяч лет назад из жёлтого камня, с зубчатыми стенами и многочисленными башнями со шпилями. Его воздвигли в честь бога пустыни Юйса, статуя которого находилась тут же. Это был толстый, с огромным животом, старик в широкополой конусообразной шляпе, с длинными, спускавшимися ниже плеч волосами и бородой до пояса. Он смотрел куда-то вдаль с интересом и беспокойством. Местные жители называли его братом богов Гелло и Самсуна. По преданию, Юйс и давал людям оазисы, и вызывал песчаные бури, когда хотел наказать их за что-то. Считалось, что раньше он жил в этом замке, а затем с семейством переселился на небо, чтобы сверху наблюдать за людьми. Лучьян понял, что Юйс был правителем этой страны, а после смерти его обожествили.

В Амиле путникам рассказали, что севернее находится страна, где живут маги и чародеи; самым главным божеством там считалась с незапамятных времён Ратира — ведьма, бабушка бога Самсуна. И над дремучими лесами возвышался гигантский вулкан Ратикон, который, по преданию, извергал лаву из самого ада. Об этой стране ходило много страшных легенд. Но друзья не испугались её — наоборот, им стало так любопытно, что они сразу отправились туда.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. СТРАНА РАТИРИЯ

Страна магов Ратирия, как и следовало ожидать, оказалась полной тайн и загадок. И к тому же глухой — без цивилизации,

без городов, лишь с небольшими деревнями. Люди селились в основном возле рек и озёр, а некоторые предпочитали жить в лесу, как отшельники.

Друзья, шедшие несколько часов по узкой тропинке через лес, не увидели ни одного зверя. Только изредка попадались муравьи и птицы пели на верхушках деревьев.

Чем дальше продвигались путники, тем тише становилось в лесу. Птицы умолкли. С удивлением заметили мужчины, что не слышат даже собственных шагов. Сэм закашлялся, но и это получилось беззвучно. Друзья со страхом подумали, что оглохли.

И тут им навстречу из-за деревьев вышел сгорбленный старец с огромными усами и прямой, словно из пучков соломы, бородой, в фиолетовом балахоне.

— Кто потревожил мой лес? — хриплым голосом спросил он на едва знакомом Лучьяну языке и стал сощурившись оглядывать пришельцев.

— Кто вы? — поинтересовался у него Лучьян на том же языке.

— Я — дух Флоритий, бывший когда-то покровителем этой страны, но с тех пор, как Ратира отняла у меня власть, нет мне здесь покоя, так и брожу по лесу уже многие тысячи лет!

— Мы просто путешествуем по вашей стране, — стал объяснять Лучьян, замечая, что не слышит собственного голоса. — Нет ли поблизости таверны, где можно отдохнуть?

— Вы отдохнёте у меня во дворце, — ответил Флоритий. — Идите за мной.

«Ну вот, говорил, что бродит без покоя... — подумал Лучьян. — А у самого дворец есть!»

Старец привёл путников к крошечной хижине, находившейся совсем близко, и распахнул её дверь:

— Прошу в мой дворец!

Лучьян при этих словах усмехнулся, однако вошёл первым, ожидая увидеть скудное убранство домика. Но тут в глаза ему ударил яркий свет, послышались голоса, музыка...

...Он стоял в огромном зале без окон, где белые стены, казалось, излучают свет. На возвышении, на троне уже сидел Флоритий, перед ним расстилался широкий зелёный ковёр, по обеим сторонам от которого стояли слуги правителя — советники,

колдуны в разноцветных мантиях, воины. Лучьян и вошедшие вслед за ним друзья с удивлением разглядывали зал.

На ковре сидели трое юношей в больших чёрных папах и играли на дудках. Откуда ни возьмись появилось несколько змей. Они ползли по ковру к музыкантам, опутывая друг друга и громко шипя. И, приблизившись к дудочникам, стали виться вокруг них, образуя воронку. И тут вдруг возникло облако пара и окутало их всех, а когда оно рассеялось, змей уже не было. Флоритий и его советники заплодировали, и юноши отклонялись и ушли.

— У нас гости — Лучьян со своими друзьями! — объявил хозяин. — И в честь них устроен этот пир!

Советники снова захлопали в ладоши. «Откуда ему известно моё имя? — подумал Лучьян. — Вот уж поистине древний дух! Да как же здесь может быть целый дворец? Мы ведь зашли в хижину!»

Так же внезапно, как и змеи, откуда-то появились три длинных стола, накрытых белой скатертью, с множеством блюд и напитков.

— Прошу присаживаться, — пригласил всех Флоритий. — Лучьян и его друзья пусть садятся рядом со мной и моим советником Люмпаном.

Еда была на редкость вкусная, и Лучьян ел, ел и никак не мог остановиться. Раки, рыба, свежие овощные пироги, говядина...

Люмпан, с которым гости познакомились сразу же, как сели за стол, оказался весёлым и общительным стариком. У него, как и у Флорития, были большие усы и прямая, словно кол, борода, но он ещё не поседел, оставался рыжим. Советник носил красный балахон с синими звёздочками.

— Наш хозяин очень добрый, но он грустит из-за того, что у него отняли власть, — рассказывал Люмпан. — И давно пытается устроить заговор против старухи Ратиры, собирает сюда, во дворец, путников, которые забредают в нашу страну, чтобы они помогли ему однажды свергнуть её. Он оказывает радушный приём гостям, устраивает пиры в их честь, им здесь очень нравится, и многие остаются жить во дворце. Однажды Флоритий соберёт огромную армию против Ратиры.

— А как она его свергла? — поинтересовался Лучьян.

— Друг мой, как-нибудь потом скажу, — тихо сказал Люмпан, оглядываясь по сторонам. — Повелитель знает, о чём мы

с тобой говорим, знает даже, о чём думаем. Он всё знает, что происходит в этом дворце.

Весь остаток вечера Лучьян провёл в раздумье. Ему и друзьям очень хотелось увидеть ту легендарную гору Ратикон. Но вино усыпило его в одно мгновение — голоса превратились в непрерывный гул, силуэты людей стали расплываться. И Лучьян крепко уснул, и слуги Флорития перенесли гостя в одну из спален дворца.

Он лежал на широкой кровати в просторной спальне с такими же белоснежными стенами, как в зале.

Друзьям пришлось долго будить его.

— Вставай, Лучьян! — обеспокоенно говорил Сэм. — Нам пора уходить отсюда!

— Где мы? — сонно пробормотал Лучьян.

— Во дворце Флорития, — ответил Симон.

— Смотри, — Сэм показал Лучьяну маленькое кольцо. — Вся мощь Флорития — в этом кольце. Если мы заберём украшение с собой, хижина внутри снова станет хижинкой, дворец пропадёт.

— Где вы его взяли? — спросил Лучьян.

— Сатис украл из спальни повелителя, — ответил Арун. — Он слышал разговор Флорития с приближёнными: старик сказал, что после того, как уберёт со своего пути Ратиру, её слуг и сторонников жестоко накажет — сбросит в жерло вулкана. В этом кольце всё могущество старца. Его надо бросить в лаву, чтобы колдовская сила пропала.

— Странно, что Флоритий не поймал Сатиса, когда тот брал кольцо, — пробормотал Лучьян. — Он же знает всё, что происходит во дворце...

— Старик спал, и его телепатические способности не действовали, — объяснил Сэм. — Он и сейчас спит. Нам надо бежать отсюда, найти ту гору и бросить в жерло вулкана это кольцо. Как говорят по всей стране и даже здесь, во дворце, Флоритий лишь притворяется добрым духом, но когда обретёт власть, то уничтожит всех, кроме тех колдунов и своих приближённых, от которых ему может быть хоть какая-то польза. И в давние времена своего правления этот злодей казнил тысячи человек за неподчинение.

...Странники быстро покинули дворец. Они через чёрный ход вышли в темноту, и затем вдруг сразу посветлело, и мужчины

увидели, что они вновь находятся возле хижины, в дремучем лесу. Теперь надо было найти кого-то, чтобы спросить, в какой стороне находится гора.

После часа ходьбы, когда лес уже стал редеть, друзьям повстречался волшебник, очень высокий и толстый. Его округлое лицо, с чёрными глазами и маленьким носом, украшали бакенбарды. Он был одет в синюю мантию, в руке держал посох.

— Что это у вас? — спросил волшебник, увидев украшение в руке у Сэма. — Не то ли кольцо, в котором заключено могущество Флорития?

— Откуда вы знаете? — удивился Лучьян.

— Материал, из которого оно сделано, уникален, — объяснил волшебник. — Таких колец больше нет в стране. Некогда его изготовила Ратира. Она выковала кольцо над лавой вулкана, чей жар исходит из самого ада. Но сила этого изделия оказалась настолько мощной, что произошло непредвиденное. Как-то раз началась гроза, кольцо выбило молнией из рук колдуньи, оно укатилось с горы в лес и пропало. Хозяйка собиралась передать его одному из своих наследников, чтобы он получил власть над всеми колдунами. Но никто не мог разыскать кольцо. Несколько злых магов стремились завладеть им. Один из них, Флоритий, нашёл украшение, и в стране стали исчезать те колдуны, которые соперничали раньше с ним. Скончались жители страны, поддерживавшие власть Ратиры. В лесу вымерли все животные, а в воде — рыбы. Флоритий в скором времени мог бы свергнуть правительницу, которая ничем дурным не прославилась, но...

— Мы украли это кольцо у старца, — досказал Сатис.

— Вы знаете, что с ним нужно сделать? — спросил волшебник.

— Мы должны уничтожить его — бросить обратно в вулкан, — ответил Сэм.

— Да. И нести его к вулкану может только человек с чистым сердцем. Это он, — волшебник указал посохом на Лучьяна.

— Я? — удивился тот.

— Ты, — кивнул собеседник. — Меня зовут Мольт. Сейчас я вынужден покинуть вас — мне нужно отлучиться на важную миссию. Но трудную или опасную минуту явлюсь к вам. Держите путь строго на север, — он указал рукой, — так вы дойдёте до вулкана.

И Мольт исчез, словно провалился сквозь землю.

Не успели путники пройти и ста шагов, как с неба на Лучьяна налетела гигантская сорока, схватил его лапами и уволокла ввысь. Тот понял, что птицу привлёк не он сам, а кольцо — сороки любят блестящие предметы.

Она летела довольно низко, и друзья Лучьяна бежали за ним следом.

— Пощекочи его! — кричал Сэм.

Тот стал щекотать сороку одной рукой, держа другой кольцо. Птица застрекотала и отпустила Лучьяна. Он упал на землю и больно ушибся, и друзья бросились поднимать его.

— Что-то блестящее! Уж не кольцо ли? — раздался знакомый голос.

Перед странниками появился Флоритий, сидевший на коне, в окружении двух десятков воинов.

Неожиданно возник и Мольт и направил на них посох. Все они окаменели.

— Я на время заколдовал их, — сказал волшебник. — Бегите как можно быстрее к вулкану и не останавливайтесь!

Уже через несколько минут путники достигли подножия горы. Самым трудным было восхождение на неё — становилось всё жарче и жарче, и вскоре друзья так устали, что не могли идти дальше. Но тут из какой-то ямы выполз гигантский паук размером с козу, с большими злыми глазами и клыками, и все опрометью кинулись бежать от него в гору.

...И вот они были на поверхности вулкана. Едва перенося жару, подошли к его краю; внизу кипела огненная лава.

— Бросай, — велел Сэм Лучьяну.

Тут совершенно неожиданно у Лучьяна вырвал кольцо невесть откуда взявшийся Флоритий, но оступился и полетел бы напрямик в горячую лаву, если бы его не схватили сзади за полу плаща Сатис и Симон. Так он и повис над огненным морем...

— Брось кольцо вниз, или мы отпустим тебя! — крикнул Симон.

— Никогда! — ответил Флоритий. — Это сокровище для меня дороже жизни!

— Подумай как следует, — предупредил Симон. — Считаю до десяти, и мы отпускаем тебя. Один... два... три... четыре... пять...

— Нет! Нет! Нет! — заплакал старик.

Ему пришлось разжал кулак и бросить кольцо. Флорития подняли вверх. Он стал громко рыдать, проклиная своих соперников.

На небе, в газовой оболочке, заблистали молнии.

— Богиня-колдунья Ратира радуется, что мы спасли её от Флорития, она благодарна нам, — сказал Арун.

Лучьян улыбнулся. Ему почему-то не верилось во всё это — ни в богов-идолов, ни в колдовство. И даже Флоритий казался теперь обычным человеком, несчастным стариком.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СТРАНА ГНОМИКОВ-ГРИБКОВ И КОРОТЫШЕК

Страна, располагавшаяся к северу от Ратирии, поначалу не понравилась путникам: сплошная степь, простирающаяся до горизонта, сколько ни пройди — ни одного деревца, ни одного кустарника, только засохшая серая трава...

После трёх дней такой дороги друзья отчаялись: съестных запасов и воды оставалось мало, а степь всё не заканчивалась, и не предвиделась встреча ни с каким «оазисом» — будь то селение, лес или водоём.

— Смотрите! — сказал вдруг Лучьян изнурённым спутникам. — Грибы!

Все устремились к видневшимся вдалеке грибам.

— Белые... серые... А почему красные движутся? — удивился Сэм.

— Что ты такое говоришь! — поморщился Симон.

— Сам приглядишься.

Красные «грибы» действительно двигались, мелькали среди остальных.

Странники подбежали к ним, и Лучьян схватил один из них и ахнул. У него на ладони стоял маленький испуганный человечек в красной шляпке и с белой бородкой. Он был в жёлтом жилетике и белой рубашечке, коротких бежевых штанишках и красных туфельках. На державшего его «великана» смотрел с большой опаской и в то же время с любопытством. Остальные путники тоже стали разглядывать гномика.

— Каких только обитателей нет на нашей планете... — пробормотал Лучьян.

— Тут много таких, — сказал Сатис.

И правда: между грибами мелькали маленькие шляпки. Мужчины заметили, что они порой куда-то исчезают, словно проваливаются сквозь землю. Так и оказалось: гномики жили в норках под землёй.

Человечек, стоявший на ладони Лучьяна, заговорил что-то быстро, тоненьким голоском.

— Не беспокойся, мы вас не обидим, — ответил Лучьян и погладил его шляпку.

— Постойте-ка... Его речь напоминает мне язык коротышек страны Эмны, который я изучал раньше, — прислушался Сатис. — Этот гномик умоляет не рушить подземный город, в котором обитает вместе с сородичами. Говорит, что они страдают от вторжений живущих в соседнем городе коротышек, которые забирают у них съестные припасы и растения, выращиваемые под землёй, а кроме того, не подпускают их к реке, возле которой сами живут. До грунтовых вод гномики не достают, поэтому им приходится очень тяжело...

— Надо побеседовать с коротышками и восстановить справедливость, — сказал Лучьян.

— А они пойдут на контакт? — усомнился Арун.

— Куда им деваться! — воскликнул Сатис. — Если увидят, каких мы размеров и что можем запросто справиться с ними...

— Этот гномик, которого зовут Вальхус, сказал, что язык гномов похож на язык коротышек, так что я проведу переговоры, — решил Сатис. — Наш новый знакомый хочет вместе с братом Вульхусом отправиться с нами.

Он посадил гномиков-близнецов на ладонь, и путники двинулись в соседний город коротышек. Остальные «грибки», выбравшись из подземного города наружу, махали шляпками им вслед.

Красивый городок располагался на берегу широкой реки. Маленькие белые домики, сады с крошечными деревьями, большой пляж — всё это завораживало гостей даже издали. Над городком с противоположной от реки стороны возвышался холм, на котором стоял идол божества коротышек Гумиса, почти с человеческий рост, в шлеме и доспехах. Жители, высыпавшие из домов, толпой подошли к нему и стали молиться.

Когда наши путники появились позади истукана, маленькие люди, увидев их, очень удивились и испугались. Сатис поднял правую руку, как бы призывая к спокойствию разволнованный

народ, а левую, на ладони которой стояли гномы, протянул вперёд. К нему подошёл правитель города по имени Юс и спросил, кто такие эти «великаны» и чего они желают.

— Мы — посланники того бога, которому вы сейчас молитесь, — ответил Сатис.

— Посланники Гумиса?

— Да. Он послал нас, чтобы мы призвали ваш народ к милосердию.

— Что Гумис хочет от нас?

— Он велел передать вам, что река, возле которой вы живёте, создана не только для вас, но и для гномов, поэтому нужно пускать их к воде. Если слушаетесь Гумиса — он разольёт реку и затопит город. Не останется в живых ни одного человека.

Народ испуганно зароптал. Юс замахал руками:

— Нет, нет, нет, передайте Гумису, пусть не наказывает наш народ, мы обязательно исполним его повеление!

— Ещё он гневается, что вы отбираете у гномиков еду!

— Передайте светлейшему Гумису, что больше такого не случится! Только пусть он нас не наказывает! Мы и так пережили много бедствий: и сильную жару, и ураган, и наводнение!

— Хорошо, мы всё передадим и вернёмся, — пообещал Сатис.

Он с друзьями и гномами быстрым шагом удалился, пересказал им разговор с Юсом, и затем все они вновь предстали перед народом.

— Вы не будете наказаны, Гумис простил вас, — объявил Сатис, — только не больше не обижайте гномов, живите в мире и согласии с ними.

Народ возликовал. Был устроен пир на берегу реки, на который пригласили всех гномов; «посланники Гумиса» тоже веселились на этом празднике. Гномы подружились с коротышками, они стали помогать друг другу во всём, делиться друг с другом всем необходимым. Наши путники вскоре попрощались с этими народами, пожелали им добра и счастья и двинулись дальше.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. МОРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Жители соседней приморской страны Бенамико были обычными людьми. Отличались они лишь своей необыкновенной медлительностью и фантазией. Ютились в ветхих домишках, ходили грязные, в оборванной одежде. Обитатели одного посёлка, куда попала

компания Лучьяна, рассказали путникам много морских легенд, и особенно запомнились слушателям следующие.

История о гигантском осьминоге была очень старой. Однажды из моря выполз гигантский осьминог. Он безжалостно истоптал несколько городов и уничтожил множество людей. И куда делся потом — тайна: одни говорили — уполз обратно в море, другие — исчез в пустыне, третьи — растворился в воздухе. И так далее. Некоторые утверждали, что осьминог приползал из северного полушария. Там было много животных колоссальных размеров, но они жили обособленно от разумных существ, не трогая их. Из-за этой истории осьминог считался символом зла в нескольких странах Юпитера.

Ещё в одной легенде говорилось о корабле с управляющими им богами. В приморских странах верили в языческих богов, которые жили на летающем корабле, иногда отправляя к людям своих посланников. Боги видели с высоты всё. Чистые и искренние в своих помышлениях, они оказывали помощь людям в их делах, хотели восстановить мир и добрые отношения между ними.

Не менее интересна была легенда о морском боге Дикусе, необыкновенно толстом, ухоженном, с большой белой бородой и короной на голове. В руках он почти всегда держал огромный трезубец. Говорили, что его прототипом являлся обожествлённый правитель. Дикус много времени проводил среди людей — не гнушался общества простых смертных. Давал им очень умные советы, предостерегал, защищал от неприятностей и бед. Ему нравилось устраивать гуляния на море, для этого плотники создали красивые лодки, которыми управляли по нескольку гребцов. Дикус наблюдал их плавание с берега, сидя на позолоченном троне, а иногда и сам управлял судами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. МУДРЫЙ ПРАВИТЕЛЬ СТРАНЫ БАРСИИ

Когда путники попали в ещё одну приморскую страну — Барсию, где жили такие же люди, — то были очень удивлены их отзывчивостью. Одни показали гостям дорогу в столицу, другие сопроводили их, третьи дали им приют, накормили и напоили.

— С тех пор, как страной стал управлять мудрый и добрый Ливон, отношения между людьми сделались намного лучше, — сказал странникам мужчина, принявший их у себя.

Лучьяну и его друзьям, конечно же, очень захотелось увидеть такого правителя.

— Это не составит никакого труда, — ответил мужчина, узнав об их желании. — Вход в его дворец — свободный.

Правитель Ливон, высокий пожилой мужчина с длинными седыми волосами и бородой, любезно принял путников у себя. Он угадал в глазах гостей вопрос, который слышал от многих: как ему удалось сделать отношения между людьми в стране такими добрыми?

— Правителем нужно становиться только с хорошими намерениями, — стал говорить Ливон. — У меня от природы такой характер — я христианин и стараюсь соблюдать все христианские заповеди, и не потому, что это нужно, а потому, что они созвучны моим взглядам и убеждениям. Многие усложняют себе жизнь, а я хочу быть простым и наивным, как ребёнок, не держать ни на кого зла, помогать всем, делать для других всё, что в моих силах.

Мужчины в задумчивости слушали его.

— Если я сам обойдусь без какой-либо вещи или даже не обойдусь, лучше отдам её тому, кто в ней нуждается, — продолжал Ливон. — И не держу обид ни на кого, потому что этим только себе можно навредить. Надо быть мудрее и проще.

Он повёл своих гостей по комнатам дворца, в которых находилось много нищих и калек — кто ел, кто вёл беседы, кто спал...

— Каждый может прийти ко мне за помощью, — сказал Ливон. — Бог всё видит, друзья мои. За каждое хорошее дело, сделанное во благо другим, вы получите от Него во много раз больше, чем отдали. Не бойтесь творить добро.

— Но и за каждый грех будет, наверное, суровое наказание... — вздохнул Арун.

— Человек сам наказывает себя, — ответил Ливон. — Моё мнение таково, что не будет ада, о котором люди говорят с такой боязнью. Грешники сами накажут себя вечными угрызениями совести от грехов, в которых не раскаялись ранее. И ещё тем, что отделились от Бога, ведь первоначально мы все — Его частицы...

— Вы — самый лучший правитель, — восхитился Лучьян.

— Ну, лучший — не лучший, а кое-что постичь в этой жизни и донести до народа я смог, — улыбнулся старик. — И дай Бог, чтобы христианская вера стала главной во всём мире!

Друзья долго ещё беседовали с мудрым правителем. Лучьян рассказал ему о своём детстве, о посещении Земли, о путешествии по Юпитеру. А Ливон поведал гостям о своей трудной, бедной молодости, об управлении страной, о своих детях — их было шестнадцать человек.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ГОСУДАРСТВО-ЗАПОВЕДНИК РЕПТИЛИЙ

Много миллионов лет назад на Юпитере, как и на Земле, обитали динозавры. Первобытные разумные существа очень страдали от их нападений — те калечили и убивали многих, разрывали острыми, мощными когтями и съедали. И с появлением огнестрельного оружия люди смогли в полной мере отомстить хищникам: стали уничтожать и больших, и маленьких рептилий. Гораздо раньше избавились от них великаны в странах северного полушария — там не осталось ни одного динозавра. Когда человечество успело истребить почти всех их на планете, правители десятков государств встали на защиту немногих оставшихся в живых и по совету какого-то мудрого царя рептилий согноли в один гигантский заповедник возле моря, который назвали «Государством динозавров».

Его содержали правители нескольких соседних стран. В нём работали специальные служащие, к которым динозавры были более-менее приручены.

Наших путников при осмотре заповедника сопровождал молодой работник Марис; все ехали по широкой грунтовой дороге на большой повозке, запряжённой тремя лошадьми. Сначала по сторонам долго тянулись леса, затем стали попадаться большие поляны, на одной из которых мужчины увидели интересную картину — в большой яме мама-динозавр помогала детёнышам выбраться из скорлупы яйца.

— Это Майя, — сказал Марис, — она каждый месяц оставляет такой выводок.

Далее начались холмы, затем вдалеке показались горы. Марис свернул повозку на одну из тропинок, ведущую к невысокой горе. Когда лошади остановились возле её подножия, он спрыгнул с телеги и попросил гостей следовать за ним. Все поднялись по откосу к небольшой пещере и зашли в неё.

Там лежал огромный динозавр с извилистыми рогами и стонал. Его покрасневшие глаза с беспокойством блуждали вправо-влево.

— Это Цурато, он очень болен, — сказал Марис, погладил динозавра по шее и дал ему напиться воды из таза. — Это

единственный оставшийся из рогатых динозавров. Всех его сородичей скосила какая-то до сих пор не известная науке эпидемия. Врачи делают всё, чтобы продлить жизнь бедняги.

Путникам стало очень жаль Цурато. Марис сказал, что пора ехать дальше — больному необходим покой. И мужчины, погладив бедного динозавра по голове, вышли из пещеры.

Над горой летал зелёный ящер с широкими крыльями, длинным толстым хвостом, лягушачьими лапками и причудливым хохолком на голове.

— Это Птери, — указал на него Марис, — единственный оставшийся летающий динозавр. Если бы его самка не погибла два месяца назад, их род продолжился бы.

— А как она погибла? — спросил Лучьян.

— Её подстрелили браконьеры. К сожалению, здесь много их орудует и никак не удаётся справиться с ними...

Все снова сели в повозку и двинулись дальше. Вскоре они устроили длительный отдых на одной из лесных полян.

Лучьян несколько раз примечал вдалеке от поляны движение — динозавры стадами шли куда-то.

— Куда они идут? — спросил он у Мариса.

— На охоту, — ответил тот. — Сюда завозят из соседних стран много травоядных животных, которых там в избытке, и здесь они служат пищей для рептилий.

Динозавры продолжали идти на юг. В середине стада обычно шли особи поменьше размером, по краям — побольше. Некоторые несли в пасти детёнышей.

Путники снова забрались в повозку и покатали дальше.

— Грустно осознавать, но, похоже, через несколько лет здесь не останется ни одного динозавра, — вздохнул Марис. — И не только в браконьерах дело. Многих рептилий поражает какая-то болезнь, которую мы до сих пор не можем выявить. Да и млекопитающие очень вредят им — съедают множество их яиц.

Через час мужчины подъехали берегу кристально чистого озера.

— Здесь живут подводные рептилии, — сказал Марис.

Из воды показалась голова гигантского ящера, затем он весь поднялся на поверхность. Увидев, что гости испугались, Марис успокоил их:

— Это Завар, он не так опасен, как кажется. Он ручной.

И погладил его, когда тот подплыл совсем близко.

Путники некоторое время побыли на берегу озера, наблюдая за подводными динозаврами, высовывавшими головы на поверхность.

Потом они повидали ещё множество разных рептилий — больших и маленьких, толстых и худых, красных и жёлтых, серых и коричневых, полосатых и пятнистых.

Когда повозка подъехала к границе заповедника, гости стали прощаться с Марисом; тот пожелал им счастливого дальнейшего пути. Лучьян пообещал ему, что поможет материально — как только он вернётся в Грайюнкм, то сразу же вышлет сюда деньги, которые лежат у него на счету в банке. Сатис обязался перечислить часть капитала из Фонда Учёных Грайюнкма. И остальные путники сказали, что не оставят динозавров в беде.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ИМПЕРИЯ КОЛДОСТАН

Недалеко от экватора, от цепей гор, отделявших страны великанов от остальных стран планеты, располагалась огромная империя Колдостан, управляемая Верховным Колдуном, настоящее имя которого было скрыто. Облачённый в синий балахон, с орденом на груди, в короне с приделанными рогами, правитель всё время, кроме сна и трапезы, проводил в гаданиях, раскладывая карты, обращаясь к магическому шару, перебирая камни причудливой формы, вызывая духов. Он жил в столице империи, Магийбурге, в крепости, охраняемой сотнями стражников в пурпурных и серых одеждах, с топорами и палицами в руках, с катапультами.

Наши путники побывали в нескольких городах страны — Драконасе, Талисмусе, Рогусе, Символане и Зодиаконе. Здесь, как и в Ратирии, жило много магов, колдовством занималось подавляющее большинство жителей. Но эта империя развивалась не хуже Ганакоры. Гадалки и колдуны давали пророчества по всем сферам жизни — любовь, здоровье, карьера и многое другое.

Ясновидящая, у которой друзья остановились на отдых в Драконасе, предсказала Лучьяну, что тот освоит много профессий, проживёт очень долгую, но трудную жизнь и его будут любить и почитать миллионы народов. Ему не верилось в это: неужели он станет таким известным?..

В Талисмусе колдуны умели влиять на погоду, изготавливать зелья для роста, прибавления силы и лечить болезни магическими обрядами. Там верили в многочисленных духов — добрых и злых, олицетворявших ветер, воду, небо и так далее. Они изображались как змеи или ящерицы с острыми зубами и клыками, поэтому рептилий убивать запрещалось — любая могла оказаться духом, на которого нельзя поднимать руку. По всей стране для них построили более сотни алтарей, и по праздникам им приносили богатые дары.

В Рогусе чародеи умели вводить людей в длительный гипноз. Колдун Бук, у которого на некоторое время остановились наши путники, надолго загипнотизировал их, но после этого они почувствовали себя только хуже.

В Символане гадали и по деревьям, и по цветам, и по воде. Здесь также занимались хиромантией — гаданием по руке. Гадалка Адма, приютившая на короткое время странников, долго рассматривала их руки. По конической форме пальцев Лучьяна она определила такие черты его характера, как доброта, скромность и мудрость.

В Зодиаконе друзей ждало не менее интересное гадание. Ведунья Циса, которую они посетили, предложила им погадать на монетах. Взяв в руки книгу гаданий, она дала им несколько монеток и велела задать книге вопрос, который сейчас больше всего занимает путников, и подкинуть их. Мужчины не задумываясь спросили: «Стоит ли нам посещать страны великанов?» — и подбросили монетки. Циса рассмотрела, как они упали, и нашла в книге текст — толкование:

«Судьба благоволит вам, но будьте осмотрительны! Время благоприятствует вашим начинаниям. Если вы будете решительны и непреклонны, вас ожидает успех».

Друзья облегчённо вздохнули, и Симон сказал:

— Хоть и мало верю в гадания, но это даёт большие надежды!

— Предостерегаю вас: лучше не ходите в эти страны, там опасность на каждом шагу, — ответила Циса. — Многие до них добирались, но никто ещё не вернулся. Великаны агрессивны, они не любят нас.

— Глупо было бы отступить назад, когда столько уже прошли, — махнул рукой Лучьян. — Жаль, нет у нас летательного аппарата — на нём было бы куда легче путешествовать...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ПОДГОТОВКА К ОПАСНОМУ ПУТЕШЕСТВИЮ

Перед путешествием в северное полушарие пятеро друзей посетили ещё несколько государств, граничивших с великанскими странами, дабы хорошенько подготовиться к длительному походу: разузнать побольше о великанах, собрать побольше провизии в дорогу, отдохнуть и набраться сил.

В Кулсии, небольшом государстве, странников великодушно принял у себя король Гамак VII. На аудиенции он сначала рассказывал о своих великих и славных предках, затем, узнав о цели визита гостей, поведал, как совсем недавно несколько десятков людей из королевских войск отправились в Страну Зелёных Великанов, а обратно вернулся лишь один человек, весь израненный, сообщил, что троих убили приграничные стражники в горах, а остальные погибли во время путешествия по стране. Гамак как-то сам увидел вдали зелёного великана, когда был в горах, и сильно испугался

— Это самые опасные из великанов — зелёные, — говорил теперь король. — Они чудовищных размеров, плохо развиты умственно и очень агрессивны. Все плотоядны и едят даже друг друга. Я благодарю Бога за то, что эти каннибалы не трогают моё государство.

В империи Атикью, жители которой были людьми с жёлтой кожей и круглыми глазами, наши путники также много узнали о великанах. Император Нийшан, у которого они удостоились аудиенции, поведал о том, что в большинстве своём великаны — злобные, агрессивные существа; среди них есть и человекообразные, и с бычьими и конскими головами. Великаны с жёлтой кожей — более-менее добрые; самые добрые из всех великанов — горные, они не таких больших размеров, как остальные, и с удовольствием привечают уставших путников, кормят, дают отдохнуть, и поэтому люди не боятся их.

Правитель, зная, что друзья не откажутся от опасного путешествия, снабдил их большим количеством еды и полезного оружия. Путники поблагодарили его, попрощались и двинулись дальше.

Широкий пролив протекал между империей и горами. В порту друзья сели на корабль, отправлявшийся также на север — на нём плыли бойцы, которые, сами не понимая, что им грозит, собирались грабить одно из великанских селений. Они поведали путникам о морском боге Насоне, которого почитали и в империи, и в стране горных великанов — это было чудище с мордой кабана, длинными клыками, чешуёй и рыбьим хвостом. Жило оно на дне пролива, имея потомство от русалок и рыб. И покровительствовало путешественникам, попадавшим

в страны великанов.

...Корабль плыл очень быстро, парус раздувался от ветра, гребцы налегали на вёсла. Минуя скалы, заливы, приближался он к берегу, над которым высились горы.

«Ну всё, удачи нам, — думал Лучьян. — Господи, спаси и сохрани...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СТРАНЫ ВЕЛИКАНОВ

Прошло несколько лет с тех пор. О путниках не было никаких известий. Родители, жёны, дети, друзья давно разыскивали их, но безуспешно.

В матери Лучьяна теплилась надежда, что он жив и здоров. Она подолгу сидела возле окна своей кельи и ждала сына...

Похолодание наступило внезапно, и горные великаны не успели обзавестись хворостом для топки печей. Одиноким старым великан Велен шёл в свою хижину с топором и связкой дров в руках и увидел вдали человека, который ростом едва доходил ему до колена. Тот обернулся в толстую медвежью шкуру, но всё равно замерзал; ветер сбивал его с ног.

— Пойдёмте ко мне, — обратился к нему Велен. — Погода сегодня плохая, вы очень сильно замёрзли.

И стал объяснять сказанное жестами, но человек ответил на его языке:

— Благодарю вас!

Он знал язык горных великанов — изучал когда-то в университете.

...Великан с гостем прошли в хижину, Велен зажёл керосиновую лампу, бросил несколько поленьев в печь, развёл огонь. Затем нагрел чайник с водой над огнём, приготовил чай. Разлил его в бокалы, которые были размером почти с ведро.

— Пейте, пусть только чуть остынет, — сказал он. — Меня зовут Велен, живу здесь уже много времени один.

— Я Лучьян Смолоз, — представился гость, — родом из Ганакоры, что на юге планеты; много лет путешествовал, сейчас возвращаюсь домой...

— Вы, наверное, очень голодны? — спросил Велен. — У меня есть только мясо, но оно свежее.

— Спасибо, я теперь совсем не ем мяса... — ответил Лучьян.

— Почему же? — удивился Велен. — Расскажите мне, где вы путешествовали?

Лучьян, уставший, худой, бледный, заросший бородой, вздохнув, завёл рассказ...

Эти несколько лет путешествия к великанам были для пятерых друзей хуже ада. Первое ужасное происшествие случилось ещё на границе полушарий.

Путники решили перейти её в том месте, где дремали три гигантских зелёных великана-стражника. Они долго наблюдали за спавшими с высокого холма, затем, полагаясь на судьбу, спустились по тропинке вниз и побежали мимо них к зарослям мха. Но вдруг великаны проснулись. Симона, который двигался последним, схватил один из них, рассмотрел его, бросил на землю и затоптал.

Путники, спрятавшиеся в зарослях, с ужасом наблюдали за этим. — Пойдёмте дальше, назад пути нет, — вздохнул Сэм. — Симону мы уже не поможем, а лишь себя погубим...

Лучьян плакал и что-то бормотал, и друзьям пришлось силой увести его, чтобы тоже не попасть в руки к свирепым существам.

Страна зелёных великанов показалась путникам бесконечной. Не могли они сказать, где было опаснее — в лесу, где даже некоторые насекомые превосходили их в размерах, или в городе. С великими предосторожностями странники проделывали путь по лесам и полям.

Они пересекали ручьи в ореховой скорлупе или на листе дерева, передвигались на стрекозах, летавших стаями. Однажды, когда переправлялись через большую лужу, Лучьян едва не утонул — его сбил с листа летевший навстречу жук, но он спасся, потому что хорошо плавал.

Зелёные великаны были слабо развиты умственно, они едва вышли за рамки первобытного общества — ходили в шкурах зверей, с сумками, сплетёнными из древесной коры, орудовали дубинками, строили здания лишь из дерева, передвигались только на повозках, запряжённых буйволами. Дороги ничем не покрывали.

Дома здесь были выше самой высокой башни в Ганакоре, все чёрные, грязные. Шум стоял такой, что путники постоянно затыкали уши, чтобы не оглохнуть. Много стараний они

приложили, чтобы их кто-нибудь не заметил, не затоптал, не съел. И всё же однажды случилась трагедия...

Когда друзья шли по канаве возле дороги, на них напала стая ворон; они отбивались, но ничего не могли поделать с птицами-гигантами. Те вскоре улетели, но троих путников сильно поранили, а Сатиса заклевали насмерть. Здесь же, в канаве, мужчины выкопали ножами неглубокую яму, положили в неё тело друга и зарыли.

Больше трёх месяцев ушло на то, чтобы пересечь один мрачный город. Провизия у путников иссякла, и невероятных усилий им стоило забраться в чей-нибудь дом и достать еду и воду, каждый раз они рисковали жизнью.

Много всяких ужасов насмотрелись здесь друзья. Зелёные великаны питались в основном мясом; иногда они убивали и ели домашних животных — собак и кошек — и даже своих детей, которые рождались слабыми, и не было в стране закона, который запрещал бы это.

Соседняя страна оказалась такой же ужасной. Её обитатели, великаны с коричневой кожей, по размеру меньше, чем зелёные, носили простую одежду, жили в серых каменных домах.

Трое друзей, спрятавшись в придорожной канаве, с боязнью смотрели на шедших вдали гигантов в железных доспехах и шлемах с рогами, вооружённых топорами, мечами, копьями, дубинами — в этой стране, разделённой на несколько областей, их жители постоянно воевали друг с другом. Из-за этого случилась ещё одна трагедия у наших путников — Арун был сражён дротиком, когда они пробирались сквозь заросли невдалеке от поля боя. Истекая кровью, он скончался на руках своих друзей. Лучьян и Сэм, оплакивая друга, похоронили его здесь же.

В государстве, где жили великаны, внешне такие же, как обычные люди, но в десяток раз больше по размеру, Лучьян и Сэм не только побывали в столице, но и сумели проникнуть в королевский дворец и устроиться там на некоторое время — жили в канализации, тайком доставали еду из кухни и смотрели из укрытия разные церемонии.

Они постепенно выучили местный язык. И однажды узнали легенду о главном боге страны Мийзуре, носившем длинные косы, охраняемом свирепым красным Огненным Чудовищем.

Он запретил всем великанам, из всех стран, вторгаться в южное полушарие планеты и создал горы как границу. Но разрешил делать всё, что угодно, с теми существами из южного полушария, которые придут в северное (с ними обращались сурово — зачастую убивали и съедали). Когда быкообразные великаны ослушались запрета и ушли с войной за горы, то Огненное Чудовище выжгло все поля и леса в их стране; много жителей тогда погибло. С тех пор никто больше не осмеливался пересечь экватор.

...Там же, во дворце, по трагическому стечению обстоятельств, погиб Сэм. Когда друзья уносили с кухонного стола куски хлеба, вдруг появилась няня с младенцем, сыном короля — тот приболел и плакал не переставая. Женщина, не заметив путников, стала готовить лекарство, а мальчик увидел их, схватил Сэма, швырнул в стену и заплакал. Когда великаны удалились, Лучьян бросился к лежавшему на полу другу. Тот был мёртв...

Лучьян унёс его в королевский сад и закопал в мягкой земле. И горько заплакал, осознав, как он теперь одинок и бессилён среди множества великанов...

Всё остальное путешествие прошло как во сне. Лучьян брёл сам не зная куда, по привычке таился, добывал еду, но теперь ему было невыносимо трудно...

Он посетил и страну великанов-рыцарей, и страну ужасных быкообразных великанов, и страну великанов-троллей, но уже не боялся никого и ничего, смерть его не страшила.

Так дошёл путник до самого севера, и вот перед ним простирались уже бесконечные снежные дали. С одиноко возвышавшегося над равнинами холма он наблюдал за великанскими белыми медведями, за гигантскими тюленями, за парившими в небе огромными птицами. Здесь ему стало так хорошо и спокойно, что он даже забыл про голод, долго мучивший его. Когда началась буря, Лучьян зарывался в снег и пережидал её.

Он наблюдал с восторгом за полярным сиянием — по небу рассыпались яркие огни, и это завораживало уставшего и измученного путника.

Посещение севера сделало Лучьяна спокойнее: переживания ушли, и на смену им пришли раздумья о том, как дальше жить, как возвращаться на юг. Надо было идти обратно...

Обратный путь показался ему безумно долгим. И вот наконец, живой, невредимый, он приблизился к цепи горных хребтов. Нашёл брошенный кем-то кусок медвежьей шкуры и завернулся в него. И дальше двигался уже без боязни — горные великаны вряд ли его обидят. Местность была совершенно пуста, и Лучьян не надеялся никого встретить, но потом увидел вдалеке Велена...

После рассказа о злоключениях путник крепко заснул, и великан осторожно перенёс его на мягкую подушку. Лучьян проспал долго; сон вернул ему силы, и он, хотя оставался голодным, мог идти дальше. На прощание сказал хозяину:

— Спасибо вам, Велен. Вы единственный добрый великан, встретившийся мне. Теперь мой путь будет уже не таким трудным...

— Помогать путникам — наш долг, — ответил Велен. — Я рад, что вы отдохнули. Сейчас помогу вам перебраться через границу в южное полушарие. Стражники наверняка потребуют большие деньги за её пересечение, поэтому лучше уйти тайком...

Он надел толстую телогрейку, взял в руки дубинку и сумку из шерсти и посадил Лучьяна за пазуху.

— Когда я достану вас, бегите со всех ног к горам, укройтесь в скалах.

Лучьян осторожно выглядывал наружу. Велен долго шёл по межгорной тропинке; перепрыгнув широкий ручей, он приблизился к великанам, стоявшим на границе, и стал о чём-то говорить с ними, показывая рукой то в небо, то на север. Потом незаметно вынул путника из-за пазухи, тот прыгнул на землю и бросился бежать. Великаны, увлечённые рассказом собеседника, даже не заметили промелькнувшего и пропавшего в траве человечка. Приблизившись к подножию гор, Лучьян перевёл дыхание и оглянулся. Велен, разговаривавший со стражниками, поглядывал в его сторону. Гость помахал рукой, и тот, улыбнувшись, тоже помахал на прощание ему и собеседникам и двинулся обратно к своей хижине.

...Лучьян, оказавшись на берегу пролива, почувствовал себя в безопасности. Осталось только переплыть на другой берег — и уже ничто не будет угрожать путнику. При этой мысли, вздохнув с облегчением, он повалился в изнеможении на тёплый песок...

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАСНУЮ ПЛАНЕТУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

Красив дом, в котором живут Лесмян с Гелмой — двухэтажный, с большими окнами, балконами, мансардой и колоннами. Возле него находится садик с фонтаном — там любят гулять старики. Глядя на воркующих птичек, они, обнявшись, застывают в восторге и благодарят судьбу за такое счастье — быть вместе. И, взявшись за руки, обходят вокруг фонтан, слушая пение птиц, глядя друг на друга и улыбаясь...

Лесмян был счастлив — и потому, что живёт с такой прекрасной женщиной, и потому, что вырастил двух замечательных сыновей-близнецов — Амиза и Акияза, которые теперь переселились в Грайюнкм, работают в научно-исследовательском институте и часто навещают родителей; оба уже давным-давно женаты, воспитывают своих детей. И потому счастлив был он, что добрая мать его Грета жива и здорова, хотя и очень постарела от переживаний за старшего сына. А возвращение брата, о котором много лет родные ничего не знали, сделало старика ещё счастливее...

Лучьян вернулся из путешествия такой ослабший и измученный, что пролежал в постели в доме Лесмяна несколько месяцев; поначалу сильно бредил — ему мерещились жуткие великаны, занимавшиеся каннибализмом, и во время сна он часто кричал и стонал. О нём заботились мать, на время приехавшая из монастыря, и Гелма. Невестка много рассказывала о том, как они с мужем жили в его отсутствие, каких хороших сыновей воспитали.

— Амиз и Акияз одинаковы не только внешне, но и по характеру, — говорила она. — Оба такие добродушные, отзывчивые, спокойные...

— У моих братьев не так было, — улыбнулся Лесмян. — Гельяна я смутно помню, он людей не любил, постоянно хмурился, сердился, даже с родителями ругался, а Лучьян ко всем душевно относился...

— Гельян из-за Мелфия стал таким, тот строгим был, — вздохнула Грета. — Хотя и не злой совсем, но много нравоучений читал мальчишкам, вот Гельян и не вытерпел его. А у Лучьяна золотой характер, он ни с кем не пререкался. Да и мы жили у учителя, были благодарны ему за многое и не хотели с ним ссориться. Поэтому Гельян оставил нас, попал в плохую компанию...

Лучьян, опуская некоторые ужасные подробности, много рассказывал о своих приключениях в странах великанов. О гибели друзей вспоминал с большой болью. Когда он стал поправляться, то написал книгу «Наше турне» о путешествии по странам Юпитера. Она имела оглушительный успех у публики. Автор ещё раз прославился.

Он не забыл обещания, которое дал несколько лет назад Марису, и сделал хорошее пожертвование на нужды заповедника.

Очень удивился Лучьян однажды, когда мать, брат и невестка поздравили его с юбилеем — у них это была дата, примерно равная нашим ста годам. Он не думал, что прожил такой огромный срок...

В день юбилея к нему приехало немало гостей: друзья детства Зил Рахман и Зил Баклав; бывшие студенты, у которых Лучьян когда-то преподавал; университетский друг Дженин и племянники Амиз и Акияз, которые приготовили своему дяде подарок — привезли с собой знакомого пианиста Лео Гуйана и пианино. Они втроём внесли инструмент в дом, и Лео сел за него и стал наигрывать простую мелодию, а близнецы обнялись с юбиляром и поздравили его.

Лео играл знакомую, до боли знакомую Лучьяну мелодию. Тот столько раз слышал её в детстве здесь, в Кирифе... Она лилась из флейты плохо видевшего старика, просившего милостыню на центральной площади города. Лучьян, Гельян, Васко, оба Зила и другие мальчишки никогда не скупались дать ему денег. Эта мелодия навсегда осталась в их памяти...

Увидев, что юбиляр плачет, молодой человек перестал играть.

— Играй, играй, — сказал Лучьян. — Я плачу от радости... — он вытер слёзы. — Спасибо вам всем, это самый лучший подарок...

Лео долго ещё наигрывал мелодию, а старик продолжал плакать: ему вспоминались походы с Мелфием в церковь, строительство нового дома, прогулки с друзьями-мальчишками... Он многое отдал бы, чтобы вернуться в детство... И эта мелодия словно вернула его туда...

ГЛАВА ВТОРАЯ. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Пролечившись несколько месяцев, Лучьян встал на ноги. Он снова был принят в Каллир-Каден, перебрался в свой заколоченный домик в лесу, пустовавший много лет, и зажил тихо и спокойно. Его предварительно проэкзаменовали перед принятием на работу, но за долгие годы странствий профессор не растерял своих знаний. И остался одним из лучших преподавателей университета. Новые студенты, с которыми он познакомился, также его полюбили. Но при всём этом Лучьян был кое-чем недоволен.

На первом этаже университета теперь стояла огромная статуя древнего бога Самсуна, культ которого снова распространился

в Ганакоре. И все, кто входил в здание, кланялись ему. Он являлся повелителем погоды и природных стихий. В одной руке держал жезл, в другой — палицу; у него были длинные волосы и борода.

Лучьяна встревожило то, что люди в стране стали язычниками вновь, как и в стародавние времена. Он попытался объяснить директору училища, господину Ликусу, что язычество не лечит, а развращает душу, но тот ответил:

— В Самсуна верят многие народы уже тысячи лет. Он избавляет нас от засухи и посылает обильные дожди, а жители южных стран, у которых не настоящие боги, мучаются от жары!

— Самсун здесь ни при чём, — возразил Лучьян.

— Вас никто не заставляет верить в него, но другим вы этого не запретите!

— Я не запрещаю, а просто пытаюсь донести до людей правду!

Ничего с этим поделать Лучьян не мог, так и работал в том же университете, но статуе никогда не кланялся, помня христианскую заповедь: «Не сотвори себе кумира».

Лучьян чувствовал, что в его жизни что-то не так. Но что? Он не нуждается ни в чём, у него есть любимая работа, живёт тихо, один... Но вот это ему и не нравилось — жить спокойно, — когда привык к длительным поездкам, приключениям и жаждал этого.

Однажды Лучьян приехал в гости к Лесмяну и застал у него Амиза, который сообщил, что вместе с Акиязом и другими учёными вскоре полетит на планету Марс в командировку. На Юпитере были изобретены мощные и быстрые летательные аппараты, основой для которых послужил первый корабль Лучьяна, подробно изображённый им на схемах, и жители планеты посетили её спутники, слетали на Марс и Сатурн и начали вести там торговлю. Теперь группа учёных отправлялась на Марс, чтобы продать там научную аппаратуру.

Лучьян загорелся желанием полететь вместе с ними. Он очень хотел познакомиться с марсианами. Амиз был не против этого, но сказал, что должен спросить разрешения у руководителя группы Эла Книльхта. С удивлением обнаружил Лучьян, что Эл — сын его погибшего в стране великанов друга Сэма. Тот, узнав о просьбе друга отца, ответил на неё согласием. В полёт запросились также Дженин, Зил Рахман и друг Лесмяна Кабир Вильясс.

Вскоре Лучьяна вызвал к себе правитель Ганакоры Аристан.

— Прекрасно знаю о том, что вы — космический первопроходец Юпитера, — сказал он гостю, приняв его у себя во дворце. — Но неужели ещё раз отправитесь в опасный межпланетный полёт? Ведь вы уже не молоды, всё это может привести к тяжёлым последствиям...

— Я не могу без путешествий, ваше величество, — покачал головой Лучьян. — В этом всё моё существо.

— Подумайте хорошенько. Право же, потеря такого ценного педагога, как вы, будет невозполнимой утратой для страны. Хотите, я отправлю вас на заслуженный отдых, вам предоставят дом за городом и достойную пенсию?

— Деньги для меня не представляют большой ценности, ваше величество, лишь бы было что поесть и где поспать. А дом я уже имею, но не хочу в нём сидеть, а хочу путешествовать. Выход на пенсию станет для меня самым большим наказанием, ваше величество.

— Хорошо, если вы так настаиваете, то будь по-вашему, — сдался правитель. — Но берегите себя.

Через несколько дней прошло собрание участников полёта. Их компанию пополнили ещё два профессора, Болт и Гриф, и студент Каллир-Кадена Ромул. Эл назвал обязанности каждого, все поставили росписи на документе о командировке, и всем выдали форму с логотипом торговой марки «Золотой телескоп».

Отлёт состоялся через два дня. Участники запаслись большим количеством провизии и тёплой одежды: Марс был очень холодной планетой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ГОРОД ПАЛАСТ

Космический корабль летел несколько суток. Когда наконец он приблизился к Марсу, путники увидели в иллюминатор, что планета в основном белая, с красными пятнами. Перед ними расстилались бескрайние, слепившие белизной снежные равнины. И казалось, что здесь нет ни городов, ни людей...

Но вскоре они заметили на поверхности серый овал, и судно устремилось к нему... Он стал быстро увеличиваться и делиться на маленькие квадратики, ромбики и треугольники — это был город, крупнейший город планеты — Паласт. Вот уже отчётливо стали видны дома, улицы, покрытые сугробами.

Корабль сел на широкую площадку где-то в пригороде. Эл

нанял извозчика, который доставил путников и аппаратуру в арендованное здание почти в центре Паласта; в этом доме им предстояло вести торговлю, принимать посетителей. Эл спросил, есть ли добровольцы на расклейку рекламных объявлений, и Лучьян вызвался сделать это в одиночку, желая, чтобы коллеги отдохнули перед трудными буднями. Ему выдали толстую папку с листовками и клей, и он отправился выполнять поручение. За работой успел рассмотреть много достопримечательностей города.

Здесьние жители — зелёные марсиане — были ростом чуть выше его пояса, с овальными головами, сужавшимися книзу, ушами-блюдцами, ручками с пальцами-присосками и коротенькими ножками. Одевались легко, несмотря на мороз — в тонкие рубахи, шорты и юбки до колен. Кроме них, здесь находилось много таких же людей, как Лучьян, и других инопланетян. Для них тут построили удобные гостиницы. Нескончаемым потоком двигались по улицам пешеходы.

Транспорт здесь был наземным и подземным. Под землёй всегда стояла жара, потому что там разместили обогреватели, благодаря которым город не превращался в огромную сосульку.

В центре Паласта находился район под названием Старый город — со старинными зданиями, построенными несколько веков назад: домом Всемарсианского совета, Историческим музеем, Галереей, Университетом и так далее.

В Галерее Лучьян увидел наиболее известные картины марсианских художников: полотно «Звёздную ночь» Э. Алеска изображало снежную равнину и чёрное небо с яркими звёздами; «Снежную бурю» А. Элати — путников, оказавшихся в опасной стихии; «Олимп» Л. Вердана — высочайшую гору Марса; «Олин» В. Сигма — верховное божество планеты Олина, внешне напоминавшее льва.

В Историческом музее были представлены костюмы правителей, вельмож, ратников, а также все виды старинного оружия: мечи, копья, трезубцы, ножи и так далее. Также тут находились военные трофеи — зелёные марсиане испокон веков воевали с красными марсианами.

На центральной площади возвышалась статуя Олина — пятиметровая скульптура сидящего льва, раскрашенная в оранжевый цвет, на трёхметровом постаменте. Это божество чтили здесь с незапамятных времён. По преданиям, оно создало мир и следит за порядком в нём. Несмотря на то, что в каждом поколении немало марсиан отвергало Олина, его культ только возвысился. Эта религия стала одной из двух основных

на планете, уступая первое место по числу последователей христианству. Львы считались священными животными, хотя их тут можно было увидеть только в зоопарках.

На Марсе продолжительность дня и ночи почти равнялась земной, а солнце давало вдвое меньше света, чем на нашей планете.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. НА ГОРЕ ОЛИМП

Из группы только один Лучьян не знал марсианского языка, и это мешало ему работать с клиентами.

Он взялся за изучение единственного языка всей планеты. В марсианском алфавите было тридцать шесть букв; некоторые из них напоминали буквы древнерусской кириллицы. Остальные имели форму крестов, причудливых завитков, квадратиков, ромбиков и так далее. Освоив их, Лучьян выучил несколько простых фраз: «угаог иайа» («здравствуйте»), «бийогау би пуап» («как ваши дела?»), «ауиго» («до свидания») и другие; затем стал осваивать бытовую лексику.

Научную технику покупали не только учёные, но и люди других профессий. Товаром интересовалось много астрономов-любителей. Лучьян сам часто смотрел в телескоп. Он смог увидеть Юпитер и Сатурн с их десятками спутников и Землю, которая ему очень понравилась. Также рассмотрел далёкие звёзды и туманности.

Торговля шла неплохо — марсиане увлеклись новшествами с Юпитера. Поработав некоторое время, команда Эла решила устроить отдых и посетить известную гору Олимп, где в любое время было много туристов. Учёные взяли билеты на дирижабль, отправлявшийся к ней.

Лучьян почти весь полёт простоял на смотровой площадке. Внизу плыли холмы, длинные каньоны, горы с вулканами. Сверху, с оранжевого неба, светило тусклое красное солнце. Ледяной ветер обдувал со всех сторон.

Друзья Лучьяна, посетившие тесную столовую дирижабля, испробовали сиреневое марсианское вино — все, кроме Акияза, у которого была аллергия на многие инопланетные продукты — и нашли напиток очень вкусным.

Наступала ночь, когда судно подлетело к Олимпу. Огоньки усеяли подножия величественной горы — здесь находились многочисленные гостиницы и таверны. Туристы соревновались в лыжных гонках, прыжках на лыжах с трамплина, конькобежном

спорте. Некоторые катались в повозках, запряжённых собаками. Дирижабль сел возле ряда таверн.

Лучьяна и его спутников тепло приняли в одной из них, накормили горячим сырным супом, огуречным салатом, затем им подали дымящийся кофе, который они с удовольствием выпили, любуясь плавно кружившимися снежинками за окном.

Хозяин таверны, зелёный марсианин Якоб, пожилой, с маленькой белой бородкой и бегающими синими глазами, оказался очень словоохотливым; он до самого утра рассказывал гостям об интересовавшей их мифологии планеты.

Вера в Великий Ум Марса сложилась ещё до появления цивилизаций — божество Олина почитали с первобытных времён. Колдуны, жившие в разные времена, отвергали его. Кроме него, было ещё несколько великих богов: Умбра, владычица мрака и холода, Тай, кровавый бог войны, Тарх, бог ветра, и другие. На Марсе существовало несколько империй: Орлея, Никая, Таря, Этинея и Северная Империя.

По древним преданиям, в недрах планеты располагалась подземная страна. В ней обитали карлики, кентавры, драконы, оборотни, великаны и разные духи.

Орлея, древнейшая из империй, в которой находились город Паласт и гора Олимп, образовалась почти миллион лет назад. В ней жил народ миролюбивый, войны и мятежи случались редко. Две трети её территории занимали горы, остальное — равнины.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СХОД ЛЕДНИКА

Лучьян проснулся, как только начало светать. Он осмотрел коридор — увидел друзей, спавших в креслах, и Якоба, уснувшего за столиком прямо во время рассказа об империях. Поглядывая на них с доброй улыбкой и стараясь никого не разбудить, старик потихоньку приготовил себе чай и с дымившейся чашкой подошёл к окну, за которым медленно падали снежинки. Улыбаясь и наслаждаясь ароматным напитком, он подумал, что в его жизни редко бывают такие спокойные минуты, когда расслабиться, отдохнуть, подумать о жизни, помечтать...

И вдруг вдали появились несколько человек — они бежали куда-то; затем ещё несколько людей сломя голову пронесли мимо таверны. С улицы примчался зелёный марсианин — охранник одной из гостиниц — разбудил хозяина и спутников Лучьяна тревожным известием:

— Срочно спасайтесь! Ледник сходит!

Все ринулись наружу; постояльцы прихватили рюкзаки, Якоб ничего с собой не взял. Туристы, сбивая друг друга, бежали вниз; всё гудело, громкий гул доносился сверху. Наши путники смешались с толпой. Они взяли на руки детей, которые остались в этот момент без присмотра, и спускались с ними по склону.

...Ледник сошёл мгновенно, он накрыл всех гигантской волной, от которой не было никакого спасения. Выжить здесь почти не представлялось возможным, и всё же некоторые уцелели.

Лучьян на короткое время потерял сознание, а когда очнулся, то, тяжело дыша, задыхаясь, стал с трудом пробираться наверх. Он не знал, сколько времени ему пришлось мучиться. Когда наконец увидел над головой оранжевое небо и маленькое красное солнце, то подумал сначала, что уже попал на тот свет. Но ему посчастливилось выжить.

Чуть отдышавшись, Лучьян принялся раскапывать снег. После долгой, изнурительной работы он нашёл тела двух марсиан — те оказались мёртвыми. Затем наткнулся на Ромула, который потерял сознание, и привёл его в чувство. Дальше они стали копать вместе и обнаружили останки ещё нескольких марсиан.

...Вскоре прибыли спасатели и дело пошло значительно быстрее. На другой день снег стаял и они отыскивали почти все тела. Погибли профессор Болт, Акияз, Кабир и Дженин. Тут же, у подножия горы, их похоронили. Так печально закончилось путешествие друзей на Олимп.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

В Старом городе Паласта была старинная библиотека, в которой находилось несколько тысяч томов истории Марса — так называемые хроники. В то время в библиотеку ходило мало марсиан и инопланетных туристов. Туда часто заглядывали Лучьян, Ромул и любознательный Гриф, заинтересовавшиеся марсианскими хрониками. Порой они проводили там целую ночь, стремясь узнать историю планеты как можно подробнее.

Зданию библиотеки насчитывалось порядка двух тысяч лет. Оно было белоснежным, с длинными лестницами, многочисленными колоннами и статуями богов и героев. В нём всегда стояла звенящая тишина — никакой шум с улицы сюда не проникал. Трое друзей спокойно проводили время за читальным столом с горой толстых книг. Да, много они узнали из истории этой замечательной планеты...

...В первобытное время и с появлением цивилизаций происходило

много войн между родами и племенами: они не могли поделить природные ресурсы. Потом, с появлением государств, перестали враждовать. Тогда самыми многочисленными расами были белая, чёрная и жёлтая, а теперь, спустя несколько тысячелетий, — зелёная и красная. Три тысячи лет назад страны объединились во Всемарсианскую империю, она просуществовала пять веков и распалась, но единый для жителей планеты язык, придуманный в ней, остался. Красные марсиане имели самую развитую культуру и технологии, они создали первые города. Зелёные многое переняли у них. Обе расы жили в экваториальных широтах. Белые марсиане обитали близ полюсов. А чёрные и жёлтые, кочуя, рассеялись по всей планете.

Большинством государств управляли монархи, кое-где властвовало духовенство. За последнее тысячелетие на Марсе случилось много кровопролитных войн: страны предъявляли друг другу претензии из-за территорий, пытались завоевать друг друга. Раньше использовалось холодное оружие, два века назад появилось огнестрельное.

Средняя продолжительность жизни здесь составляла около пятидесяти лет. Большинство марсиан имело такое же анатомическое строение, как и человек. Некоторые откладывали яйца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДОРОГА НА ХОРС

С Юпитера прислали новую партию техники для продажи, и наши путники получили назначение на работу в южном городе Хорсе, где жили белые марсиане. Путь до него был неблизкий — два дня полёта на дирижабле.

Погрузив на судно товары, друзья взошли на него сами, и рулевой — зелёный марсианин Майло — взял курс на Хорс.

...Они наблюдали за полётом в иллюминаторы из коридора гондолы. Паласт стал стремительно уменьшаться в размерах — и скоро улицы сделались маленькими «трещинками», по которым ходили крошечные жители-«муравьи». Потянулась река — где-то белая, скованная льдом, а где-то тёмно-синяя. Вскоре она свернула в сторону и дирижабль полетел над снежной равниной; поднялся сильный ветер, и путники ушли в каюты — отдохнуть и выспаться.

Один лишь Лучьян не мог уснуть. Повалявшись на жёсткой кровати, он встал, налил чаю из термоса, выпил и вышел в коридор.

Там пронизывал ледяной ветер, и старик, дрожа и постукивая

зубами, кутался в тёплую меховую шубу. Серая пелена обволокла дирижабль — он пролетал внутри облаков.

Как только судно вышло из них, перед Лучьяном предстали горы, возвышавшиеся над низко пробегавшими облаками. Вдалеке тянулись длинные каньоны. Наступило затишье, но совсем ненадолго...

Погода вдруг начала портиться — снова завыл жуткий ветер, бешено закружился снег в воздухе; дирижабль стал раскачиваться из стороны в сторону. Лучьян, испугавшись, бросился в кабину рулевого.

— Майло, не лучше ли нам сесть где-нибудь? — спросил он. — Буря очень сильна!

— Да, это просто шторм! — ответил тот. — Сейчас мы повернём обратно к Паласту, там дождёмся затишья.

И стал нажимать на рычажки. Дирижабль начал медленно разворачиваться. Но вдруг со всех сторон ударил резкими порывами ветер, внезапно наступила кромешная тьма. Судно понесло в сторону и через несколько секунд потянуло вниз...

Майло и Эл долго выбирались из-под обломков гондолы наружу. У первого была вывихнута рука, у второго — сильно ушиблена нога.

Под оболочкой дирижабля они нашли Лучьяна, лежавшего без сознания, и привели его в чувство. Затем вытащили из-под обломков Ромула, Амиза и Грифа, еле живых. Отыскали аптечку и оказали всем четверым медицинскую помощь. Путники, хотя и пострадали, решили тут же, не медля, идти в Хорс, который теперь находился значительно ближе, чем Паласт.

Стемнело. Началась вьюга, но мужчины, не обращая на неё внимания, сколотили из досок огромные сани, на них посадили Эла с больной ногой и сложили все уцелевшие вещи. И двинулись в путь. Ветер сбивал их с ног, но они не останавливались. На рассвете вьюга стихла, и измученным путникам стало намного легче идти. Однако к полудню снова завьюжило...

Пурга стихла лишь утром третьего дня. Тогда-то всем и удалось отдохнуть, развести костёр, погреться, перекусить. После еды друзья ненадолго задремали.

Лучьяну приснился его родной, тёплый город Кириф, мать, в тоске и беспокойстве ждущая сына, отец, торгующий фруктами (во сне чувствовался их запах), Лесмян, гуляющий

с супругой в своём саду, и даже Гельян, в том юном возрасте, когда они с братом-близнецом виделись в последний раз.

До вечера путники шли дальше, проваливаясь в снегу, шатаясь от усталости, изредка переговариваясь. На ночлег остановились возле подножия одной горы, снова развели костёр, уснули в спальных мешках.

Лучьян вновь почувствовал тепло и свет во сне, но привиделся ему на этот раз не Кириф, а другой мир, неизвестный ему и такой прекрасный! Он встретил там Кристиана, Гельяна и Мелфия, которые по озарённой ярким светом дороге шли куда-то и разговаривали. Они были в мантиях, отец и учитель — с седыми волосами и бородами, а брат — такой же юный. Увидев его, все трое остановились, и Гельян приблизился к нему, обнял и сказал: «Нам очень тебя не хватает». Лучьян проснулся в слезах...

С утра потеплело, снег начал подтаивать, и идти по сырости было неприятно. У друзей промокли ноги, и они потом сушили одежду и обувь у костра.

У Амиза и Ромула занемели голени, и Лучьян с Грифом растёрли их лекарствами и настоями. Майло чувствовал сильное недомогание, у него поднялась температура, и поход в Хорс приостановили. Лучьян двое суток лечил больного — давал таблетки, поил настойками, — но ему становилось от часа к часу только хуже. Он был всё время закутан в одеяло, лежал с закрытыми глазами и просил, чтобы спутники оставили его на месте и сами пробирались к городу и не мёрзли понапрасну. Вскоре бедняга скончался. Мужчины вырыли неглубокую яму и похоронили умершего. Потом двинулись дальше.

Они подстрелили пару гигантских орланов, поели мяса, согрели чаю. Всё время голодая, старались сберечь запасы еды.

В последнюю ночь пути было сильное потепление. Снег растаял, и друзья промокли насквозь в спальных мешках. Они быстро выбрались наружу и осмотрелись: всюду теперь текли ручьи. Путники снимали с себя мокрые куртки и комбинезоны и выжимали их. Вещи на санях тоже промокли.

Мужчины нашли сухое место — невысокий холм, с которого сошёл снег, — и решили отдохнуть там ещё пару часов.

Когда Лучьян проснулся, его спутники ещё дремали, хотя солнце стояло уже высоко. Он протёр глаза, выбрался из мешка

и остолбенел: вдали кто-то шёл по направлению к ним — это был не человек, существо походило не то на медведя, не то на гориллу. Оно то двигалось на двух ногах, как человек, то опускалось на четвереньки и бежало. Чем ближе становилось необычное животное, тем больше замирало сердце старика — «горилла» оказалась по размеру чуть ли не со слона! Со страшной, заросшей щетиной мордой, острыми, торчавшими изо рта клыками, красными глазами. Жутко оскаливаясь, существо заревело так громко, что всё задрожало и друзья Лучьяна проснулись. Когда они увидели, кто к ним идёт, всех как ветром сдуло с холма — летели не чуя под собою ног. Спустя некоторое время мужчины остановились и оглянулись назад — погони не было. И путники медленно вернулись на холм.

«Горилла» уже ушла. Сани лежали на боку, вокруг валялась испорченная техника — разбитые телескопы, измерительные приборы; тут же неизвестное существо разбросало остатки еды — видно, полакомилось во время разгрома. Эл наградил его множеством бранных слов, и все собрали в сани уцелевшую технику, которой было не так много.

— Без сомнения, это снежный человек, — сказал Ромул. — У нас в университете даже профессора верят в его существование.

— Трудно объяснить, ведь это другая планета, — пожал плечами Лучьян. — Всё, идёмте — я чувствую, Хорс уже не за горами, скоро мы туда прибудем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ГОРОД ХОРС

После нескольких часов пути друзья увидели вдалеке море — грозное, тёмное, бушующее — и город на его побережье.

Перед гостями возвышались древние башни Хорса. Когда путники подошли ближе к нему, то увидели, что многие строения здесь превратились в руины и лишь те пять башен и ещё столько же домов в старой его части уцелели. Город протянулся на три десятка километров вдоль побережья, но был малонаселённым — всего шестьдесят тысяч жителей.

Друзья прошли несколько улиц, прежде чем попасть в его центральную часть, и им никто не встретился. Только в центре они увидели здешних жителей — очень напоминавших людей, но белого цвета, без волосяного покрова, с дырочками вместо носа и ушей, одетых в шкуры зверей.

Тут не ходил никакой транспорт — все передвигались пешком. Улицы были старые, дома и крепости — обветшалые, но по-прежнему величественные и красивые. На центральной площади Хорса наши путники осмотрели восьмидесятиметровую

статую божества белых марсиан Белоборода из мрамора — старика с длинной бородой, в шапке и шубе, опиравшегося на трость. Белые марсиане единственные не почитали Олина, они поклонялись своим богам.

В городе было много трактиров в подвальных помещениях. Прогулявшись, друзья зашли в один из них, и им подали устриц и пиво, а также хлебную выпечку, и они смогли утолить голод.

Потом, дойдя до ближайшей таверны, гости поселились в ней. Все разместились в одной просторной, довольно уютной комнате с камином и множеством всякой мебели — диваном, старыми креслами, двумя столами, стульями, скамейками. Эл развёл огонь в камине; усталые путники присели на стулья.

— Мы виноваты в том, что товары, которые нам выдали для продажи, не сохранились, — сказал Эл, подбрасывая в огонь уголь, взятый у хозяина таверны, и перемешивая его кочергой. — Поэтому должны будем отработать эти деньги и отдать. А денег надо много — аппаратура была очень ценная, сами понимаете.

В комнату заглянул мальчик — сын хозяина:

— Отец зовёт вас ужинать.

На кухне им подали холодное, жёсткое мясо. Оно было очень невкусным, и друзья давились, кашляли, но деликатно помалкивали и от еды не отказывались.

Когда ужин подходил к завершению, с улицы послышался какой-то шум, и хозяин вышел посмотреть, что там такое. Вернулся он испуганный:

— Скорее уходите из города! Я сбегаю к родственникам и тоже уйду. Началась эпидемия! Опаснейшая болезнь — ханилия... Она передаётся очень быстро, уходите скорее...

Хозяин с сыном вывели путников из таверны и убежали куда-то. Озираясь по сторонам, друзья прошли две улицы и вдруг застыли в ужасе. Несколько белых марсиан лежали на асфальте и пытались подняться, но не могли; они мычали, произносили какие-то бессвязные слова. Некоторые дёргались в судороге, некоторые находились в бреду — что-то быстро бормотали, оскаливались, смеялись...

— Уходите отсюда немедленно! — закричали появившиеся здесь надзиратели за порядком. — Город погибает! Спасайтесь, спасайтесь!

Путники опрометью бросились бежать по улицам, натыкаясь кое-где на мёртвые тела.

И возле города, на обочинах дороги, лежали трупы. И друзей стало тошнить от жуткого запаха. Надо было срочно уходить, и чем дальше, тем лучше...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГОРОД МАНАРХЕМ

Путники решили добраться до большого тепличного города Манархема, чтобы найти там работу, обосноваться на какое-то время. Они шли туда около месяца, минуя разные селения. Замерзали, голодали, но находились добрые марсиане, которые привечали их у себя, кормили, давали одежду, и друзья были очень благодарны им за всё.

Во время перехода через горные хребты мужчинам пришлось три ночи спать на сырой земле. И в такие часы Лучьян вспоминал уютную постель в доме своего брата Лесмяна; вспоминал заботу доброй матери...

«Жива ли она, здорова? — думал он перед сном. — Опять я отправился в опасное путешествие, снова она беспокоится за меня... Господи, дай ей ещё долгих и счастливых лет жизни...»

Когда закончилась горная страна, начались пастбища и стало повесеннему тепло, снега уже не было. Тут паслись стада коров и овец.

И кое-где встречались путникам руины древних зданий. Некоторые башни и храмы сохранились почти полностью, но никто в них не обитал. Лишь пастухи иногда забредали сюда.

Прошло ещё два дня в пути — и снова похолодало, завывали метели и мороз сковал путникам руки и ноги. Когда они совсем выбились из сил, вдали показался тот самый тепличный город.

Представьте себе теплицу колоссальных размеров, из стекла, внутри которой — обычный город, в нём тепло и нет снега. Таковым и был Манархем. В нём, как и в Паласте, имелись подземные обогреватели.

Здесь дома плотно прижались друг к другу и их ряды разделяли лишь узенькие переулочки и закоулки. Тут располагались и таверны с харчевнями, и рынки, и музеи с театрами, и даже зверинец. Жители — красные марсиане — имели худое телосложение, шарообразную голову с большими глазами, дырочками вместо носа и маленьким ртом.

Усталые путники, собиравшиеся заночевать в какой-нибудь таверне, решили перед этим посетить зверинец. Здесь было много животных, полностью аналогичных нашим, земным,

или очень похожих на них, но специфических марсианских — совсем мало. К таким, например, относилась палаксуна — зверь на четырёх ножках, таких же, как у кузнечика, с покрытым шерстью туловищем и острой, как у лисы, мордочкой. Или зулут — рыжий, пушистый зверёк, внешне напоминавший хомячка, но всего с двумя лапами — задними.

Друзья посмотрели тут крокодилов, пингвинов, небольших китов и дельфинов в прудах. Увидели обезьян зелёного цвета — от них, как предполагалось, произошли зелёные марсиане.

К львам и тиграм здесь относились очень трепетно — их держали в золотых клетках. Они считались священными животными, посланниками бога Олина и якобы знали больше, чем люди, но хранили гордое молчание.

Много-много хищных птиц увидели наши путники — в воздухе парили орлы, кречеты, беркуты, коршуны и другие пернатые.

Эл, Лучьян, Ромул, Амиз и Гриф поселились в таверне. Её хозяин, красный марсианин Юмс, долго разговаривал с Лучьяном и, когда тот поведал ему о бедствиях, с которыми столкнулась группа, пообещал найти всем пятерым гостям достойную работу в городе. После стольких дней странствий мужчины целые сутки проспали крепким сном.

Когда все проснулись, Юмс повёл гостей на экскурсию на окраину города, к полуразрушенной крепости Витра. Она находилась во дворе, её окружали постаменты с фигурами лошадей, львов, кошек и других животных, искусно выточенные, белые и чёрные. Путники прошли по дорожке между ними к зданию. Стены его накренились, в них появились большие пробоины. Цилиндрическая башня со смотровой площадкой с одной стороны совсем порушилась. Войдя внутрь крепости, гости миновали тёмную прихожую и оказались в просторном зале. Там стоял памятник марсианину, целившемуся куда-то из ружья, высокому и худому, одетому лишь в панталоны.

— Что это за герой, Юмс? — любопытствовал Лучьян.

— Это правитель красных марсиан Витр Храбрейший, — начал рассказ тот, — он жил более двух веков назад. Тогда шла война между красными и белыми марсианами за территории. Белые выигрывали сражения, брали в плен целые сотни противников. И правитель красных Витр принимал все меры, чтобы враги не проникли в город-государство с мирными жителями. Но они вплотную подошли к стенам Манархема и потребовали сдать им его. Витр приказал своим воинам стоять насмерть. Он узнал, что

правитель белых Вентар собирается истребить всех пленных, если войско не пустят в город. И написал ему послание, в котором предложил свою жизнь взамен на освобождение невольников и оставление города. Тот с усмешкой прочитал письмо: некогда Витр был могущественнейшим императором на планете, его армия считалась непобедимой, а теперь он сам, добровольно сдаётся в плен. Вентар принял это предложение, заметив, что войска белых слабеют и никак не могут прорваться в Манархем. Правители встретились и подписали соглашение, по которому белые меняли большинство пленных на императора красных и на долгое время оставляли город.

И Витр, провозгласив новым монархом своего сына Дежа, сдался в плен. Белые отпустили меньше невольников, чем было оговорено, но город оставили. Витра заключили в темницу, он ничего не ел и не пил и тяжело заболел. Его посетил Вентар и стал зло потешаться над ним: «Теперь ты потерял всё могущество, ты — ничто, твоя жизнь в моих руках, и сколько она ещё продлится — решать мне». «Не заговаривайся, ты не властен над моей судьбой, наши жизни в руках у Бога», — ответил Витр. Вентар рассвирепел, стал браниться, затем бить пленника. И тот нанёс ему удар в висок, оказавшийся смертельным. Но погиб и сам: охрана темницы застрелила его тут же.

Белые марсиане, гордившиеся тем, что взяли в плен такого крупного вождя, были раздосадованы, но больше не устраивали войн. А красные марсиане так возлюбили Витра, отдавшего за них жизнь, что до сих пор ставили ему памятники, посвящали произведения литературы и искусства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. «ВЕСТНИК МАНАРХЕМА»

Друг Юмса Павлос работал главным редактором новостной газеты «Вестник Манархема». Устав от бесконечных ссор между коллегами, от скандалов читателей с авторами публикаций, от нерадивости и продажности своих подчинённых, он забросил издание, сетуя на надвигавшуюся старость и переложив весь труд на более осведомлённых и разбиравшихся в политической и общественной жизни людей.

«Шайка» коллег, как позднее прозвали их Лучьян и Эл, которой стало всё дозволено, превратила достойнейшую газету города в жалкую газетёнку со всевозможными сплетнями, поливая грязью многих известных горожан. Корреспонденты Буй и Угран, принявшие на себя руководство изданием, безжалостно травили на его страницах не только своих обидчиков, но и идеологических противников, и со временем

читателей у него поубавилось.

Юмс дружил с Павлосом, хотя и не раз укорял того за равнодушие к собственной работе, из-за которого друг потерял авторитет у народа. Но главред лишь отвечал: «Тут везде нечестные люди, уволю этих — придут другие, и их много, а я один...» Бороться с произволом коллег Павлос не собирался. Юмс жалел его, боясь признаться, что сам уже давным-давно перестал читать эту газету.

Здание, в котором находилась редакция и куда однажды Юмс привёл Лучьяна и Эла, было большим и красивым, с колоннами, словно дворец. В коридоре стоял бюст Яна Кобальта — журналиста, основавшего «Вестник Манархема». На постаменте под ним выгравировали надпись: «Истина. Свобода. Лаконичность».

— Это девиз газеты, данный ей Кобальтом, — пояснил Юмс. — Хотя кто его теперь соблюдает...

Он познакомил гостей с Павлосом, толстым красным марсианином, вялым, флегматичным, представил ему Лучьяна и Эла как достойнейших, честнейших, образованнейших людей, стал упрашивать друга дать им какую-нибудь работу. А потом ушёл, оставив новых друзей для беседы с ним.

Павлос хотел поначалу нанять их как уборщиков или верстальщиков, но затем, собравшись с мыслями, решил провести с ними беседу, чтобы понять, насколько они образованны и грамотны.

Сначала он выяснил, что биографии у них очень достойные: оба работают в научной сфере, Лучьян к тому же силён в педагогике и в языках, которых он знает несколько десятков.

— Вы читаете «Вестник Манархема»? — спросил Павлос. — Довольны ли газетой?

— Звучит как риторический вопрос, очевидный ответ на который — «нет», — ответил Эл. — Я прочёл сегодня два номера, и этого мне хватило. Неужели вам самому не надоели те оскорбления и насмешки, которые в вашей газете отпускаются в адрес чуть ли не каждого жителя города? Давно ли вы проверяли хотя бы заглавия? «Господин Мюйл не верен супруге», «Госпожа Янаш — на короткой ноге с дьяволом», «Ночная жизнь Клавенса», «Любимые забавы Джуса»... Есть заголовки, которые даже стыдно цитировать, господин Павлос. Вы все здесь бездоказательно обвиняете граждан города в самых тяжких грехах! Разве такое допустимо?

— Не надо никого поливать грязью, если и имеются к тому

доказательства, — вмешался в разговор Лучьян. — Допустим, крупный чиновник занимается мошенничеством или другой достойный человек затеял какое-нибудь неблаговидное дело... Нужно написать ему об этом в личном письме, постараться наставить на путь истинный и, если он начнёт исправляться, похвалить за это. И вообще людей надо хвалить за всё хорошее, что в них есть, а не бранить за всё плохое. Надо поддерживать в своих ближних благородные стремления, тогда они сами станут лучше. А ваши коллеги озлобили общество, развратили его сплетнями. Оно теперь опустилось нравственно, господин Павлос. Я обещаю, если вы примете нас в газету, исправить это.

— Что же вы собираетесь делать? — поинтересовался Павлос.

— Принесу извинения тем, кого оскорбила газета за всё время, возмещу ущерб тем, кто пострадал из-за клеветы, — твёрдо сказал Лучьян. — Мы реабилитируем издание как сможем, вернём его в русло серьёзных новостей, проверенных фактов. Прежний произвол больше не повторится.

— Мы восстановим девиз Яна Кобальта, — поддержал друга Эл.

— Я вас пока плохо знаю, друзья мои, — вздохнул Павлос. — Но речи ваши очень уж дельны, они понравились мне. Я хотел бы убедиться, что вы — те люди, у которых слово не расходится с делом. И беру вас на работу с испытательным сроком на один месяц. С завтрашнего дня можете приступать к своим обязанностям, вам всё объяснят, что и как.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПЕРЕПИСКА ЛУЧЬЯНА И ЭЛА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Юмс устроил Грифа и Амиза секретарями в мэрию Манархема, а Ромула — корреспондентом в другую газету — «Город под куполом».

Лучьян и Эл работали в крохотной, тесной каморке, куда их поместил Павлос, и редко оттуда выходили, дабы не видеться с Бумом, Уграном и другими членами «шайки» — у всех них были хитрые лица, постоянно бегающие глаза выдавали лжецов. Два друга с успехом прошли испытательный срок, опубликовали много опровержений к оскорблениям и клевете и тем самым начали менять газету в лучшую сторону, что не нравилось «шайке», которая собралась уже устроить травлю новичков.

В редакции имелась небольшая столовая, а за зданием располагался сад, где после рабочего дня любили посидеть друзья. Здесь всегда было тепло и тихо, росли экзотические деревья, стояли статуи богов и героев, в том числе и Олина. Он смотрел исподлобья, опутив голову, печальным взглядом.

Асфальтовые дорожки в саду кто-то изрисовал причудливыми узорами и картинами из марсианской мифологии. Оба друга любили тут помечтать, слушая журчание воды в искусственном ручейке.

Лучьян и Эл во время испытательного срока и позже писали новостные заметки, экономические, политические, научные статьи. Павлос проникался к ним всё большим уважением, замечая, что в газете серьёзные новости понемногу вытесняют сплетни и что число читателей вновь возрастает. Однажды один чиновник попытался дать взятку Элу, чтобы он облил грязью другого чиновника, и тот не только не взял её, но и с позором выгнал гостя из редакции. Буй и Угран возглавили травлю новых работников: порочили их самих, и причём в той же газете, делали лживые доносы на них Павлосу, но те словно не замечали происходившего — спокойно занимались своей работой. «У нас есть цель — изменить это издание, — и мы идём к ней», — говорил Эл.

В редакцию приходило много читательских писем, и Лучьян подолгу просиживал над ними, даже по ночам, не оставляя ни одного обращения без ответа. Он давал читателям мудрые советы, помогал морально и материально. Нуждавшимся людям, беднякам посылал собственные деньги, никому не говоря об этом. В своих публикациях осуждал произвол чиновников и властей, несправедливости в общественной жизни.

Эл пытался в корне изменить сущность газеты, но «шайка» не дала ему этого сделать. Однако он создал научный и экономический разделы, ввёл рубрику для читательских писем, уменьшил количество иллюстраций, и издание снова приняло серьёзный облик. Вместе с Лучьяном Эл присутствовал на многих судебных заседаниях и писал о них репортажи, оказывал помощь несправедливо осуждённым, иногда сам выяснял обстоятельства запутанных дел.

Однажды Лучьян обедал в столовой, и к нему подсел Буй. Тот за последнее время сильно похудел и будто даже состарился. Лучьян избегал смотреть ему в глаза. Дело было не в их неприятном бледно-жёлтом цвете, а в том, что они всегда поглядывали на него злобно и недоверчиво.

— Зачем вы здесь? — прошипел Буй. — Что вам надо в этой газете? Сколько хотите за то, чтобы оставить нас в покое и убраться навсегда?

— Буй, ты не понимаешь, как вы развратили общество... — вздохнул Лучьян. — Конечно, придя в чужую компанию,

не принято навязывать ей своё мнение, но мы хотели как лучше... Разве плохо всё получилось?

Но Буй по-прежнему смотрел на него с ненавистью. И Лучьяну ничего не оставалось, кроме как уйти.

Чуть позже он прочёл в газете заметку Буя, в которой тот призывал горожан сделать пожертвования на строительство христианского храма в Манархеме, и эта публикация растрогала старика...

В следующем выпуске Буй увидел его отзыв:

«Благодарю своего коллегу за нужную заметку о новом христианском храме, за благородные стремления. Буй подал очень правильную идею, я поддерживаю его в этом.

Л. Смолоз».

Буй, изначально настроенный на вражду с Лучьяном и Элом, вдруг смягчился и подумал: а нужна ли она ему, эта вражда?..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Грета часто молилась в тишине, возле старых вязов, когда в монастыре был послеобеденный час и многие монахи отдыхали.

На сердце у неё вновь стало беспокойно: Лучьян пропал, не приходило никаких вестей о нём. Она знала, что Господь не оставит её сына, но неведение того, что с ним, тревожило её.

Священник Константин также не отдыхал после обеда и, когда не бывал в отъезде, гулял с Гретой по двору монастыря. Они кормили хлебом голубей и уток на берегу пруда.

Грете казалось, что она знает Константина с самого рождения. Он был очень добрым старцем, время проводил также в труде и молитвах. Оказывал помощь обращающимся к нему прихожанам, любя их всем сердцем, не жалея на них ни времени, ни сил. Принимая гостей в своей маленькой, тесной келье, священник внимательно выслушивал каждого, утешал, давал наставления, проповедовал христианскую жизнь. Он знал так много библейских притч, что на каждый случай жизни мог вспомнить какую-нибудь из них. Кроме Лучьяна, Грета никогда более не видела человека с таким добрым и открытым сердцем. Константин дал ей много ценных советов, смог немного унять её беспокойство. Он жил в монастыре с молодости, не имея

семьи; из родных людей у него была только мать, которая часто навещала его.

Грета много рассказывала Константину о своих сыновьях. После того, как Лучьян с другими учёными отправился в командировку на Марс, она некоторое время жила у Лесмяна, который бесконечно любил и уважал её, утешал и ободрял.

Сын и невестка тоже состарились. Мать радовалась, видя, как хорошо они относятся друг к другу. Супруги в свободное время гуляли в саду, любясь природой, слушая пение птиц. Однажды Лесмян распахнул окно и услышал доносившуюся издалека музыку. Это была та самая музыка, под которую они с Гелмой танцевали на свадьбе. И теперь, нежно улыбаясь друг другу, муж и жена стали медленно кружиться по комнате...

Один раз, когда Лесмян и Гелма уезжали на несколько дней в Грайюнкм и за их домом приглядывала Грета, к ней на ночлег попросился одинокий путник, и онапустила его. Он заболел — поднялась температура. Старушка ухаживала за ним два дня, пока мужчина совсем не поправился.

— Спасибо вам, — сказал странник, собираясь в дальнейший путь. — Вы были очень добры ко мне. Я беден, но, может, смогу как-нибудь отблагодарить вас, помочь чем-нибудь?

— Мне ничего не нужно, милый, — ответила Грета. — Мой сын сейчас тоже странствует. Может, какая-нибудь старушка так же приютит Лучьяна и он вспомнит, что далеко-далеко его ждёт мать...

Ей не раз снилось, что Лучьян вернулся, но, увы, то были лишь сны...

Она вспомнила, как когда-то обещала себе посвятить оставшуюся жизнь служению Господу. И однажды, когда Лесмян и Гелма спали, ушла в монастырь, оставив им записку:

«Дорогие мои, я возвращаюсь в свою обитель. Спасибо вам за всё. Буду вас навещать.

Мама».

Грета добиралась пешком, налегке, но идти было трудно: из-за старости ноги не слушались её. Остановившись отдохнуть, она увидела, что к ней приближается брочка, которой управляет юноша.

— Мил человек, не подвезёшь ли до монастыря? — попросила старушка. — Я тебе пшена и риса за это дам.

Возница помог Грете забраться в повозку. Ехали долго. Паренёк много рассказывал о себе. Он прибыл на заработки в город из далёкой деревни, оставив там мать одну, и теперь сильно тосковал по ней.

— Мой любимый сын тоже далеко от родного дома, — тяжело вздохнула Грета. — С того дня, как оставил меня, от него не было никаких вестей...

Когда подъехали к монастырю, она хотела отдать юноше рис и пшено, но тот не взял:

— Мне ничего не надо. Я сейчас словно повидался и поговорил со своей матерью... Надеюсь, другой человек так же поможет ей, если она будет в чём-нибудь нуждаться...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПРИЁМЫ У ЗНАМЕНИТЫХ МАРСИАН

С тех пор, как Лучьян и Эл устроились в «Вестник Манархема», прошло несколько лет. Оба прославились в широких кругах, удостоились аудиенции у самых знаменитых личностей Марса.

Известность и материальный достаток сделали Эла немного спесивым, чванливым человеком. Лучьян же не изменился, он просто был благодарен судьбе за всё, что имел. Переехав в отдельную небольшую каморку, с большой радостью принимал гостей, привечал путников, переписывался со своими читателями. Долгое время помогал материально Ромулу, которого уволили.

Лучьян посетил величайшие замки Марса — Анверд и Орланд. В Анверде жил аристократ Витор, подружившийся с ним на одном из светских вечеров в Манархеме. Однажды он устроил бал в замке и пригласил большое количество гостей, в том числе и Лучьяна. Тот поехал на торжество вместе с Ромулом на извозчике.

На дорогу туда ушло около четырёх часов. Жилище Витора путники разглядели не сразу: занесённые снегом стены, дома и башни сливались с белоснежными горами.

От замка подъехавших гостей отделял глубокий ров, но слуги хозяина тотчас же опустили подъёмный мост, и лошади с шумом пронеслись по нему. Потом извозчик остановил их. Ворота с лёгким скрипом отворились, и из них вышел Витор.

— Мы вас ждали! — раскланялся он. — Милости просим! Оставьте лошадей здесь — их отведут в конюшню и накормят лучшим овсом!

— Но я сам могу их отвести, — ответил извозчик.

— Нет, нет, идёте с нами! Вы тоже наш гость! — позвал Витор.

Вдруг большие облака снега стали слетать с вершин гор и с башен; завыл ветер, и наступила темнота.

— Кажется, снова начинается буря! — забеспокоился хозяин. — Идёмте все в замок! Там тепло и уютно!

В коридоре было темно и сыро, но в зале — светло, хотя и немного зябко. Здесь собралось уже немало именитых марсиан; хозяин поджидал ещё некоторых гостей. Лучьяну и Ромулу представили многих великих людей: аристократов Пана, Лаоста, Юграя и других; членов Всемарсианского совета (занимавшегося глобальными проблемами жителей планеты) Карла Тау, Лео Майта, Винка Ара и других; членов комиссии по контакту с другими планетами Абу Яна, Базилуса Вана, Гелиуса Мика и других. Лучьян поговорил с ними, выпил чарку вина, которое разносили слуги, и после этого решил, с позволения хозяина, осмотреть замок, взяв с собой Ромула.

Они вышли в полутёмную комнатку с маленьким окном. Здесь было теплее. В печи горел огонь. На стенах висели портреты предков Витора, и Лучьян стал рассматривать их.

— Пойдёмте отсюда, — поёжился Ромул. — Мне кажется, что они живые и наблюдают за нами.

— Это предрассудки, Ромул, — засмеялся Лучьян. — Ну, пойдём...

Гости ушли в соседнюю комнату — просторную, прохладную, с нагромождёнными друг на друга бочками — их было два десятка. Одна из них стояла вертикально, к ней приделали кран.

— Смотрите, сколько вина! — обрадовался Ромул. — А вот тут можно прямо из крана пить.

— Подставляй голову под кран и пей, — кивнул Лучьян. — Хотя ты уже в гостинной много выпил...

— Зачем так? Я принесу кубки, выпьем за нас.

И юноша убежал. Лучьян прошёлся по комнате, поджидая своего друга. Он потрогал бочки, открыл кран — на пол потекла тёмно-красная жидкость. Появился Ромул с двумя кубками и наполнил их вином. Друзья чокнулись ими, попробовали напиток и признали, что он восхитителен.

— Лучьян, раз уж мы с вами вместе пьём это чудесное вино, я предлагаю вот какую игру: давайте расскажем друг другу о какой-нибудь своей тайне или мечте, которая не особо сокровенна, — улыбнулся Ромул.

— Давай, это интересно, — согласился Лучьян.

— Моя тайна такова: я вступил в общество Христиан Манархема, мы распространяем учение Христа и отвергаем существование здешних богов, в том числе и Олина, — поведал Ромул. — Идти против него — здесь великий грех, поэтому люди могут устроить гонения на нас. Когда мы вернёмся на нашу планету? Соскучился уже по родине...

— Я думаю, довольно скоро, — задумался Лучьян. — Нет смысла задерживаться здесь, тем более что мы уже накопили достаточно, чтобы покрыть наши долги. Мне самому не терпится попасть домой, увидеть маму и брата, друзей и знакомых, коллег и студентов...

— Почему вы до сих пор не женаты? — поинтересовался Ромул, допивая кубок.

— Мой образ жизни таков, что не могу долго сидеть дома, я всё время в путешествиях, — развёл руками Лучьян. — Из меня получится плохой семьянин.

— Вам так только кажется, — возразил Ромул, снова наливая вино в опустевший кубок. — Эх, был бы у меня такой отец, как вы... Ну, а какая же ваша тайна?

Лучьян достал из внутреннего кармана костюма записную книжку.

— Я пишу очерки о Марсе, здесь не только рассказы об истории планеты, о наших поездках, о жизни в Манархема, но и мои мысли, которые часто записываю.

— Занятно, — прошептал Ромул, разглядывая записи, сделанные летящим почерком. — Но это ведь не похоже на тайну. Вы отдадите рассказы в печать?

— Пока не знаю, — ответил Лучьян. — Но ведь и то, что ты сообщил, не очень похоже на тайну.

— Всё же это тайная организация...

— Есть ещё одна тайна, но христианская заповедь не позволяет раскрыть её.

— Вы помогаете беднякам? Или состоите в такой организации, которая им помогает? — догадался Ромул.

— Может быть...

Они допили вино — Лучьян первый кубок, Ромул уже второй. Потом, взяв друг друга под руку, отправились дальше. Следующая комната была куда просторнее — с высокими статуями богов и героев Марса, с висевшими на стенах

знамёнами с изображениями сказочных животных, с горевшими на подвесных полках свечами.

— Говорят, что раньше тут жили настоящие великаны, они ели людей, враждовали с обычными марсианами, — сказал Ромул. — Кто-то утверждает, что гиганты замёрзли, кто-то — что их убили подземные жители, кто-то — что уничтожили люди-звёзды...

Выйдя из этой комнаты, друзья прошли несколько заброшенных залов, в которых пахло гнилью. Здесь стояла ветхая мебель, валялись кучи мусора, было много пыли. И гости быстро вышли в какую-то дверь и оказались... в часовне, соединявшейся с замком.

Их окутала темнота — узкие окошки давали мало света. Друзья смогли разглядеть лишь изображения святых и погасшие свечи. Они наощупь пробрались к какой-то двери, толкнулись в неё — и очутились на улице.

Оба спустились во двор по высоким ступеням. Ромул указал Лучьяну на какое-то сооружение, которое тот сначала принял за беседку — это был колодец. Старый, развалившийся, с изломанным парапетом и решётками.

— Давайте вернёмся в замок, — предложил Ромул. — Я уже сильно проголодался.

А в замке был пир горой. Подавались всё новые угощения и напитки, гости веселились, пели песни, хвалили Витора. Тот встречал прибывавших друзей, сам вместе со слугами приносил провизию к столу. Он позвал в замок бродячих музыкантов, и они играли для всех чудесные мелодии на арфах, свирелях, лирах и других инструментах.

Витор и его друзья познакомили Лучьяна ещё со множеством именитых гостей, затем снова напоили вином — почти насильно влили в него несколько кубков. И он плохо помнил, что происходило дальше. В памяти остались кое-какие проблески: они с Ромулом шли из замка к повозке; Витор пожимал на прощание его руку; ледяной ветер свистел навстречу быстро мчавшейся повозке...

Некоторое время спустя Лучьяна и Эла пригласил к себе на званый вечер император Дункар, живший в городе Кальде, в двухстах километрах от Манархема. Оба долго рассматривали его дворец и из-за этого даже чуть не опоздали на пир. Там присутствовало много гостей из других стран, с других планет, со спутников.

Лучьян запомнил имена нескольких представленных ему императором гостей. Августом звали коротышку с Фобоса, археолога, похожего внешне на человека, с таким же цветом кожи, но с шарообразной головой. Сатурнианин Ханде тоже походил на человека, но имел огромный нос и несколько цветов кожи, словно его измазали красками. Джун с Урана очень напоминал внешне енота, но был синим и в комбинезоне такого же цвета, ростом в полтора метра. С Нептуна прилетело много гостей — похожих на черепах, маленьких динозавров и ящериц. И немало других представителей далёких планет посетило в тот вечер императора.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ПРЕБЫВАНИЯ НА МАРСЕ

Последние несколько месяцев пребывания на Марсе Лучьян провёл в путешествиях и визитах к старым и новым знакомым. Он посетил полюс Марса, где среди снегов одиноко возвышалось здание в форме глобуса планеты. Там старик гостил некоторое время (ему выделили комнату) и любовался полярным сиянием. Появляющиеся в небе блики наводили ужас на марсиан, а Лучьян не пугался — разноцветное небо казалось ему прекрасным. «Это Олин сердится!» — пугались полярники. Ещё в первобытное время их предки увидели сияние в форме головы льва (простое совпадение), и, возможно, так «возникло» божество. Говорили, он тогда смотрел очень сердито и каждый раз, когда появляются сполохи, гневается на что-то.

Лучьян посмеивался над этими предрассудками. Он любил наблюдать за тем, как небо окрашивается в различные цвета: алый, тёмно-красный, бежевый...

Вернувшись в Манархем, Лучьян долго отдыхал и отсыпался в своей комнате.

Однажды он и друзья остались с ночёвкой в таверне у Юмса. И, когда все уже крепко спали, хозяин разбудил их:

— Вставайте быстрее! За вами погоня!

Все мигом очнулись:

— Какая погоня?

— Это ищут Ромула, — объяснил Юмс. — Почитатели Олина решили наказать его за оскорбление их божества. Они думают, что вы все с ним — одна шайка. И хотят расправиться с вами. Я только что об этом узнал. Торопитесь, уходите из города!

Возле двора приготовлена собачья упряжка, садитесь в неё — и собаки доведут вас до самого Паласта, они знают дорогу.

Пятеро друзей поспешно оделись, выбежали на улицу и сели в упряжку.

— До свидания, Юмс, спасибо за всё! — хором прокричали они.

— Прощайте, храни вас Бог! — ответил хозяин таверны и помахал им.

И собаки-лайки тронулись с места и с огромной скоростью понесли повозку...

— Где они? — закричали вбежавшие во двор таверны озлобленные почитатели Олина.

— Ромул и его друзья уже давно уехали отсюда, — холодно, не глядя на них, сказал Юмс.

Они обшарили здание таверны и ушли ни с чем, переругиваясь, проклиная наших путников.

А те были в это время уже далеко от города, неслись в упряжке по бескрайней равнине.

— Зря ты проповедь затеял, — говорил Эл Ромулу. — Этим язычникам ничего не докажешь. Пусть верят во что хотят.

— Начнёшь доказывать — только хуже сделаешь, — согласился Лучьян. — Эта религия исповедуется у них уже несколько тысячелетий, глупо надеяться на то, что они вообще когда-нибудь поменяют её на другую.

— А интересная всё-таки командировка у нас получилась, — вспомнил Амиз. — Конечно, большим горем было потерять наших дорогих Акияза, профессора Болта, Кабира и Дженина. Но такова судьба, от неё не уйдёшь.

В Паласт друзья прибыли следующей ночью. Город встретил их тысячами огней. Он показался им таким знакомым, словно они провели здесь большую часть жизни.

Путники поселились в гостинице его в центре — после нескольких лет скитаний позволили себе такую роскошь. А лайки тут же убежали обратно в Манархем, к хозяину. Теперь у каждого из друзей была своя комната, и они несколько дней не занимались ничем, только отдыхали. Лучьяну безделье надоело уже в первый день, когда он принял расслабляющую ванну с солями, а потом долго лежал на диване в халате, просматривая газеты. Старик поймал себя на том, что всё

время возвращается взглядом к вакансиям в них: требовались работники в типографию и на стройку, извозчики, продавцы и другие. «Почему же я тут отлёживаюсь? — подумал Лучьян. — Столько работы предлагают!..»

Вскоре к нему пришёл Эл, который сообщил интересную новость: в городе задержали якобы шпионов из другой звёздной системы, которые уже очень долго летали на своём корабле над Марсом — что-то высматривали. Их заметили дозорные службы планеты и некоторое время спустя окружили космические челноки марсиан и под конвоем доставили в полицию. «Шпионы» утверждали, что прибыли с Юпитера, но им никто не верил.

— Эл, а вдруг это прилетели за нами? — сказал Лучьян, осенённый догадкой.

— Я тоже об этом думал, — кивнул Эл. — Вот что, мы сейчас же поедem к тем заключённым, всё выясним. Я знаю, где они находятся.

Оба оделись и поехали на окраину города. Не так-то просто было попасть к тем задержанным: увидеть их тотчас же не позволили — только через два дня.

Наконец час свидания настал и в тёмную и сырую подземную комнату впустили сначала Лучьяна и Эла, а затем ещё трёх людей.

— Профессор Марлин! Доктор Феодор! Господин Филипп! — бросился к ним Эл. — Как я рад вас видеть! Мы никак не могли вернуться, у нас возникли трудности... За аппаратуру отдадим деньги. Часть её случайно уничтожили. Но, если нужно, готовы понести наказание...

— Наказание? — нахмурился Марлин. — Уж не горячка ли у тебя, Эл? Что ты такое говоришь? Мы не за тем прибыли, чтобы наказывать вас, и чёрт с ними, с деньгами! Отдадите сколько сможете! Главное — что сами живы и здоровы.

— За кого вы нас принимаете — за бездушных роботов? — возмутился Феодор.

— Мы вызволим вас отсюда! Немедленно вызволим! — пообещал Эл.

— Завтра будет суд над нами, — вздохнул Филипп.

— Я скажу на суде, что вы никакие не шпионы, а наши коллеги, учёные! И Лучьян скажет! — Эл указал на своего друга, и тот кивнул.

На следующий день всё разрешилось. Состоялся суд над «шпионами», которых обвинили в секретном сборе сведений для другой планеты, якобы собиравшейся захватить Марс. Как ни оправдывались обвиняемые, судья не слушал их. И на показания Лучьяна и Эла почти не обратил внимания. Друзья считали, что дело уже проиграно. Но тут в зале появились другие свидетели — марсианские учёные-астрономы, которые узнали в «шпионах» своих коллег с Юпитера. Судья вынес оправдательный приговор.

Учёным отдали конфискованное судно, и перед отлётом они долго прощались с астрономами, спасшими их.

— Ну что ж, прощай, холодная планета... — сказал Лучьян.

И он вместе с Элом, Амизом, Грифом, Ромулом, Марлином, Феодором и Филиппом, махая коллегам рукой на прощание, зашёл в корабль. А через несколько минут они уже находились в космосе. Все разглядывали в иллюминаторы красно-белый Марс. Да, эта планета заставила их хлебнуть немало горя...

Все пятеро друзей по очереди рассказали прилетевшим за ними учёным историю своих скитаний; Лучьян прочитал из записной книжки немало интересных фактов о Марсе. Марлин взял её у него, просмотрел и заметил, что неплохо было бы написанное им издать, собираясь помочь коллеге в этом деле. Тот с радостью согласился...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путники благополучно вернулись на Юпитер, к своим родным и близким. Грета, Лесмьян и Гелма вновь обрели спокойствие после возвращения Лучьяна и Амиза. Хотя они долго горевали о погибшем Акиязе, навсегда оставшемся на той планете...

Лучьян вновь обжился в своём старом доме, продолжил работать в Каллир-Кадене. Он часто навещал мать и брата; Грета строго-настрога запретила ему отправляться в путешествия, и сын вынужден был подчиниться, хотя душа его вновь жаждала дальних странствий. Они с Ромулом любили вспоминать ту командировку...

Книга Лучьяна о Марсе вышла под названием «Царство Олина», ею зачитывались все — от детей до стариков. Былая известность вновь вернулась к автору.

А потом он подружился с одной из преподавательниц университета, госпожой Эльмирой, интеллигентной женщиной. В свободное время они гуляли в парке и приходили в гости друг к другу.

Ему было спокойно и уютно рядом с ней; он чувствовал, что начинается новая жизнь...

Лучьян и Эльмира вместе написали три учебника: «История Ганакоры — от императора Аристана I до наших дней», «География Ганакоры» и «Древняя литература Ганакоры». И сочинили поэму «Лилия», в которой рассказывалось о романе девушки Лилии и юноши Августа.

...И мама, и брат, и друзья Лучьяна стали поговаривать, что неплохо бы ему жениться на госпоже Эльмире. Он прислушался к ним, понял, что действительно пришла пора создать семью, и начал готовиться к свадьбе. Возлюбленная уже не догадывалась, а знала о его намерениях; она была счастлива выйти замуж за такого доброго и умного человека.

КНИГА ПЯТАЯ. БОЛЬШОЕ СЕМЕЙСТВО ЛУЧЬЯНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лучьян и Лесмян пережили большое горе. Страшная эпидемия забрала миллионы жизней в Ганакоре. Скончались Эльмира и Гелма. В тяжёлых мучениях умер и друг Лучьяна, профессор Гриф. Грета тоже долгое время болела, но чудом осталась жива.

Это была неизвестная в стране болезнь; её, вероятно, принесли какие-то чужеземцы. И многие узнали на себе, что это за недуг. Десятки тысяч человек в Грайюнкме металась в горячке, большинство умирало. Горы трупов вывозили из города и сжигали.

Два брата горько оплакивали своих любимых женщин, так внезапно и быстро заболевших и скончавшихся. Убивались из-за того, что не смогли им ничем помочь. Но благодаря заботе сыновей Грета снова встала на ноги, и Лучьян и Лесмян немного успокоились, пришли в себя.

Когда эпидемия утихла, жители страны потихоньку возвратились к привычной жизни, занялись своими делами.

В Каллир-Кадене всё чаще устраивались совещания по вопросам торгового сотрудничества с другими планетами. Их проводили обычно профессора-старейшины, в том числе известный экономист Янгриф Ваольд и старый друг Лучьяна, конструктор Эл Книльхт. Однажды на таком заседании обсуждали вопрос о предстоящем сотрудничестве с другими планетами. Юпитериане уже были связаны торговлей с жителями большинства спутников их планеты, а также Марса, и теперь собирались работать

с сатурнианами. Несколько тысяч человек недавно летали к ним на новых межпланетных кораблях.

После совещания достойнейших профессоров университета, в том числе и Лучьяна, наградили путёвками на Сатурн и его спутники. Желавшие сопровождать их люди тоже купили себе путёвки. Это были Амиз, Ромул (теперь уже преподаватель), другие преподаватели вузов Грайюнкма, политики, экономисты, медработники, журналисты, разные учёные, а также прилетевшие на Юпитер члены Всемарсианского совета — всего набралось около четырёхсот человек. Корабль, на котором им предстояло лететь, имел такие огромные размеры, что все они могли в нём легко поместиться. Лучьян очень ждал этого путешествия — ему не терпелось увидеть далёкие цивилизации, пообщаться с сатурнианами.

В день отлёта Лучьян с грустью попрощался с матерью и братом, успокоил их, сказав, что на сей раз долго странствовать не будет. Мать благословила его, окропила святой водой.

Корабль назывался «Межпланетный курьер». Это было самое большое космическое судно в Ганакоре. На нём создали такую же систему искусственной гравитации, что и на старых кораблях — с ней пассажиры чувствовали себя удобно, как на поверхности планеты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Во время путешествия Лучьян вёл дневник и датировал каждую запись в нём кобзами — единицами измерения времени в Ганакоре, которые показывали его электронные часы. Для удобства восприятия этих записей читателями автор вычислил и указал вместо юпитерианских наши, земные, даты.

27.IX.1066. «Космопорт. Мы с Амизом и Ромулом встретили одного из гидов нашей группы — господина Осана, приятного старичка в панамке, с белой бородкой, — он отметил нас в списке. Мы посетили врачей — терапевта, лора, невропатолога, — затем прошли регистрацию и теперь сидим в кафе, ждём других людей из группы».

«Прибыли наши коллеги — всего нас в группе двадцать человек. Приехали ещё один гид и два медработника. Мы прошли в корабль, и вскоре он взлетел. Посмотрев из иллюминатора, как отдаляемся от Юпитера, побрели ужинать.

Здесь много ресторанов и столовых, мы все отправились в нашу национальную ганакорскую столовую».

«Сауна тут замечательная — мы с господином Осаном сходили, здорово попарились. Потом заглянули в отдел, где разные массажи, солярии. Несколько профессоров с нашего Юпитера занимались иглоукалыванием. Мы тоже полежали под иглолками...»

«Наш корабль такой огромный, что потребуется как минимум месяц, чтобы обойти его весь! И это не считая кают.

Здесь есть даже зоопарк, мы посетили его. Аквариумы с рыбками, с мелкими акулами... и даже с бегемотами! Несколько толстенных бегемотов прохлаждаются в воде, высунув из неё морды.

Вот в вольерах кони — пегие и белые. Хищники разные в клетках — волки, лисы, леопард с детёнышем, тигр и тигрица, лев и львица. Одиноко бродит по одному из загонов бизон. В другом гуляют зебра с детёнышем. В третьем верблюд полёживается на боку. В четвёртом прохаживается жираф.

Туристы останавливаются возле клеток, вольер, загонов, фотографируют животных. Кошек по коридорам бродит бесчисленное количество. Всяких мастей и размеров! Ромул стал гладить гигантского рыжего кота, но тот почему-то разозлился и поцарапал его.

В разных павильонах проходят показы фильмов, шоу, концерты, конкурсы, игры. Мы с Амизом, Ромулом и нашим другом Марлином побывали на концерте ганакорских народных песен, затем посетили юмористическое шоу, которое вели артисты с Плутона. Во время показа некоторых их сценок зрители валялись от смеха...»

«Мы познакомились с путешественниками с других планет и даже систем — господином Гребнем с Урана, походившим на большого петуха, господином Миксом с планеты Прокрыс, напоминавшим мышь, и несколькими туристами с планеты Меопсера, похожими внешне на людей; здесь находились и беженцы с планеты Арденурии, покинувшие её из-за нашествия космических пиратов, которых в Галактике развелось полным-полно».

«В одном из павильонов выступал карлик Фантик с Плутона в костюме клоуна, рассказывал о своих впечатлениях от нашей планеты — о том, как посетил разные детские магазины в Грайюнкме, какие необычные и смешные книжки и игрушки приметил. Также он забавно пародировал мультяшных

персонажей. Затем показывал зрителям дрессированного хомячка Мэя и попугая Чаки. Первый наряжался в разные костюмы, а второй передразнивал Фантика. Туристы были очень довольны представлением...»

«Подлетаем к Сатурну — бледно-жёлтому гиганту; колец вообще не видно. Солнце вдали такое маленькое — крохотный белый огонёк. Вот иллюминаторы снаружи закрыли чем-то — погружаемся в газовую оболочку...»

«Когда иллюминаторы открыли, далеко внизу замелькали огоньки городов, небольших селений; так мы недолго летели, снижаясь, и сели на широкую площадку, где находилось множество других кораблей. Тут было так же темно, как на Юпитере.

...Зарябило в глазах от пёстрой толпы инопланетян в здании космопорта. Мы нашли водителя воздушного такси, всей группой погрузились в его гигантский автомобиль с пропеллерами и на бешеной скорости понеслись над сиявшим огнями Леопальдом.

Нашу группу поселили в гостинице на восемьдесят девятом этаже, по два человека в номер. Нам здесь сразу понравилось — хорошее освещение, чисто, уютно, в комнатах деревца и цветы в горшках. Мы с господином Осаном отдыхаем, я пишу дневник, а он включил телевизор, изучает здешние каналы».

28.IX.1066. «Леопальд — город небоскрёбов. Голова кружится, когда смотришь вверх. Всё пестрит, всё рябит — огромные экраны на каждом доме, всюду фонари. В небе — армады воздушного транспорта. Здесь ещё есть общественный транспорт в виде больших труб — на станции человек заходит в кабинку, похожую на лифтовую, выбирает на экране конечный пункт маршрута, и её на огромной скорости несёт туда по трубе. Над городом, над всеми небоскрёбами возвышается колоссальных размеров здание правительства страны в виде кристалла.

Тут все живут дружно, по улицам вперемешку ходят карлики, великаны, такие же, как мы, люди, и другие разумные существа, и даже роботы, которые состоят на службе у местных жителей.

Много интересных вещей мы увидели в Леопальде. Вот золотой памятник когда-то почитавшемуся здесь и обожествлённому императору Мартыпьяну, похожему на большую обезьяну. Вот памятник буйволу с большими рогами, утыканному копьями — в городе часто устраиваются бои быков.

Необычный вид такси тут — гигантские безобидные пауки,

привезённые из одной великанской страны и приручённые разумными существами. Они переносят на себе пассажиров с огромной скоростью, почти как у воздушного такси; кучер управляет таким пауком, ему и платят за проезд.

В центре города находится развлекательный парк, артисты здесь ходят в костюмах сказочных персонажей, фотографируются с туристами. Мы посидели на скамейках, отдохнули, выпили чаю из своих термосов. Здешние напитки нам употреблять не велели — вредно для организма. И на обед в гостинице будет еда, привезённая с собой.

На пути к набережной мы увидели несколько статуй местных божеств, одно из них похоже на нашего древнего философа Герпариуса (сын бога Самсуна. — прим. авт.), а также старые крепости. И вот перед нами море — лазурное, такое прозрачное, что видно, как кишит рыба. Тут плавают много яхт и парусников; прямо в воде растут цветы. Сейчас вода холодная, мало кто купается. И мы только окунули в неё ноги с пирса и посидели так чуть-чуть.

Потом вся юпитерианская «делегация» отправилась в путешествие на большом воздушном пароме. На нём мы встретили много туристов с нашей планеты, познакомились с некоторыми. Тут было кафе и кинотеатр, и нас заинтересовала афиша фильма про императора Галактики, на него и сходили. Потрясающая картина!»

29.IX.1066. «Вот и Куртия — страна горных великанов. Перед нами — длинные хребты, вулканы, по которым лезут большие приветливые люди — великаны, добывают огонь прямо из жерла. Под горами — их хижины. Один из них увидел наш паром в вышине, долго махал рукой, и мы ему махали. Вот горное озеро, на берегу лежит бородатый великан, курит трубку, мимо него ходят обычные люди, и он никого не трогает — здесь, на Сатурне, вообще все живут в мире и согласии, великаны очень добры по своей природе, не отделяются от людей и лилипутов и в их странах всегда много туристов.

Мы совершили посадку в одном небольшом городке страны, многие завели разговоры с местными жителями, стали фотографироваться с ними. Амиз и Ромул заговорили с длинноволосым великаном, потом пошли с ним в трактир. По улицам ползали вроде бы какие-то чёрные и синие жуки, оказавшиеся малюсенькими гномиками. Они были очень приветливым, с маленькими бородками, круглыми глазками, клювиками. Мы подержали нескольких в руках.

В другом городе проходила ярмарка, куда сбежались все

наши туристы. Было накрыто много столов, принесли алкоголь, закуску... Один массовик-затейник устроил конкурс по съеданию сыра — кто больше употребит. Из нашей группы участвовали несколько профессоров, они не победили, но объелись так, что им стало плохо».

30.IX.1066. «Мы в стране фермеров Буте. Она тоже гористая. Жители тут всякие — и коричневые, и зелёные, и жёлтые. Некоторые любят шаманить, заклинать дожди и грозы по заказу земледельцев, у них много оборудования для таких процедур. Но большинство их занимается скотоводством — разводят овец, бычков и другой скот, держат лошадей. Мы познакомились с несколькими коричневыми парнями, украшенными разными ожерельями и браслетами. Фермеры катали на огромном быке наших профессоров».

«Праздник «Рыбия» проходил в огромном аквариуме, устраивали его разумные рыбы с планеты Пинта. Туристы один за другим облачались в водолазные костюмы и ныряли в тёплую воду.

Пинта полностью покрыта водой. Самое главное и древнее божество там — великая Рыба-Мать, на которой, по преданию, держится весь мир. Жители планеты верят и в демона, жарящего после смерти плохих рыб на сковороде».

1.X.1066. «Страна дикарей Рада — это что-то! Когда паром опустился на поверхность и все увидели аборигенов, то сразу же побежали фотографироваться с ними!

Фестиваль Божеств Ветра прошёл на «ура» — в воздух запускались воздушные змеи в виде богов с бородами. Был устроен небольшой спектакль с «участием» старинных божеств Явуса, Киуса, Ласса и других».

2.X.1066. «На пароме мы выпались, пока летели над океаном. Нас ждала страна фиолетовых аборигенов Фаву.

Здесь жители оказались такими противными, что никто к ним не захотел приближаться: толстые, похожие на огромных жаб, пучеглазые, покрытые слизью. Только наш знакомый марсианин Гренуиль сфотографировался с этими существами».

«В грандиозном дворце, где проходил Фестиваль Солнца, было настоящее столпотворение: собрались сотни тысяч зрителей. На высокой сцене ораторы рассказывали о Солнце, обращаясь к идолам богов светила, затем пели песни о нём на здешних языках. Из-за газовой оболочки его отсюда не видно, но сатурниане тем не менее почитают нашу звезду, от которой, по их мнению, зависит судьба планеты. Зрители так кричали, что мы чуть не оглохли. Гиды вывели нашу группу из дворца...»

«Паром пролетел над несколькими городами страны великанов Андрии. Сел в одном небольшом, по великанским меркам, городке, возле кафе.

Туристы побаивались заходить в здание, но местные жители-гиганты оказались очень приветливыми — сами внесли нескольких гостей в кафе, стараясь ни на кого из нас не наступить, — и мы все гурьбой, как мыши, кинулись за ними. И вскоре совсем перестали бояться: кто сидел на ботинках обедавших здесь великанов, кто — на стуле, а кто и на стол забрался. Хозяин кафе принёс какую-то книгу, положил перед нами, и наша группа расположилась вокруг неё как за барной стойкой. Мы пили из напёрстков привезённые с собой напитки, кто-то попробовал здешнего вина, несмотря на запреты гидов, но не пострадал.

Сейчас пересели с парома на корабль, плывём по морю в страну циклопов. Оттуда полетим на спутник Сатурна Титан, а затем — на Нептун».

3.X.1066. «Приплыли в страну циклопов Юнию. Пошёл кислотный дождь, мы все облачились в специальные плащи. Циклопы были гигантскими человекоподобными существами, одетыми только в шкуры животных, жили в примитивных хижинах, имели один, три или пять глаз и острые зубы, ели сырое мясо. Один абориген пытался схватить Ромула, приблизившегося к нему, но наши гиды сказали ему что-то на его языке, и он ушёл.

Мы посетили столицу Юнии Гласиз. Там во дворце нас принял правитель циклопов Фемус I, были устроены разные ледовые шоу, мы покатались на коньках. Замечательный дворец, так великолепно оформлен! Да и многие здания в городе прекрасны».

4.X.1066. «Титан нам очень понравился. Небо тут красивое, желтоватого цвета, и половину его заслоняет гигант Сатурн. Здешние обитатели и порядки интересны.

Мы временно расстались с другими группами, Осан повёл нас на экскурсию. На Титане тепло — хотя Солнце далеко, но горячие газы Сатурна хорошо греют.

Город Ливн, где мы находились, располагался на берегу лазурного моря. На набережной и в парках ходило много маленьких человечков ростом с мизинец — все в аккуратненьких костюмчиках, колпачках и туфельках; мои друзья брали их в руки, рассматривали, и те не сильно пугались — видно, уже привыкли к таким огромным гостям.

На одной из улиц Осан встретил своего здешнего знакомого Чалеса — толстяка с круглой жёлтой головой, выпуклыми

глазами и рогами, одетого в спортивный костюм. Они долго болтали на здешнем языке. Мы увидели, что транспортом здесь служат небольшие зелёные слоны с огромными ушами; на них ездили все, даже маленькие человечки.

На нескольких таких слониках наша компания приехала к другому знакомому Осана — юноше Барусу, внешне подобному Чалесу, но худому и без рогов. Может, здесь рога у мужчин появляются с возрастом, как у нас — борода?

Барус сидел возле своего дома на скамейке с девушкой, и нам стало неудобно, что мы прервали свидание. Но парень обрадовался, Осан поздоровался с ним, поговорил. И нас представили ему. Оказалось, что Барус — известный здесь футболист, участвовал в чемпионате с несколькими сотнями стран Сатурна и спутников, и его команда заняла третье место».

5.X.1066. «Прибыли на Нептун. Когда подлетали к нему, увидели, что Солнце отсюда выглядит совсем малюсеньким — чуть больше остальных звёзд.

Нас поселили в гостинице на окраине города Церато. На улицах всюду изображена черепаха — это главный символ планеты. На Нептуне живут в основном разумные рептилии и земноводные — ящерицы, жабы, змеи, черепахи и другие. Мы ехали всей группой в гостиницу на длинном такси в несколько рядов сидений. Водитель, огромная жаба, громко квакал — ругался на своём языке на подрезавших его лихачей».

«Правитель Рафаил устроил торжественный приём туристов в своём дворце. Сам он более походил на человека, чем на рептилию — огромного роста, с зелёным человеческим лицом, густой шевелюрой, в плаще и берете. У него собрались тысячи путешественников с Юпитера; всех позвали за стол — повара приготовили блюда специально для нас, из юпитерианских продуктов. Гости занялись едой.

Несколько сотен слуг Рафаила были очень похожи и на него, и друг на друга. Одни развлекали публику, облачившись в яркие костюмы, другие приносили еду и напитки, обслуживали туристов, третьи выполняли разные работы на территории дворца. После вкусного обеда мы прогулялись по саду, затем поехали на специальном лимузине по городу вместе с правителем и его свитой. Посетили картинную галерею и несколько музеев, сфотографировались с памятником древнему правителю Серпенсу. Церато — очень неплохой город, новый, с небоскрёбами; повсюду здесь кафе, рестораны, развлекательные центры».

6.X.1066. «До Эмидии — страны сухопутных черепах — мы ехали на экспресс-автобусе по ужасной жаре пустынями, полупустынями, мимо каньонов, оврагов. В автобусе познакомилась с туристами Красным Петухом и Зелёным Попугаем — оба были в костюмчиках и шляпках, знали некоторые юпитерианские языки. Не знаю, с какой они планеты — может, здешние, а может, из другой системы. Один раз мы остановились возле болота, в котором кишели всякие гады. Туристы подошли к нему, и, когда оттуда выползла гигантская кобра и зашипела, все завопили от ужаса и кинулись обратно в автобус».

«Прибыли в город Палит, посетили памятник Первооснове Мира — гигантской черепахе, на которой держится круглая плита со скалами и деревом, обвиваемым змеей. Грандиозное сооружение! В городе живут одни черепахи; он не такой развитый, как Церато, но зато тут много зелени — аллеи, садов, парков.

Мы заглянули в здешний стриптиз-бар, где самки черепах танцевали вокруг шеста и скидывали панцири; довольные зрители бросали им деньги. Мои друзья выпили там какой-то напиток, после чего сильно одурели. Шли по городу, орали, страшно сквернословили. Мы посетили пляж, искупались в море. Остальные группы тоже гуляли где-то в городе.

Отдыхая на песке после купания, наша компания заметила на противоположном берегу залива бежавших неизвестно куда диких животных; над нами пронеслись стаи птиц. Затем вдали послышалось гудение космических кораблей.

Все толпой бросились с пляжа куда-то. Гул стоял страшный, и туристы и местные жители кричали что-то. Осан узнал от них и рассказал нам страшную новость: появились пришельцы из неизвестной звёздной системы, называвшие себя «космокорсарами», разбомбили и захватили Плутон, многих перебили, некоторых взяли в плен, мало кому удалось спастись. Теперь они сели на Нептун...

Мы быстро оделись и бросились наутёк; Осан побежал искать корабль для нашей эвакуации. Но не так просто было его найти — планету покидали почти все жители, перегруженные суда в срочном порядке отправлялись на Уран, Сатурн и Юпитер.

В городе случилась страшная паника. Осан добился для нас мест на корабле, улетавшем скоро из пригорода Яласа, в который нужно было ехать на автобусе, но его уже переполнили пассажиры, могли взять самое большое троих человек. Мы отправили двух профессоров с неважным здоровьем и Осана,

чтобы присмотрел за ними. А сами остались ждать следующий транспорт.

Но вскоре послышалось сильное гудение, в небе появились десятки гигантских кораблей, осыпавших планету бомбами — всё дрожало от взрывов. Оставшиеся жители кинулись в подземные убежища, гиды повели нас туда же. Мы долго спускались по винтовой лестнице. Гул не стихал, всё тряслось...»

«Подземные камеры соединялись друг с другом узенькими коридорчиками. Нас в одной из них было восемнадцать человек. Туристы из соседней камеры имели телевизор и радиоприёмник, следили за новостями.

Постепенно мы всё узнали о пришельцах — их прилетело несколько миллиардов, страшных, чёрных человекоподобных существ, размером вдвое превосходивших нас, и с ними — столько же других космических бродяг — гуннов, противных зелёных карликов с безобразными мордами. Они были вооружены пушками, автоматами, разными взрывчатками. Часть кораблей захватчиков осталась на Нептуне, большинство устремилось дальше.

Нас охватил панический страх за Юпитер, молились, чтобы космические пираты не добрались до него. Мои друзья говорили, их войска наверняка будут разбиты ещё возле Сатурна — там очень сильная армия. Но справиться с таким количеством воинов и техники — невероятно трудная задача. И нам сейчас до боли обидно, что не можем ничем помочь нашей звёздной системе — сидим и дрожим, как мышата в норе, пока наверху бесчинствуют захватчики».

7.X.1066. «Мы сидели и слушали новости. Корабли бомбили планету, по телевизору показывали ужасные картины: по улицам городов Нептуна и Урана победно шествовали отряды космокорсаров, от зданий остались одни руины, всё небо окуталось чёрным дымом, в котором проносились корабли; гунны шагали следом за хозяевами, несли портреты Азазеля — повелителя пиратов, Вельзевула, Фамуса — главного божества гуннов, Корсара Великого — предводителя объединённого войска — и других. Армады кораблей уже устремились к Сатурну, никакая армия не могла устоять перед натиском захватчиков.

Мы прослушали известия с Сатурна. Там готовилась эвакуация мирных жителей на Марс и Землю. Войска разных стран планеты собирались отразить нападение пиратов, все армии поклялись биться насмерть.

В одном из выпусков новостей сообщили, что тот автобус,

на котором наши профессора и Осан ехали к кораблю, был уничтожен взрывами, никто не выжил. Там, наверху, творилось страшное, пока мы отсиживались здесь...»

8.X.1066. «Местные жители, разумные ящеры, выбиравшиеся на разведку, поведали, что космокорсары ушли из города, остались лишь гунны. Туристы решили бороться с ними. Гиды дали нам спирта для храбрости, вооружили нас автоматами, пистолетами и гранатами, мы выпили и вылезли наружу. Большие и многие малые дома были разрушены, а в уцелевших поселились гунны.

Наши туристы расстреливали и забрасывали гранатами попадавшихся им захватчиков, поджигали дома, в которых они обосновались, срывали со стен портреты их демонов и вождей, рвали в клочья. Город горел, зарево виделось, наверное, за десятки километров. Мы с соратниками сидели в укрытиях, бросали гранаты в ехавшие мимо автомобили с гуннами, уничтожили огромное их количество. Они метали в нас мины, несколько взрывов потрясло наше укрытие, некоторых ранило, но все остались живы.

Неожиданно из-за руин вышло настоящее чудовище — один из нескольких космокорсаров, оставленных здесь для охраны города. У него были огромные чёрные глаза, страшные зубы и клыки, на одежде — острые шипы. Рычал он так громко, что мы чуть не оглохли. Но его тотчас же расстреляли из автоматов. Та же участь постигла и других сторожей, прибежавших вскоре.

Разведчики донесли, что космокорсары возвращаются в город — наверное, увидели зарево или кто-то из гуннов сообщил им о наших расправах. Мы немедленно должны были уходить из Палита, но многие туристы получили тяжёлые ранения в схватках с врагом, и некоторых нам, не сильно пострадавшим, пришлось нести на себе...»

9.X.1066. «Всё время, пока мы шли по выжженным пожаром равнинам, небо окутывал чёрный дым, всё дрожало от гула.

Кое-как добрались до военной части, где находились солдаты с Нептуна, Урана и Сатурна. Там раненым оказали помощь.

...Битва развернулась жестокая. Мы с соратниками подносили бойцам снаряды, они вставляли их в пушки. И как били орудия! Один из вражеских кораблей упал возле нашей части, взорвался и сгорел дотла. Мы сбивали и огромные звездолёты космических пиратов, шедшие на посадку».

«Наконец-то можно вздохнуть свободно: в выпуске новостей сообщили, что захватчикам не удастся прорваться к Юпитеру —

возле Сатурна их громадную армию разбили войска с планеты. Наконец-то им оказали достойное сопротивление!

Вскоре на территории части приземлилось несколько десятков кораблей сатурниан. То были доблестные воины нашей Солнечной системы и пленные космические пираты. Властям предстояло решить, что делать с невольниками. За нами прилетели люди с Юпитера — по приказу правителя Ганакоры. Мы стали прощаться с солдатами.

Бои на Нептуне прекращались — космокорсаров тут осталось уже совсем мало...»

10.X.1066. «Мы всё ближе подлетали к жёлто-белому шару — нашему Юпитеру, родному миру. Один чиновник, сопровождавший нас, сказал, что здесь много эвакуированных с газовых гигантов — они очень благодарны юпитерианам за то, что временно приютили их. Но скоро жители вернутся на свои планеты и займутся восстановлением разрушенных городов...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Через несколько дней после возвращения наших путников домой освободительная война закончилась. Войска Сатурна и Юпитера разбили космических пиратов. Мало кто из захватчиков спасся — большую часть их уничтожили, остальных взяли в плен. В Леопальде состоялся суд над пленными, на него в качестве свидетелей вызывали Лучьяна и его товарищей. По приговору суда жизни подсудимых сохранили, но продали их в вечное рабство в те страны Сатурна, где оно было.

Лучьян продолжил заниматься педагогической и научной деятельностью. Он почти всё время проводил на работе, его кабинет в Каллир-Кадене часто был полон людей, не то что одинокий домик, куда старик приходил лишь поспать. Университет расширялся, открывались новые факультеты, в разных городах проходили научные конференции, выставки, фестивали, и Лучьяна с коллегами время от времени посылали в командировки.

Один из сыновей Амиза Георгиан (а всего тот имел четырнадцать детей), умный, эрудированный юноша, окончил школу с золотым орденом и поступил в Каллир-Каден. Амиз стал часто приходить к Лучьяну на работу, расспрашивать его об успехах парня. Он постарел, на лице появились морщины, кудрявые волосы и борода поседели, только осанка осталась такой же прямой при громадном росте. Амиз временно не работал — вместе с женой заботился о внуках, которых им то и дело «подкидывали»

старшие дети. Он просил своего дядю быть построже с Георгианом, говоря, что у него на уме одна любовь — юноша встречался со своей однокурсницей. Лучьян успокоил племянника, сказав, что это естественно в его возрасте и ничего страшного здесь нет, что парень хорошо осваивает учебный материал.

Потом Амиз жаловался на своего отца Лесмьяна. После смерти Гелмы к нему приехал с другого континента великан Максимилиан, которого они с женой воспитывали в детстве вместе с близнецами, и снова поселился у него, стал помогать по хозяйству. С появлением в Ганакоре телефона Амиз провёл линию себе и отцу и начал созваниваться с ним. Но в последнее время Лесмьяну всё некогда было разговаривать с сыном — они с Максимилианом то заготовливали дрова для бани и дома, то ездили на охоту и рыбалку... Амиз обижался и ревновал отца к приёмному сыну. Дядя снова успокоил племянника, уверив, что папа любит его больше всех на свете, и посоветовал съездить к нему на денёк-другой, поговорить с ним, тоже помочь ему в повседневных делах.

Лучьян по-хорошему завидовал им и был рад за них: они не одиноки... Ему очень хотелось иметь такое же большое семейство, как у Амиза. Только где его возьмёшь...

Однажды директор Каллир-Кадена вызвал к себе Лучьяна и Ромула и объявил, что скоро их с несколькими профессорами отправят в командировку в страну Гальванию, в город Геллетиум, расположенный на побережье Великого Южного океана. Они должны будут проэкзаменовать младшего сына короля, которого готовили к дипломатической деятельности, на знание нескольких юпитерианских языков.

Преподаватели летели в Геллетиум на самолёте около трёх часов. Южный город понравился им — он был чистым, с новыми зданиями. И здесь ходил подземный транспорт — что-то наподобие нашего метро. Его переходы украшали статуи, а спуски — плакаты.

Гости приехали в специальную гостиницу для педагогов в центре города. Они разобрали вещи, послушали радио, подготовились к предстоящему приёму экзамена у принца и легли спать.

Хорошо отдохнув, коллеги не торопясь позавтракали и отправились на встречу в университет. Но там преподаватели сообщили им, что принц приедет только через несколько часов.

Возле университетского двора находился лесопарк с озером, и Ромул повёл товарищей туда. Выйдя на аллею, они увидели вдали памятник. Подойдя близко к нему и рассмотрев его, Лучьян ахнул: то был он сам — в академической шапочке и мантии, с книгами под мышкой. На постаменте красовалась надпись: «Великий путешественник, учёный и педагог Лучьян Смолоз». И старик почувствовал, как почва уходит из-под ног, и коллеги под руки отвели его к скамейке и усадили на неё.

— Это наш сюрприз вам, — сказал ему Ромул. — На самом деле никакого экзамена не будет. Есть ещё одна новость для вас, очень важная...

Лучьян сидел словно громом поражённый. Гулявшие тут же дети, их мамы и бабушки окружили его, удивляясь, что перед ними настоящий великий учёный, ставший уже легендой.

Потом раздались голоса: «Король! Король идёт!», и толпа расступилась. К Лучьяну приблизился король Юлиан II со своей женой, семью детьми и свитой. И, остановившись возле, крепко пожал ему руку, поздравил с заслуженным успехом и славой и добавил:

— Ваши учебники по гуманитарным предметам очень популярны в нашей стране. По ним учатся и школьники, и студенты, ими пользуются преподаватели и учёные. Это клад для науки и образования... Вам давно надо было поставить памятник. Один умный человек предложил это и сам вызвался спонсировать его возведение...

— Кто же он? — спросил Лучьян.

К нему вышел из толпы худой лысый старик с длинными седыми усами и бородой, одетый очень бедно — в старый тёмно-синий балахон с поясом.

— Меня зовут Люмпан, — сказал он. — Помнишь ли, как когда-то давно мы виделись во дворце Флорития?

— Да, да, помню, — кивнул Лучьян.

— А теперь, в глубокой старости, я узнал, кто мой настоящий отец, — продолжил Люмпан. — Это ты, Лучьян. У моей матери Исиды, учившейся с тобой в Каллир-Кадене, есть доказательства твоего отцовства.

Лучьян, поражённый ещё больше, покачал головой, хотел что-то ответить и вдруг... упал в обморок.

Его привезли в королевский дворец, положили в просторной комнате, и Люмпан со служанками стали ухаживать за ним. Сын поил отца лекарствами. Понемногу Лучьян окреп, набрался сил.

Он помнил слова Люмпана, но не верил им и попросил его объясниться. Тот рассказал ему о случившемся девяносто лет назад. Исида ещё во время обучения в университете жила в гражданском браке с торговцем строительными материалами Стефаном, человеком невоспитанным, склочным и жадным. Он был бесплоден, а ей очень хотелось родить ребёнка, и она говорила, что можно сделать искусственное оплодотворение. Но муж не соглашался воспитывать чужое дитя. Тогда жена на последнем курсе университета втайне от него сделала в одной клинике то, о чём мечтала, надеясь, что он всё же полюбит малыша. Узнав о её беременности, Стефан устроил большой скандал, но с ней не расстался. Окончив вуз, Исида вместе с ним уехала в западную страну Левию, в город Вирдис, где были лучшие условия для торговли. Там и родился Люмпан...

— Но почему вы решили, что я твой отец? — спросил Лучьян. — Я никогда не сдавал своё семя для искусственного оплодотворения.

— Но ты сдавал его для анализов в то же время и в той же клинике, — напомнил Люмпан. — Анализы перепутали, для оплодотворения использовали твоё семя. У моей мамы есть доказательства этого.

Вскоре он привёл к отцу свою мать Исиду. Она стала худой, бледной старухой в морщинах, и Лучьяну подумалось: неужто он когда-то был в неё влюблён?.. Они тепло поприветствовали друг друга, и Исида рассказала ему о своём расследовании.

Несколько лет назад, после смерти мужа, ей стало интересно узнать, кто же настоящий отец Люмпана. Через свою подругу, медсестру клиники, она достала список сотрудников, работавших в отделе искусственного оплодотворения в тот далёкий год. И, узнав в адресном бюро, где они живут или жили, посетила всех, кого смогла найти. Никто из них не вспомнил про её визит в клинику — прошло слишком много времени. Но после встречи с ней одна сотрудница стала кое-что припоминать, испугалась, что Исида всё затеяла неспроста, и написала признание в правоохранительные органы: очень давно она перепутала пробирки с похожими фамилиями — Смолоза и Сколоуза — и отправила пробирку Лучьяна на оплодотворение... Тогда, обнаружив свою ошибку, женщина смолчала, но теперь ей показалось, что всё раскрылось, и она надеялась только, что чистосердечное признание облегчит её участь. Суд из-за преклонного возраста назначил ей условное наказание.

Исида показала Лучьяну копии судмедэкспертизы и судебного решения.

— У меня в голове не укладывается... — сказал он. — Всю жизнь я мотался где-то и даже не знал о собственном сыне, которого растил другой человек...

— Мы связаны с тобой больше, чем ты думаешь, — ответил ему Люмпан. — Я с детства знал твоего покойного отца, мать и брата, но мне в голову не могло прийти, что мы родственники. У меня... у нас с тобой большое потомство, я тебя со всеми познакомлю, но сначала расскажу о своей жизни — обо всём по порядку...

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ЛЮМПАНА

Сколько помнил себя Люмпан, он всегда был одинок. В раннем детстве подолгу оставался один дома, запертый, пока мать и неродной отец работали. Потом, во время учёбы в школе, ни с кем близко не дружил и не общался, только одного приятеля завёл, да и тот не знал его как следует. Люмпан был молчалив, скрытен и свои мысли, чувства хранил в секрете от окружающих.

Мужа матери, Стефана, он не полюбил как родного отца, и тот не пытался подружиться с ним. Относился к приёмному сыну как к лишнему рту, не хотел давать деньги даже ему на еду, и мать обеспечивала мальчика сама. Да и просто доброго, ласкового слова Люмпан никогда от него не слышал. В десять лет он, узнав случайно, что появился в результате искусственного оплодотворения, решил найти своего настоящего отца. Но это было очень непросто...

Город Вирдис, где они жили, располагался на берегу океана. С других сторон его окружали горы, хвойный лес и река. Этот край славился многочисленными археологическими находками, кладами, сокровищами, а также аномальными местами. И Люмпан испытал это на себе: в школьные годы после прогулок за городом ему снились какие-то древние цивилизации, неизвестные божества, другие миры. Он никому не рассказывал об этом. И чувствовал, что со временем сможет являться в эти миры не только во сне.

На каникулы его обычно отправляли к бабушке Златане, матери Исиды, переехавшей незадолго до рождения внука в Кириф. Она очень любила своего Рыжика — так называла Люмпана из-за цвета волос. В её домике было уютно. У неё мальчик ни в чём не нуждался, получая сполна всю заботу и ласку, которой ему так не хватало у родителей. Он ел, пил, играл и гулял вдоволь.

К Златане часто приходила соседка Грета, они подолгу сидели в гостиной или во дворе, беседуя о своих семьях, родственниках,

о делах. Люмпан знал о несчастье Греты: один её сын — Гельян — погиб в юности, другой — Лучьян — пропал без вести, отправившись в полёт на самодельном устройстве, а муж Кристиан после этого тяжело заболел и оставил свои торговые дела. Теперь родителей обеспечивал младший сын Лесмян, учившийся в Каллир-Кадене и подрабатывавший где придётся. Это был высокий, статный молодой человек со светлыми волосами и голубыми глазами, Люмпан не раз видел его, когда тот приезжал к матери и отцу.

Грета тоже со временем привязалась к Люмпану, говорила, что он похож на её сыновей — Лучьяна и Гельяна, — и каждый раз приносила ему какой-нибудь гостинец. Однажды она отдала ему старую одежду и школьные вещи своих мальчиков. Внук помогал бабушке по хозяйству, ходил в родник за водой и в лавку за продуктами и время от времени спрашивал, не нужно ли чего Грете и её больному мужу? И иногда приносил им еду, лекарства.

После жизни у бабушки пребывание в родительском доме казалось ему невыносимым. Особенно когда туда переехала и мать Стефана, старая склочница Власта. Она внушила сыну, что жене и ребёнку нужны от него только деньги и что Исида вообще нагуляла мальчишку и повесила ему на шею. Он, поверив ей, стал хуже относиться к жене и пасынку, не позволял им прекословить его матери. Исиде надоело так жить, и она собрала вещи и вместе с сыном ушла от мужа в пансион. Там они жили беднее и в большей тесноте, но спокойно.

В отроческом возрасте Люмпан познакомился с настоящим магом, о котором уже многие годы ходили легенды. Как-то он гулял в лесу за городом и наткнулся на ветхую хижину в гуще деревьев. Думая, что она заброшена, заглянул внутрь. Там на полу лежал старик с белой бородой, в чёрной мантии, живой, но без сознания. Люмпан перетащил его на ложе, побрызгал водой, привёл в себя. Спросил, не нужен ли лекарь, но тот успокоил парня:

— У меня теперь каждый раз после медитации такое случается, потом прихожу в себя. Мне всё равно уже недолго жить осталось...

И они познакомились. Старик оказался магом, по юпитерианским меркам ещё не очень старым — сто с небольшим лет, звали его Карагиусом. На полу у него лежало много книг и свитков, на столике и полках стояли банки и склянки с какими-то жидкостями. Был камин с огнём, возле которого любил греться

чёрный кот мага. Также здесь жила серая сова. Люмпан в первое же посещение почувствовал себя тут как в родном доме, заинтересовался деятельностью старика и стал навещать его. Карагиус относился к отроку хорошо, но общался с ним мало, только что-то бормотал себе под нос, занимаясь делами. И гость молча помогал ему.

Со временем старый чародей обучил паренька магии, рассказал о сокровенных местах, которые посещают волшебники и пророки, потом посвятил его в маги и дал тайное магическое имя. Люмпан поклялся быть достойным полученных знаний и умений и использовать их на благо людей. Карагиус поведал ему, что настоящий маг любит себя и других, живёт по зову сердца, радуясь жизни, общается с разными существами, духами, энергиями. Старик научил отрока работать с энергетическими каналами, с чакрами, создавать и направлять энергетические поля. Так через несколько месяцев после посвящения Люмпан мог снимать с человека негатив и порчу, исправлять его эмоциональное состояние, характер, на расстоянии предотвращать трагические ситуации, корректировать карму рода и многое другое. В магии он чувствовал себя словно рыба в воде и собирался в будущем заняться ею, но пока не говорил матери об этом и вообще о своих визитах к чародею.

О жизни Карагиуса ему было известно мало, Люмпан не знал и никогда не спрашивал, имел ли тот когда-нибудь семью. Некогда маг жил в Кириффе, учился и дружил с будущим священником Мелфием, потом их пути разошлись, они сделались непримиримыми противниками. Мелфий проповедовал христианство, а Карагиус занимался магией. Встречаясь, мужчины подолгу спорили, доказывая правоту своих взглядов, деятельности. Затем, устав друг от друга, прекратили общаться. Ближе к старости Карагиус ушёл из города, стал отшельником.

Но о своей жизни Люмпан рассказывал чародею много. Иногда говорил, что хочет найти родного отца. И Карагиус помог ему в этом. Во время медитации парень увидел перед собой высокого мужчину в плаще и сапогах, с рыжими, уже немного поседевшими волосами и бородой, румяным лицом и добрыми зелёными глазами — тот шёл куда-то по незнакомой улице. Видение было недолгим, но сильно впечатлило отрока. «Мы с отцом очень похожи, — подумалось ему. — Однако кто он и где сейчас находится?»

— Твой отец так далеко, что и представить невозможно, — сказал старик, прочитав его мысли. — Но однажды вы с ним встретитесь и ты всё-всё узнаешь про него...

Карагиус умирал долго и тяжело. Давал Люмпану последние наставления, как своему ученику: делать добро, заботиться о своей душе и теле, быть открытым миру.

— Ты мой единственный наследник, — сказал он парню в свой последний час. — Тебе я завещаю своё имущество, книги и свитки, они научат тебя гораздо большему, чем успел научить я, если продолжишь заниматься магией...

Он умер, и Люмпан, оплакав его, похоронил здесь же, в лесу, недалеко от хижины. Сам он продолжал приходить сюда, поддерживать порядок в домике, читать книги. После смерти мага сова куда-то улетела, а кот остался, и отрок взял его к себе.

Обучение в школе подошло к концу, Люмпан оказался в числе самых способных учеников и получил золотой орден. Ему были открыты дороги во все университеты, но он не хотел никуда поступать, собирался заниматься лишь магией. А мать уже выбрала для него несколько вузов, связанных с агрономией, которую сын углублённо изучал в школе. На каникулах парень вновь гостил у бабушки, она мечтала о том, что внук будет учиться недалеко от неё и жить с ней или хотя бы почаще навещать её. И тот решил поступить в аграрный университет в Грайюнкме и так же на каждые каникулы приезжать к старушке. «А магия никуда от меня не денется», — думал он.

Люмпан был успешно зачислен в вуз без экзаменов, но мест в общежитии не осталось, и новоиспечённый студент поселился в пансионате. Первое время сильно бедствовал: денег на оплату проживания не хватало, и его поместили в комнату с худой крышей, которая всё равно пустовала. Потом туда же заселили разорившегося промышленника с женой и дочерью. Мужчина сразу невзлюбил юношу, оскорблял, пытался прогнать насовсем. Но тот не обращал на него внимания, так как влюбился в его дочь Мадину — школьницу, совсем ещё юное создание — и ради неё готов был терпеть общество её отца.

Однажды Люмпан встретил на улице Лесмяна, который пополнил, отрастил усы, нарядился в красивый малиновый кафтан, на поясе висела сабля. Он рассказал, что служит стражником при короле, и парень стал просить найти и ему работу. И с его помощью устроился помощником садовника в роскошный королевский дворец. Перебравшись туда из пансионата, Люмпан иногда навещал Мадину, приносил еду ей и родителям — у него теперь было неплохое жалование.

Отец девушки стал лучше к нему относиться, и юноша собирался после окончания университета просить её руки у родителей.

Но после выпуска из вуза его послали работать управляющим на одну далёкую фазенду на три года. За отказ от назначения могли посадить в тюрьму. И Люмпан, объяснив всё Мадине, стал собираться в дорогу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДВЕ СЕМЬИ ЛЮМПАНА

Фазенда господина Гвинхая находилась в нескольких часах езды на поезде в юго-западном направлении от Грайюнкма. На ней выращивали кофе, тростник и хлопок. Здесь трудилось около десяти тысяч человек. На территории поместья располагался богатый, просторный дом хозяина, церковь, постройки для рабочих, загоны для скота и другие помещения. Гвинхай был очень зажиточным человеком, имел также дом в Грайюнкме.

По приезду на фазенду Люмпан познакомился с ним — полноватым мужчиной небольшого роста, добрым и мягким, с его супругой Эленой — женщиной мудрой и очень скромной, с их дочерьми — хитроумной Лилианой и простодушной Марианой — и с маленьким сыном Майлзом, наследником фазенды, хотя всем детям отец собирался оставить немалое наследство.

Люмпана поселили в одной из комнат господского дома. Он с двумя другими управляющими стал руководить тысячами работников фазенды, и ему было очень тяжело запомнить всех этих людей, привыкнуть к ним. Многие выражали недовольство зарплатой, условиями труда, пытались бунтовать, и мужчине огромных трудов стоило успокоить, усмирить их словом. Но со временем у него получалось всё лучше и лучше управлять ими.

Лилиана с первой же встречи обратила внимание на высокого, статного, симпатичного молодого человека. Люмпан стал замечать, что она очень уж часто встречается ему, куда бы ни шёл, и почему-то загадочно улыбается. Он ужинал позже хозяев, в одиночестве, и девушка иногда приходила поговорить, расспрашивала о его прежней жизни. А однажды пришла к нему в комнату в одной ночной рубашке, и парень, испугавшись близости с ней, выбежал в коридор. Потом она следовала за ним по пятам и в доме, и на улице, но он говорил, что любит Мадину и никогда ей не изменит.

Тогда Лилиана овладела им хитростью. Во время одного праздника подмешала ему в вино очень крепкий спирт, и Люмпан сильно опьянел. Она привела его к себе в комнату

и уложила в свою постель. Отец, придя пожелать ей хорошего сна, увидел их вместе. Он был вне себя от гнева и заставил молодых людей пожениться. Люмпан рассказывал ему, как всё случилось на самом деле, но тот не хотел верить: считал, что его дочь не способна на такое. Сёстры вышли замуж в один день. Мариана обвенчалась с молодым банкиром из Грайюнкма и вскоре перебралась к нему в город.

После женитьбы Люмпан ходил словно в воду опущенный. Гвинхай знал от дочери о Мадине. И через своих знакомых разыскал девушку в городе, похитил одну из её школьных тетрадей и, скопировав почерк, написал молодому человеку письмо от имени возлюбленной, в котором сообщил, что она выходит замуж, и попросил больше не искать встречи с ней; потом запечатал послание в конверт и подкинул зятю. Прочитав это, Люмпан долго переживал, плакал, работа валилась у него из рук. Кое-как успокоившись, он понял, что только Лилиана любит его, и стал ласково и заботливо относиться к жене.

Через несколько месяцев у супругов родился сын, названный Бруно, в честь покойного отца Гвинхая. Малыш был похож на мать — такой же темноволосый и черноглазый. А вскоре и из города пришло радостное известие — Мариана родила девочку. Гвинхай с Эленой уехали к ней погостить. За маленькими Майлзом и Бруно ухаживали служанки, и Люмпан с Лилианой, наслаждаясь обществом друг друга, чувствовали себя самыми счастливыми...

Гвинхай с зятем иногда выбирались в город, чтобы продать товар с фазенды. Во время одного такого визита Люмпан, гуляя по улице, встретил Мадину. Он хотел пройти мимо, но она остановила его. И между ними случился разговор, открывший обоим многое. Оказалось, что девушка часто писала письма ему на фазенду, но они до него не доходили — видимо, их перехватывали Гвинхай или Лилиана. И к тому же он получил письмо, которого Мадина не писала. Она по-прежнему жила в пансионе с родителями, окончила школу, работала на фабрике и выходить замуж не собиралась.

Вернувшись в городской дом тестя, Люмпан не подал виду, что знает про обман. И только по приезде на фазенду серьёзно поговорил с женой и её родителями. И выяснил, что действительно Лилиана перехватывала и сжигала в печи письма от Мадины, а Гвинхай написал то злосчастное послание от имени девушки... Молодой человек тут же собрал свои вещи в чемодан, не обращая внимания на супругу и тестя, пытавшихся

удержать его. А сыну, спавшему в колыбели, он тихо сказал: «Мы обязательно встретимся, Бруно. Я буду приходить к тебе...»

Люмпан приехал в Грайюнкм, поселился в пансионате, где жила Мадина, и стал искать работу. Девушка, несмотря на запреты родителей, перебралась к нему в комнату, и они стали жить как муж и жена, радуясь тому, что снова встретились. Он долго не мог никуда устроиться: в каждой конторе начальники, узнав о его самовольном досрочном уходе с фазенды, отказывались брать парня к себе. Но после ему встретился бывший однокурсник Гертал, работавший в банке, и взял товарища к себе секретарём. Люмпану платили хорошее жалование. Через год совместной жизни у них с Мадиной родился сын, которого бабушка и дедушка называли Аракелом.

После отъезда мужа Лилиана впала в тяжёлую депрессию. Она перестала заботиться о Бруно, не подходила к его колыбели даже тогда, когда он плакал, а только сидела на своей кровати и смотрела в одну точку. Её мать и служанки взяли на себя заботы о малыше. Испытывая огромное унижение, Гвинхай отправился в город, в пансионат, где жил зять, отдал ему деньги за работу на фазенде и стал просить вернуться туда, даже вместе с Мадиной и Аракелом. Тот отказался возвращаться, но пообещал, что будет часто приезжать к сыну.

Вскоре Люмпан навестил мать и бабушку, побывал на пышной свадьбе Лесмяна и его избранницы Гелмы в Кирифе. Позже узнал, что старушка Власта умерла, Стефан остался один, позвал Исиду обратно к себе и она вернулась к нему. Сын не стал осуждать её, понимая, что с любимым человеком, пусть даже и скрягой, ей лучше, чем совсем одной. Мать время от времени навещала Люмпана, его жену и сына в Грайюнкме, внука Бруно на фазенде.

По прошествии нескольких лет Люмпан построил домик в пригороде и перебрался туда с женой и сыном, тестем и тётцей. Он ездил к своему первенцу, брал мальчика к себе погостить. Бруно и Аракел стали закадычными друзьями, у них обнаружилось много общих интересов и увлечений. И так тихо, спокойно, радостно жил Люмпан в эти годы, отпущенные ему для счастья...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДАЛЬНИЕ СТРАНСТВИЯ

Мадина умерла, когда Аракелу было восемнадцать лет и он учился в геологическом университете. Она страдала болезнью лёгких уже долго. Её смерть подкосила Люмпана. После похорон жены он стал выглядеть как старик: похудел, лицо его покрылось морщинами, волосы поседели. Аракел и мать Мадины

заботились о нём. Сын часто говорил с ним о дальнейшей жизни, чтобы отвлечь папу от горестных мыслей.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил как-то Аракел отца. — Может быть, поедешь отдохнуть на фазенду, повидашь Бруно? У него сейчас тоже каникулы в университете, так что он наверняка дома...

(Бруно учился в историческом университете.)

— Нет, нет, на фазенду не поеду, — решительно возразил Люмпан. — Лилиана по-прежнему любит меня и ждёт, но я не хочу давать ей напрасных надежд... Думаю, что вернусь к своим истокам, к тому, с чего начал жизнь...

И он впервые рассказал сыну, как в отрочестве был учеником знаменитого мага Карагиуса и перенял азы его деятельности, но после забросил её.

— Может, поэтому судьба так и наказала меня, — вздохнул отец. — Магия — это не детская игра: захотел — поиграл, захотел — бросил... Ею нужно заниматься серьёзно или вообще не браться за неё. И теперь я посвящу себя ей. Отправлюсь сначала в тот лес, где жил Карагиус, а затем — в магические места, чтобы вновь обрести жизненные силы...

— Правильно, — поддержал его Аракел. — Поступай так, как велит твоя душа. И не беспокойся о нас с Бруно, мы не пропадём.

Через несколько дней Люмпан отправился в город Вирдис, навестил мать и отчима, сказал им, что едет по делам в другую страну, а сам двинулся в лес, пришёл в хижину Карагиуса. Она уже наполовину разрушилась, здесь поселились лесные хищники и птицы, многие вещи и книги мага были испорчены. Верный ему ученик обернул материей и закопал всё, что ещё мог спасти.

Атмосфера в этом лесу располагала к медитации. Духи деревьев любили общаться с людьми и помогать им. Прогулявшись здесь, Люмпан почувствовал большой прилив сил и энергии, впервые после смерти жены у него стало легко на душе. Потом он направился к роднику. Вода тут была вкусная, целительная, излечивала от многих болезней. Напившись её, путник стал просить богов примирить его со своим сердцем, дать мудрость и душевную гармонию.

Пожив в хижине некоторое время, Люмпан собрался в дальний поход по магическим местам, о которых когда-то говорил ему Карагиус. Он вышел из леса к морю и двинулся в южном

направлении по каменистому берегу. Когда миновал камни, началась густая растительность. Сочная трава доходила почти до пояса. Люмпан вошёл в тисовую рощу, и шум моря и ветра исчез, странника окутала тишина. Это было первое на его пути магическое место. Он приблизился к огромному камню, напоминавшему перевёрнутую лодку, присел возле него и не спеша погрузился в медитацию. Ему привиделся высокий седой старик в длинной белой одежде, с пегим конём, на которого они тут же взобрались и поскакали сначала по суше, а затем по облакам к обиталищу богов. Из встречи с ними Люмпан запомнил только одну сказанную кем-то фразу: он — внук верховного бога Самсуна, сын его сына. Но тот имел несколько сотен детей. «Кто же всё-таки мой отец?» — думал путник, пробудившись. Медитация отняла у него почти все силы, и новоиспечённый маг долго приходил в себя. Вот почему когда-то после неё Карагиус потерял сознание...

Путешествие по морскому побережью длилось несколько наших недель. Люмпан питался дарами леса — фруктами, ягодами, орехами, иногда вылавливал в какой-нибудь речке или пруду рыбу. Он прошёл мимо места, где недавно туристы нашли ценности — золотые слитки, деревянных истуканов, бронзовую статую богини. Но государство почти всё это забрало себе, оставив путникам жалкие гроши. Таков был закон во многих странах — почти весь клад у нашедшего изымали. И некоторые скрывали находку, но их всё равно разоблачали. В этой местности находились просторные заливные луга с сочными травами, река с чистой, прозрачной водой и сопки, упирающиеся в облака.

Возле одной бухты Люмпан увидел древнее капище с гигантским деревянным драконом: тот словно караулил местность. Тут же располагалась просторная пещера с подземными озёрами и реками, сталактитами и сталагмитами, и странник подумал: а не поселиться ли ему здесь, когда вернётся из путешествия? С одной стороны от выхода из пещеры была бухта, а с другой — озеро. Путник пошёл по дороге, уходившей в гору, и по ней попал на вершину сопки, с которой открылся чудесный вид на море: у горизонта оно сливалось с небом в единое целое.

Дальше он двигался уже через другую страну — Тескарию. Брёл по широким степям, через леса и гряды гор. Посетил столицу Монтивахус — красивый город с множеством старинных зданий и памятников. И приятно впечатлился его чистотой и ухоженностью, открытостью и добросердечностью жителей. Остановился в одной из таверн. Севернее находилась степь, а южнее — живописные горы. За ними располагались зерновые,

бахчевые, табачные плантации и виноградники, фруктовые сады и ягодники. Люмпан гулял мимо них по грунтовой дороге, взбирался на предгорье, где росли дикие яблони, боярышник, абрикосы. Прожив в Монтивахусе несколько дней, путник набрался сил, воспрянул духом, понял, как прекрасен мир.

Он посетил горную местность в нескольких десятках километров от города — там находились могилы древних магов и философов. Люмпан занялся медитацией в ущелье и увидел духа, хозяина места — высокого мужчину в бараньих шкурах, с большими глазами серебристого цвета и длинной седой бородой.

Далее шла степь со множеством холмов и река, на берегу которой расположился маленький посёлок. На одном из холмов находился круглый бетонный блок и чёрная каменная плита с надписью на местном языке. Люди, приезжая сюда, прикасались к блоку, который, по преданию, был целительным, молились, загадывали желания. Люмпан попросил в молитве возможности сделать побольше добрых дел и уверенности в себе. В видении ему предстал белобородый старик-великан — один из многочисленных сыновей бога Самсуна, дух древнего города, который уже давно покоился здесь, под толщей земли.

Посетив это место, наш путник вернулся в выбранную им пещеру возле бухты, облюбывал её и стал там жить.

Люмпан много лет провёл в пещере как отшельник, но стал очень известным отшельником. Люди, узнав о его магических и целительских способностях, приходили к нему за помощью не только из близлежащих селений, но и из дальних городов. Он никому не отказывал и не брал за это денег и даров, если только их не приносили просто так, от чистого сердца. Питался тем, что добывал на охоте и рыбалке, и угощениями посетителей. Про него начали слагать легенды, сказки и песни, в которых Люмпан представал героем с невероятными способностями, выручающим людей из бед и успешно борющимся со злодеями.

Бруно и Аракел, узнав, где живёт отец, стали навещать его — привозили еду, нужные вещи, книги, рассказывали новости. Оба к тому времени обзавелись семьями, их малыши были ровесниками: сына Бруно звали Ателардом, а сына Аракела — Гарибальдом.

В одной из легенд о Люмпане присутствуют Лесмян и Амиз с Акиязом. Близнецы тогда только окончили университет. Они были археологами, однажды поехали на раскопки в соседнюю страну и там в горной местности случайно нашли сундук,

набитый золотом — слитками, монетами и разными украшениями. Братья рассказали об этом лишь отцу, и тот велел им тайком забрать клад и перевезти в специальный тайник, который он приготовит. Лесмян не хотел, чтобы государство обобрало его сыновей. И приготовил для них закрытую повозку с быстрыми, резвыми лошадьми. Амиз и Акияз успешно добрались до сокровищ, забрали их и увезли, но, когда они несли сундук из кибитки к дому, братьев заметил один чиновник, поднял тревогу, позвал сотрудников правоохранительных органов, и Лесмян вместе с сыновьями тут же пришпорил лошадей и уехал. Продолав длинный путь к морскому побережью, беглецы двинулись вдоль него и наткнулись на пещеру Люмпана. Лесмян попросил его о помощи, предложил ему часть золота, но тот ничего не взял. Когда погоня приблизилась к пещере, маг на долгое время загипнотизировал людей, они застыли в разных позах. А Лесмян с сыновьями благополучно добрался до одной южной страны, там за горсть золота купил космический корабль, и на нём путники полетели на Землю, где можно было очень надёжно спрятать сокровища.

Вскоре Люмпан поступил на службу к могущественному магу Флоритию, желая обучиться у него чародейству, но тот оказался злодеем, и наш герой покинул его и вернулся в свою пещеру.

ГЛАВА ПЯТАЯ. НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЕЙ

Король Марджиус время от времени ездил со своими приближёнными и воинами охотиться в леса возле столицы. Но, с годами изучив их вдоль и поперёк, он пожелал отправиться в какое-нибудь новое место и однажды поехал со свитой в лес, находившийся около моря. Никто из путников не знал его как следует, однако они охотились без опаски, постреляли много птиц и небольших зверей. Но вот король и несколько слуг, погнавшись за оленем, оторвались от других и случайно набрели на медвежью берлогу. Потрявоженный медведь-гигант со страшным рёвом выскочил наружу, растерзал двух приближённых правителя, бросился на него самого и вдруг рухнул замертво: невдалеке на пригорке стоял старик, направив на животное руки, и бормотал заклинания. Так Люмпан спас от гибели короля. Тот благодарил его, хотел взять к себе во дворец, и старый маг поначалу отказался, но, узнав, что скоро в присутствии нескольких правителей стран пройдёт турнир юных рыцарей, в котором будет участвовать Ателард, поехал с Марджиусом в Грайюнкм.

Состязания смотрели десятки тысяч гостей из разных государств, а судьёй был сам великий учёный Лучьян Смолоз. Участниками хотели стать миллионы мальчишек из многих стран, но из-за

строгого отбора смогли соревноваться лишь несколько сотен. Турнир состоял из двенадцати конкурсов, и в одном из них — на знание рыцарского этикета — Ателард занял первое место. Всех победителей наградили разными званиями (Ателард стал Благородным Рыцарем) и настоящими мечами, тут же посвятив их в рыцари. Люмпан очень гордился внуком.

Пожив некоторое время в королевском дворце в городе Арамесе, столице приморской страны Рипии, он собрался возвратиться в свою пещеру, но у него сильно разболелась нога. Врач, осмотрев её, сказал, что это подагра. Уехать уже не представлялось возможным. Люмпан остался во дворце под наблюдением лекарей. Он стал помогать им в работе, умея исцелять некоторые болезни, а позже король назначил его своим советником.

Старика навещали сыновья и внуки. У Бруно после Ателарда родилась дочь Люсия, а у Аракела после Гарибальда родился сын Арчибальд.

После нескольких лет жизни Люмпана при дворе случилась страшная трагедия. В тот засушливый, неурожайный год, когда народ переживал голод, когда королевская армия очень ослабла и перенесла много болезней, страну захватило соседнее государство, которым управлял король Юлиан I, завоевавший уже огромные территории. Его могущественное войско вторглось в Арамес, захватило дворец, убило Марджиуса с семьёй, приближёнными и знатными людьми, а простых слуг и с ними Люмпана в оковах отправило к новому их господину в город Геллетиум.

Юлиан I был мужчиной средних лет, толстым, лысым, со злым лицом и хитрыми, постоянно бегающими глазами. Когда первых пленников привезли к нему, то всех собрали в одной палате и заставили дать клятву верности новому хозяину в его присутствии. Один из вельмож зачитывал её текст, и все хором повторяли за ним, и Люмпан повсюду прибавлял отрицательную частицу. Он не собирался верой и правдой служить этому тирану.

Первое время старик исполнял при дворе обязанности лекаря. Лечил в основном детей короля, его вельмож и слуг. И королева, и маленькие принцы и принцессы были простыми, добрыми и искренними, не похожими на главу семейства. Некоторые вельможи оказались такими же хитрыми и коварными, как их хозяин.

Люмпан лечил людей и лекарствами, и народными средствами, и магическими сеансами. Он работал с их каналами, и со стороны это выглядело как обычный массаж: растирание, разминание, потряхивание и поглаживание тела. Старик напитывал энергией больные места, и они заживали. К нему обращались и беременные женщины и с его помощью вынашивали здоровых детей.

Но вот как-то до короля дошли слухи, что Люмпан использует магию при лечении людей. Он вызвал старика к себе, поговорил с ним и только теперь понял, что это тот самый известный отшельник с морского побережья. Правитель отстранил мага от целительства и дал ему новое поручение.

Отныне Люмпан должен был с помощью медитаций выявлять, что происходит во дворце за спиной короля, не строят ли против него заговоры, каковы планы и намерения других правителей, в том числе стран, которые он ещё не покорил, не грозит ли опасность его величеству и так далее. Но старик редко медитировал по-настоящему, часто только имитировал эти упражнения и говорил хозяину, что всё спокойно.

Юлиан I был подлым человеком: с помощью интриг и клеветы стравливал своих неприятелей и даже целые народы, заставлял воевать друг с другом, а когда те ослабевали в битвах, захватывал их. Отправлял в другие страны посланников под видом купцов и ремесленников, и они клеветали местным жителям на соседнюю страну, и народы нападали друг на друга и после захватывались армией Юлиана.

Однажды он отправил со своими людьми и Люмпана, надеясь, что тот, являясь красноречивым, убедит один народ в том, что другой собирается идти на него войной. Однако не учёл, что старик ненавидит ложь и клевету. Когда послы, прибыв в чужую страну, сообщили о «коварных намерениях» правителя соседнего государства, он возмутился и стал кричать, что это неправда. Его заковали в цепи и повезли обратно. Доставив во дворец, бросили в темницу.

Через некоторое время пришло известие о гибели Ателарда — доблестного рыцаря. Он ехал через тёмный лес и был ограблен и убит разбойниками. У него осталось трое маленьких детей. Юлиан пришёл в темницу к Люмпану и сказал:

— Побереги хотя бы других своих потомков...

И удалился. Узник понял, что Ателарда убили люди короля — так тот отомстил ему за непослушание. Старику сделалось так плохо, что он потерял сознание, очнулся только через несколько

часов.

Слуги короля, навещавшие Люмпана, посоветовали ему написать письмо в другую страну Лучьяну Смолозу, занимавшемуся нуждами простого народа — о его доброте, отзывчивости, умении выручить человека из любой беды ходили легенды. Узнику тайком принесли бумагу и ручку, но вскоре появились соглядатаи Юлиана, отобрали у него эти вещи.

Через два дня пришла новость о смерти Люсии и её мужа от отравления. У них остался маленький сын. Люмпан понял, что это злодеяние тоже совершили люди короля...

— Если ты вновь допустишь подобное — неповиновение, жалобы на меня, — сказал ему король, войдя в темницу, — то тебя самого казнят.

Старик залился слезами, думая: «Смерть внуков для меня куда страшнее, чем моя собственная...» Он вырвал алебарду у одного из стражников и попытался ударить тирана, но его схватили.

— Через два дня тебя казнят, — решил Юлиан. — Прилюдно, на площади. Сначала отрубят руки и ноги, а потом уже голову. Я распоряжусь об этом. Никакого помилования тебе не будет.

И ушёл. А Люмпан плакал, горевал по Ателарду и Люсии, боялся, что король сделает зло и другим его родным, и совсем не думал о собственной гибели.

Настал день, когда старика должны были казнить. Но во время завтрака правителя застрелили из луков стражники. Охрана темницы по велению старшего королевского сына, тоже Юлиана, выпустила Люмпана на свободу.

Дети короля уже давно повзрослели, Юлиан-младший завёл свою семью. Он часто ссорился с отцом, не желая выполнять его поручений, многие из которых являлись подлыми делами. И стыдился своего родителя — подлеца и злодея. Во время одной перепалки тот пригрозил отправить сына на каторжные работы, и принц решил положить этому конец. Он подкупил стражников, посулил им несметные богатства в будущем, и они убили тирана.

После погребения отца Юлиан был коронован и дал своим подчинённым и народу слово всегда быть великодушным, честным и справедливым правителем. Он выполнил своё обещание.

Всех несправедливо осуждённых прежним королём людей

освободили из темниц. А вельмож и разных чиновников, уличённых в преступных делах, взяли под стражу и наказали по справедливости.

Люмпан после долгих просьб нового короля остался жить при дворе. Он вновь занялся врачеванием. Вскоре к нему насовсем переехали Бруно и сын Люсии Марсилио-Несто, которым правитель дал приют. Жёны Бруно и Ателарда умерли, и дети погибшего рыцаря перебрались на фазенду своей прабабушки Лилианы.

А Люмпан так и жил с тех пор тихо, спокойно при Юлиане II, честно и преданно служа ему.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЗНАКОМСТВО С БОЛЬШИМ СЕМЕЙСТВОМ

Выслушав историю жизни своего сына, Лучьян сильно опечалился. Не только потому, что Люмпану довелось перенести немало горя и тяжких испытаний, но и потому, что его самого не было рядом с сыном.

— Ты прости, что так получилось, — сказал он. — Не знаю, как искупить свою вину перед тобой...

— Какую вину? Ты ведь не знал, что я — твой сын. И потом, мне известно, что когда-то в юности ты хотел быть вместе с моей мамой, но она сама тебя отвергла. И сейчас очень об этом жалеет...

— Она просто одинока после смерти мужа. Вот что: раз я когда-то не выполнил свой отцовский долг, не принял участия в твоём воспитании, то теперь помогу чем смогу нашим потомкам. Знакомь меня со всеми ими.

И Лучьяна познакомили сначала с внуками, уже седыми стариками — молчаливым, спокойным Бруно и общительным, активным Аракелом. Потом ему представили внука Бруно — Марсилио-Несто, русоволосого, темноглазого мальчика, такого же тихого, как дед. Он интересовался литературой и историей, писал рассказы и стихи. И недавно победил в королевской исторической олимпиаде для школьников.

Вскоре Люмпан вместе с отцом поехал на поезде на фазенду к своей бывшей жене Лилиане. Он волновался перед встречей с ней.

Они прибыли туда в середине рабочего дня. Прошли к хозяйскому дому, возле крыльца встретили служанку, и она провела их

к своей госпоже.

На кухне за столом сидела старая, седая, немощная, слабовидящая женщина. Когда Люмпан окликнул её, она вздрогнула и спросила:

— Неужели ты, Люмпан?..

— Здравствуй, Лилиана, — ответил тот. — Я пришёл не один, а вместе со своим отцом Лучьяном Смолозом.

Лучьян поздоровался, и Лилиана ответила на приветствие, пытаясь его разглядеть.

Гости сели за стол, служанка налила всем чаю, и Люмпан поведал Лилиане, как он нашёл своего отца. Потом Лучьян сказал, что хочет помочь ей воспитывать детей Ателарда.

— Теперь уж не сможешь нам... — вздохнула старушка. — Церковно-приходскую школу, в которой учатся мои правнуки, собираются закрывать, и им негде больше заниматься. А они — ребята умные, способные, сами увидите, когда придут с учёбы...

Вскоре пришли два мальчика и девочка, и за обедом Лучьян познакомился с ними. У всех троих, как у покойного отца, были чёрные волосы и глаза. Старшего из мальчиков звали Валентином, младшего — Ардалионом (Арди), а девочку — Ниной. Они рассказывали Лучьяну и Люмпану о своих учителях, о школьных дисциплинах, о домашних заданиях с большим интересом и любовью, и те прониклись к ним жалостью и состраданием: как можно закрывать школу, в которой учатся такие замечательные дети?

Потом ребята делали уроки: выполняли задания по родному языку, читали художественную литературу, решали примеры по математике. А после Нина превосходно играла на рояле классические произведения — она ходила в музыкальный кружок.

Несколько дней Лучьян и Люмпан пробыли на фазенде. Они провожали и встречали детей из школы, помогали им с домашними заданиями, играли с ними в подвижные игры. Как-то старики посетили церковно-приходскую школу и поговорили с её пастырем о предстоящем закрытии. Оказалось, это было уже давно решённое дело — учеников осталось мало, пастырь собирался переехать в Грайюнкм, а на замену ему никого не нашлось.

Вскоре Лучьян и Люмпан собрались обратно в город, на прощание они дали ребятам слово, что помогут им получить образование.

Жена Аракела давно умерла, а сыновья — Гарибальд и Арчибальд — жили в небольшом городке Сабурбане в пятидесяти километрах от Грайюнкма.

Гарибальд был высоким, широкоплечим мужчиной лет сорока, русоволосым, с большими усами, с серьёзным лицом. Он радушно принял гостей, познакомился с прадедом, усадил обоих за стол, накормил обедом и напоил чаем. И за всем этим рассказал Лучьяну о своей жизни.

Гарибальд работал редактором в книжном издательстве. Много времени он проводил там, а домой приходил только отдохнуть, поспать. И один растил троих сыновей — жена ушла к другому несколько лет назад. Отец позволял мальчикам иногда видеться с матерью.

Они вернулись из тренажёрного зала, и Лучьян познакомился с ними. Двое старших — Лион и Модислав — были внешне и характером похожи на отца, а младший — Германикс, — наверное, пошёл в мать. Лион, статный, красивый юноша с умным взглядом, оканчивал колледж и собирался поступать в архитектурный университет в Грайюнкме. Модислав, серьёзный, молчаливый паренёк, учился в среднеобразовательной школе и мечтал стать студентом университета технологии и дизайна в том же городе. А Германикс, подвижный, расторопный мальчик, ученик художественной школы, не хотел получать высшее образование.

— Вот такие у меня творческие дети, — сказал Гарибальд. — Горжусь ими, хоть интересы у них не как у меня, а как у матери — известной художницы. Теперь вот скоро двое старших съедут от меня. И хорошо ещё, если получат места в вузах, в общежитиях — сейчас в Грайюнкм из других городов едет учиться столько молодёжи, что мест катастрофически не хватает...

— Ничего, я вам помогу, — пообещал Лучьян. — Мальчики поступят в хорошие университеты.

— Но я поступлю сам, без помощи старших, — решительно заявил Лион, с детства привыкший к самостоятельности. — Если поможете с общежитием, дедушка Лучьян, в долгу не останусь.

Тот с улыбкой кивнул: мальчики ему понравились, особенно Лион — серьёзный, независимый...

От Гарибальда старики направились к Арчибальду. Тот очень походил внешне на брата, но был на девять лет младше. Он

работал жонглёром в цирке, жил с женой Августой и приёмным сыном-младенцем Яном. Августа не могла иметь детей, она сообщила это возлюбленному до свадьбы, однако тот всё равно женился на ней. Они собирались взять ребёнка из детского приюта, но однажды Арчибальд нашёл в лесу младенца в корзине, оставленного кем-то, и принёс его домой. Супруги усыновили малыша и дали ему имя.

На Лучьяна жизнь семьи Арчибальда произвела удручающее впечатление. Домишко у неё был маленький, ветхий, мебель — старая, муж с женой ходили в изношенной одежде, малыш ползал в заплатанном комбинезончике, питались они плохо. Старики купили еды, накормили их, Лучьян решил оказать помощь и им.

Отец с сыном вернулись в Геллетиум, в королевский дворец.

— Я построю большой дом в Грайюнкме и поселю в нём наше семейство, — сказал Лучьян. — А затем помогу ребятам с учёбой, работой. Переедете ли вы втроём ко мне?

— Не знаю... — вздохнул Люмпан. — Наверное, Бруно и Марсилио-Несто не захотят переезжать. Они любят тишину, а здесь всё же поспокойнее, чем в гигантском Грайюнкме. Оба даже хотели перебраться куда-нибудь в деревню... А мне, старику, что делать в этом огромном городе? Тут буду доживать свой век... Но дело ты задумал хорошее, помоги нашим потомкам чем сможешь.

Лучьян вернулся в Грайюнкм немного опечаленный отказом сына переехать к нему. Но потом бросил думать об этом, купил земельный участок в пригороде и, наняв рабочих, занялся там постройкой нового, большого дома.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОЛЁТ НА ПЛАНЕТУ ЗЕМЛЯ

Дом возвели за четыре месяца. Теперь предстояло заняться ремонтом. Лучьян решил обратиться к Амизу, у которого среди друзей были хорошие отделочники.

Он пришёл к племяннику, когда тот укладывал внуков спать. Подождав, пока малыши заснут, Амиз вышел из детской и пригласил дядю на кухню, угостил чаем и пирожными. Выслушав его историю о найденном семействе и новом доме, дал ему визитку с телефоном отделочников. Но после сообщил неожиданную новость: он с друзьями собрался лететь на планету Земля.

— Зачем тебе туда понадобилось? — спросил изумлённый Лучьян.

Амиз рассказал продолжение одной из историй Люмпана, случившейся около сорока лет назад — о найденном им и братом кладе и бегстве их вместе с отцом на Землю.

Путники добрались до неё благополучно. Они долго спорили насчёт места посадки, затем по общему согласию приземлились на Кольском полуострове. Там закопали клад неподалёку от морского побережья под высокой скалой, напоминавшей по форме избу. Полетели в южном направлении, собрались возвращаться на Юпитер, однако из-за неисправностей в двигателе сели под Киевом. Целый месяц чинили корабль, в это время у Амиза случился роман с местной девушкой по имени Белослава, потом ему стало казаться, что она беременна. Но отец и брат торопились домой и грозились оставить его здесь. И он отправился с ними...

— Да, нехорошо, конечно, получилось, — вздохнул Лучьян. — Но не мне тебя судить, когда сам не растил собственного сына. Ты собираешься туда лететь из-за этого ребёнка?

— Да. Может быть, и моя Белослава ещё жива... И клад нужно забрать сюда, пригодится — у нас ведь большие семейства...

Люмпан и Бруно давно интересовались планетой Земля, им полюбили старые книги Лучьяна «Путешествие в другой мир» и «На правильный путь» о его пребывании там. Их очень привлекал тот мир, с большой любовью описанный автором — загадочный, тихий и интересный. Бруно читал перед сном маленькому Марсилио-Несто о жизни русичей, о княжении Владимира Святославовича, о Крещении Руси, и внуку всё больше хотелось посетить ту страну, увидеть добрых и смелых людей, живших в ней. Узнав о готовившемся полёте Амиза на Землю, старики и мальчик пришли к нему и попросили взять их с собой. Он согласился.

На корабле, предоставленном им Лесмянном, летели ещё сын Амиза Габриэль — пилот, его друг Марко — второй пилот, один из доблестных рыцарей короля Юлиана II Рудольф, королевский телохранитель Элиас и воин и советник правителя Ганакоры Галутус — двух последних приставили к путешественникам как стражников.

Узнав о запланированном отлёте своих родственников на Землю, Лучьян сильно расстроился, так как уже в скором времени хотел поселить всё семейство в новом доме. Но Лесмян успокоил его, сказав, что они улетают ненадолго. Однако брат сомневался в этом, вспоминая, как потомки мечтали жить на прославленной

им планете...

Судно было большим, просторным, полёт проходил нормально. Пять наших суток путники мчались к Земле, проводя время в беседах и чтении книг, съедая запасы провизии, взятой с собой, созерцая космос из иллюминаторов. Пилоты поочерёдно управляли судном. Наконец из темноты появился сине-белый шарик — та самая планета.

...Уже где-то в стратосфере у корабля забарахлил двигатель, и Габриэль сказал, что при посадке может произойти взрыв, а потому всем нужно прыгать с парашютами. На судне начался переполох. Еле успокоившись, путники надели тройные парашюты. Когда корабль, сбавив скорость, пролетал вблизи русских границ, они выпрыгнули из него по трое: Люмпан, Бруно и Марсилио-Несто; Амиз, Габриэль и Марко; Рудольф, Элиас и Галутус. И стали медленно, плавно опускаться на землю.

Здесь была ночь. Но Марсилио-Несто и в темноте заметил внизу какое-то движение, услышал крики. Казалось, там беснуется целая толпа людей. «Кто они и почему так кричат? — подумал он. — А может, это вовсе и не люди, а черти, злые духи?..» И съёжился от испуга.

Трое путников опустили на берег реки. Над ними пронеслись два тёмных силуэта. Отвязавшись от парашюта, старики и мальчик двинулись в ту сторону, куда улетели другие. И через час встретили их.

Но почти тут же появились воины в кольчугах, по языку которых Амиз понял, что они русские. И объяснил им, что он и его спутники — не вражеские лазутчики и не разбойники, а просто гости из другой страны. Рассказал о книгах, посвящённых Земле, написанных Лучьяном, и один отрок, услышав это имя, воскликнул:

— Они нам не враги! Лучьян был другом моего прадеда, князя Владимира! Поедьте с нами в Киев, дорогие гости, примем вас со всей душой.

Люмпана, Бруно и Амиза усадили в повозку, а остальные двинулись пешком. Марсилио-Несто шёл рядом с этим паренёком и двумя другими. Как он узнал из разговоров, перед ним был сын князя Всеволода Владимир со своими приближёнными Ставкой и Ольбегом. Они отступали вместе с войском, только что разбитым половцами на реке Альте...

Четыре года назад после долгого затишья половцы напали

на русские земли и, грабя их, дошли до Киева, но киевская рать напала на них на реке Снове и разбила.

Два года назад князь Всеволод отправил своего сына Владимира княжить в Ростов.

Сыновья покойного князя Ярослава — Изяслав, Святослав и Всеволод — объединились против полоцкого князя Всеслава, совершавшего набеги на их земли. Год назад они с войсками подошли к Минску, где тот находился, взяли приступом город, ограбили и подожгли его. Затем случилось сражение между войсками Ярославичей и Всеслава на реке Немиге, где полочане были разгромлены. Три брата обманом захватили князя-противника в плен.

Минувшей Всеволод, переяславский князь, овдовевший недавно, взял в жёны дочь хана донецких половцев. Проведя зиму в Киеве, они со Святославом и Владимиром собирались вернуться в свои княжества, но тут вновь случился набег степняков...

Хан Шарукан Старый вёл войско на Русь. Половцы сжигали дотла селения, убивали людей, в плен брали лишь немногих. Князя в Киеве быстро собрали дружину, и все двинулись на юг. День спустя, когда уже смеркалось, подошли к реке Альте и увидели на другом её берегу костры половецкого стана. Тут же, не разбивая шатра, князя посоветовались, что делать дальше. И решили по предложению Всеволода напасть на врага сейчас, ночью, внезапно.

Русские пересекли реку и ударили по половцам, но слишком углубились в степь и были окружены. Боясь, что неприятель вырежет их всех, князя повернули войска назад. Враги бросились за ними в погоню, затем отстали. Святослав с дружиной ушёл в Чернигов, а Изяслав и Всеволод — в Киев. Степняки перерезали пути в Переяславль.

Марсилио-Несто слышал, как Владимир делился с Ольбегом своими страхами: половцы разбила княжескую дружину и могли вот-вот догнать и захватить всех отступавших... Но никто на них не напал. Бог уберёг их от плена и гибели.

Когда путники прибыли в Киев, там на улицах стали собираться люди, роптавшие на то, что Ярославичи, вызвав Всеслава на переговоры, поклялись целованием креста не трогать его, а после взяли силой, и требовавшие выпустить пленника из поруба. Несколько дней, пока в городе был мятеж, князя вместе с нашими странниками отсиживались в старом Ярославовом дворце под усиленной охраной дружинников.

Амиз встретил там среди служанок пожилую женщину, в которой узнал свою бывшую возлюбленную Белославу! Познакомился и с их сыном, боярином Ратибором. Тот довольно холодно принял отца, и старик понимал, что заслуживает такое отношение. Отрок Ольбег, сын Ратибора, был приветлив к дедушке. А Белослава, как и в юности, души не чаяла в Амизе и так же заботилась о нём.

А народ тем временем негодовал по поводу братоубийственной войны князей и того, что простых людей обирают данью и вирами, десятиной, бояре отнимают у них земли и закабаляют их долгами. Толпа разграбила двор воеводы Коснячко, бежавшего в Чернигов. Затем ворвалась на великокняжеский двор и освободила Всеслава из поруба. Ярославичи тоже ушли из Киева: Изяслав — в Польшу, к своему родственнику, королю Болеславу II, Всеволод — в земли Святослава, куда ещё не добрались половцы, а Владимир — к себе в Ростов.

Наши путники, надёжно спрятанные служанками во дворце, чудом спаслись от разъярённой толпы.

Они остались жить в Киеве, при князе Всеславе, а затем — при изгнавшем его Изяславе. Хотя и тосковали сильно по своей родине, но корабля у них больше не было. Однако со временем все прижились на новом месте.

Марсилио-Несто полюбил Киев. Он исходил город вдоль и поперёк. Любовался храмами, дворцами и теремами, живописной природой. Посещал базары, где торговали купцы из разных городов и стран, и ремесленные слободы. Когда ему было семнадцать лет, умер дедушка Бруно, и парень пришёл в Киево-Печерский монастырь к святому старцу Феодосию Печерскому и по его благословию начал писать историю Руси. Будучи монахом, он взял имя Нестор.

Амиз смирился с тем, что останется здесь навсегда, тем более что они с Белославой жили душа в душу. Его сын Габриэль умер от воспаления лёгких, а их спутники — Марко, Рудольф, Элиас и Галутус — отправились путешествовать в Европу и пропали без вести. Амиз вместе с Ратибором и Ольбегом ездил на Кольский полуостров, мужчины раскопали клад и привезли в Киев.

Однажды за нашими путниками прибыл с Юпитера корабль, присланный Лучьяном и Лесмьяном. Амиз, соскучившись по своим родным, захотел вернуться домой. Белослава, Ратибор и Ольбег остались на Руси, Люмпан и Нестор — тоже. Одну половину клада старик отдал им, другую взял с собой — для

огромного семейства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЗАБОТА О ПОТОМКАХ

Ремонт в доме Лучьяна сделали за два месяца. На первом этаже находился гардероб, гостиная, кухня-столовая, спальня и туалет. На втором — три спальни, ещё один туалет и ванная. Лучьян купил и повесил шторы и гардины, постелил ковры, заказал мебель, и ему привезли и расставили в комнатах кровати, диваны, столы, стулья, шкафы и тумбочки. Хозяин занял спальню на первом этаже. Вскоре к нему приехал Лесмян, и они отметили его новоселье, выпив шампанского.

После этого Лучьян отправился на фазенду, чтобы привезти Лилиану и ребят в свой новый дом. Он думал, что бывшая сноха может не захотеть бросать собственное жильё, но она после недолгих раздумий согласилась переехать к нему. Старушка решила оставить тут вместо себя младшего брата Майлза, который жил в Грайюнкме и занимался космографией, отказавшись когда-то управлять фазендой отца, но теперь устал от шумного города и хотел вернуться сюда. И Лучьян под диктовку Лилианы написал ему письмо, в котором звал его приехать в поместье насовсем.

И вот прибыл он — лысый старик с белой бородкой — в сопровождении сына. Лучьян нанял грузовую машину, сложил в неё вещи Лилианы и детей, и они, попрощавшись со всеми, уехали в город.

Прабабушка и правнуки нашли дом очень уютным. Ребята сказали, что он чем-то похож на их прежнее жилище. Это обрадовало Лучьяна: значит, им будет хорошо здесь... Новые жильцы поселились в одной из спален на втором этаже: Лилиана — на диване, Нина — на тахте, а Валентин и Ардалион — на двухъярусной кровати. В комнате у них был шкаф для одежды и письменный стол. Все обжились здесь довольно быстро и стали чувствовать себя как рыба в воде.

Вскоре Лучьян записал детей в школу, что находилась неподалёку от его дома. Он привёл их туда, представил директору и учителям, и взрослые устроили им экскурсию, показали некоторые кабинеты, спортивный зал и библиотеку. Старик видел, с каким любопытством ребята рассматривали всё на своём пути. Близилось начало учебного года, и они получили в библиотеке учебники, затем вместе с прапрадедом поехали в магазин и купили там одежду для дома и школы, портфели, канцтовары.

...Когда на линейке директор выступал с приветственным

словом перед школьниками, Лучьян с большой радостью и гордостью смотрел на своих праправнуков — они были такими красивыми, нарядными... Он знал, что ребята не подведут его и будут слушаться педагогов и учиться прилежно.

Лучьян вновь отправился к Гарибальду. Он поговорил с правнуком о переезде мальчиков к нему и их обучении в вузах. Тот предупредил, что они принесут старику лишние хлопоты, но Лучьян сказал, что только рад этому.

Приехав с ним в Грайюнкм, ребята записались на подготовительные курсы в выбранные ими университеты и получили учебники. И до поступления в вузы жили на два дома: в будни были у отца, ходили в школу, а на выходных — у Лучьяна, посещали курсы. Успешно окончив их, сдали экзамены в школе и сразу же переехали к прапрадеду на постоянное жительство. Тот предлагал перебраться к нему и Гарибальду с Германиксом, обещая им помочь хорошо устроиться в мегаполисе, но правнук отказался: уж очень сильно он привык к своему дому и работе.

Лион поступил в архитектурный университет, а Модислав — в университет технологии и дизайна. Лекции им читали известные профессора, многие из которых хорошо знали Лучьяна и общались с ним. Парни поначалу ничем не беспокоили его, а только радовали своим большим интересом к учёбе и отличными оценками. Потом Лион устроился в строительную компанию разнорабочим, а Модислав — в ателье помощником швеи. Оба отказывались от денег, которые им давали отец и прапрадед, желая обеспечивать себя самостоятельно. После университетских занятий они подолгу были на работе, а затем готовили домашние задания: Лион чертил планы, схемы строений, а Модислав рисовал эскизы одежды. Боясь, что юноши испортят зрение, Лучьян купил им две настольные лампы и стал следить, чтобы занимались при хорошем освещении.

Он иногда посещал их университеты. Однажды, когда Лион уже писал дипломную работу (о деятельности основателя Грайюнкма — полководца Грая Фортиса, жившего почти три тысячи лет назад), они вместе побывали в библиотеке вуза — в здании с картинами, с бюстами великих зодчих. В нём хранились как древние рукописи, так и более поздние труды и документы архитекторов, скульпторов, декораторов. Парень очень увлёкся сбором материалов для диплома и работой над ним, и у него появилась мечта, которая позже станет делом всей его жизни.

Лучьян время от времени навещал Гарибальда и Германикса,

говорил с мальчиком о вузе, который он мог бы выбрать в Грайюнкме, но тот не захотел покидать родной дом и остался с отцом. И после окончания школы устроился на работу к нему в издательство художником-иллюстратором.

Итак, вторая спальня на втором этаже теперь была заселена двумя студентами. А третью Лучьян обустроил под детскую комнату, расписав стены в ней нежно-голубым и розовым цветами. Он купил маленькому Яну кровать, коляску и столик. Арчибальд и Августа с благодарностью приняли его помощь и вместе с сыном переехали к нему. Отец малыша работал здесь сначала курьером, потом — официантом, затем — швейцаром в гостинице. А мать вела хозяйство — готовила еду, стирала, прибиралась в доме и во дворе.

Лучьян души не чаял в Яне. Купил ему много новой одежды, часто баловал его вкусностями, ходил с ним на прогулки. Он научил праправнука говорить, ходить, был рядом в те трудные минуты, когда мальчик болел корью, когда у него резались зубки, лечил малютку от всех болезней. И привязался к Яну даже чуточку больше, чем к родным потомкам, но они не ревновали старика к малышу.

Дом Лучьяна теперь был полной чашей. И забот у него стало много. Утром он кормил, поил и провожал в школу и университет ребят, днём читал лекции в своём вузе, а вечером гулял с праправнуками, помогал им с домашними заданиями, делал вместе с ними что-нибудь по дому. Время от времени водил их в кино и театр, в парк развлечений, там угощал сладостями. Часто рассказывал детям о своей жизни, о путешествиях в дальние края.

После заселения новых жильцов Лучьян стал обустраивать свой двор. Он посадил там деревья, цветы, газонную траву и каждый день заботился о растениях.

Грета приезжала из монастыря к сыновьям, чтобы повидаться с их большими семьями. Она гостила то у Лучьяна, то у Лесмяна, заботилась о своих родных, готовила им вкусные обеды, шила детишкам одежду и тряпичные игрушки. Под её опекой оба старика вновь почувствовали себя маленькими мальчиками и были счастливы. Но надолго остаться мать не смогла, как её ни упрашивали — в обители начались огородные работы, да и Константин сильно скучал без спутницы.

Лучьян предлагал Исиде тоже перебраться к нему. Она сказала,

что подумает. Но вскоре уехала в приморский санаторий, в котором лечили суставы, и провела там несколько месяцев. А оттуда перебралась в дом престарелых в Геллетиуме, где жили её подруги. И не захотела покидать его, чувствуя себя комфортно, занимаясь своим хобби — цветоводством и бисероплетением, — да и врачи всегда дежурили рядом.

Однажды Лион сообщил Лучьяну, что в кинотеатрах показывают новую картину «Волшебник с морского побережья», посвящённую Люмпану. Фильм был снят по одноимённому роману писателя Кристофа Надиги. Лучьян и Лион сходили в кинотеатр на эту мелодраму, затем прочитали книгу. И там, и там Люмпана показали обычным человеком, отшельником, которому людская молва приписала сверхъестественные силы. Вскоре в честь него назвали новый университет магии в Геллетиуме — Люмпус.

Книга и фильм напомнили Лучьяну о сыне, и ему стало тоскливо. Он недоумевал: зачем тот в преклонном возрасте улетел на планету, которую совсем не знал? Старик решил поговорить с братом и приехал к нему. Лесмян тоже переживал за своего сына Амиза. И вскоре они наняли людей, чтобы отыскали их родню на Земле...

Те вернулись только через месяц, с одним лишь Амизом. Он рассказал отцу и дяде, что нашёл на Земле сына Ратибора, что Габриэль и Бруно умерли, а Люмпан и Марсилио-Несто живы, но захотели остаться там, на Руси. Лучьян сильно огорчился и вновь задался вопросом, что же оторвало его потомков от их родины...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РОДСТВЕННИКИ ЛУЧЬЯНА

И вот Лион с Модиславом окончили университеты и покинули дом прапрадеда. Старший брат женился на бывшей однокурснице, и их вскоре отправили на работу по распределению — строить жилой комплекс в сельской местности в тысяче километров от Грайюнкма, на самом востоке страны. А младший вместе с возлюбленной переехал на съёмную квартиру; он трудился в ателье и создавал свои первые коллекции одежды для выставки мод. Лилиана и Нина заняли спальню, которую освободили парни.

Теперь Валентин, Нина и Ардалион обучались в старших классах, а Ян готовился к поступлению в школу. Лучьян внимательно следил за жизнью, успеваемостью ребят и активно участвовал в школьных делах. Он вступил в родительский комитет, затем стал его председателем. Там были не только родители учеников, но и бабушки, дедушки и другие родственники. Эта группа контролировала учебный процесс, посещаемость, санитарию

в кабинетах и приготовление пищи в столовой, решала проблемы педагогов и детей, организовывала мероприятия и совместные поездки.

Лучьяну нравилось заботиться о своих праправнуках и их товарищах, и он нисколько не уставал, хотя ещё преподавал в университете.

Когда заканчивалось обучение ребят в школе, прапрадед хорошо знал вузы, в которые они могли бы поступить. Валентину нравилось возиться с техникой, изучать сложные приборы, транспорт. А Нина и Ардалион увлекались биологией, сестру больше интересовала анатомия, а брата — зоология.

Однажды Лучьян и дети рисовали семейное дерево и на его ствол и ветви приклеивали портреты родни и свои: в самом низу — фотографии Лучьяна и Исиды, повыше — Люмпана, Лилианы и Мадины, а дальше — их потомков... Ребята спросили прапрадеда, что он знает о своих предках, а известно ему было не так много, ведь мать и отец его росли в детдоме.

Старик решил написать письмо двоюродной сестре Марии, дочери отцова брата, и через общих знакомых достал её адрес. Отец рассказывал, что в детстве братья не любили его, обижали, издевались над ним, и однажды, не вытерпев, юноша попытался расправиться с ними и покалечил одного из них, самого жестокого. И бежал за границу. Но потом папу всё же разыскал другой брат, более человечный, настроенный теперь мирно, и они долго переписывались, а Мария иногда приезжала в гости к семье дяди. Лучьян помнил кузину весёлой, резвой, ловкой девчонкой со светлыми волосами и веснушками на щеках; она была старше его на несколько лет. Интересно, как у неё сложилась судьба?.. В письме он рассказал ей о своём семействе, расспросил о её жизни.

И, отправив послание, через неделю получил ответ. Мария обрадовалась ему, хотя и посетовала, что кузен совсем забыл о ней со своим университетом и путешествиями. Она жила в маленьком городке Максивилле в тысяче километров от Грайюнкама. У неё были уже прапраправнуки, но всё семейство проживало в большом городе, лишь иногда навещая её. Старушка звала Лучьяна в гости, обещая познакомить с ещё одной двоюродной сестрой.

Ему очень хотелось повидать их, и он, собрав вещи, отправился к кузине на поезде на несколько дней. И с одной станции дал ей телеграмму о скором прибытии. Максивилл ему понравился —

чистый, ухоженный городок, все улицы в зелени. Возле своего двора его встретила сестра — почтенная старая женщина в цветастом сарафане и чепце, с очками на носу. Они обнялись, поцеловались и прошли в дом — двухэтажный, деревянный.

На стенах были развешаны картины и детские фотографии любимых потомков Марии. В зале висела большая карта Юпитера, там же находился камин. В комнатах росло много цветов — и на подоконниках, и на полках — и даже маленькое деревце.

Пока Лучьян поедал приготовленный сестрой картофель на углях и рагу из птицы, а затем пил чай, Мария рассказывала ему о своём семействе, показывала семейный альбом, зачитывала школьные сочинения ребят. Потом они долго беседовали о жизни у камина, подкидывая дрова в огонь. Кузина не получила высшего образования, о котором мечтала: едва окончив школу, она вышла замуж за банкира и посвятила себя воспитанию четверых детей, девяти внуков и дальнейшего потомства, сделала из них хороших, достойных людей. Старушка любила читать, дома у неё была библиотека. Неподалёку находился пруд, и Лучьян пару раз купался в нём и отдыхал на берегу.

В том же городке жила дочь ещё одного отцова брата, София, такая же почтенная дама преклонных лет, давно овдовевшая. Она увлекалась карточными играми. Как и кузина, носила очки и чепец, но пока не поседела. У неё тоже были дети, внуки и дальнейшие потомки, однако жила с ней только незамужняя правнучка Ирина, немолодая уже женщина, они вместе навещали Марию. Лучьян беседовал с ними, пил чай, играл в карты и от них узнал о телепередаче «Семейные истории», снимавшейся в городе Ласьюльте в двухстах километрах от Максвилла: через эту программу люди искали пропавших родственников.

Вскоре он поехал туда, посетил передачу и рассказал о своих предках то, что знал. И некоторое время спустя уже в Грайюнкме получил письмо от двоюродных братьев Оливера и Хипонфая — старых советников короля. Они рассказали ему вот что. Бабушка и дедушка Лучьяна в молодости нищенствовали и, спасаясь от голодной смерти (в их стране долгое время стояла разруха), уплыли за океан на другой континент и стали работать там на плантации. Но случилась эпидемия лихорадки и дедушка умер. Бабушка бежала в город, где её, больную, истощённую, подобрал и вылечил один богатый молодой человек. Она была беременна от умершего возлюбленного и в положенный срок родила девочку. По велению молодого богача слуги сразу

забрали и отвезли ребёнка в детский дом, а матери сказали, что малышка умерла. Но девочка выжила, и назвали её Гретой. Богач женился на спасённой им женщине, у них родился сын, который и стал отцом Оливера и Хипонфая. Кроме этой истории, братья рассказали Лучьяну о своих детях, внуках, правнуках и других родственниках.

Прошло немного времени, и он получил письмо от троюродного брата Мерканто, о котором прежде и не слыхивал. Его дедушка и бабушка Лучьяна по матери были родными братом и сестрой. Мерканто воспитывала прабабушка. Он рассказывал в послании, что никого у него нет — семьи не создал, а с друзьями уже давно не общается, у них своя жизнь. И что, наслышавшись о великих открытиях родственника, очень захотел познакомиться с ним, а если возможно, то и подружиться. Оливер и Хипонфай в переписке предупреждали Лучьяна, что Мерканто — старый скряга, накопитель, алчный человек — и теперь наверняка преследует какие-то корыстные цели. Но брат не внял их предостережению, пожалел бедного одиночку и в следующем письме дал ему свой адрес.

Вскоре тот приехал знакомиться. Это был неприятный с виду старик с маленькими бегающими глазками, мясистым носом и кривым ртом, гнусавым голосом. Он долго жаловался, как всю жизнь копил деньги, а потом его обокрали. Познакомившись с семейством одного брата, Мерканто захотел навестить также Лесмяна и вместе с Лучьяном поехал к нему.

...Другой брат хмуро, подозрительно смотрел на гостя. Когда тот захотел увидеть и Амиза, Лесмян, насторожившись, стал отговаривать его, сказал, что у сына в доме идёт ремонт. Но Мерканто был очень настойчив. Даже Лучьяну показалось странным такое рвение познакомиться с дальними родственниками.

Вскоре сам Амиз позвонил дяде, и тот вместе с троюродным братом поехал к нему в гости. Гостеприимный хозяин оставил их у себя с ночёвкой. Мерканто любезно общался с его женой, детьми, играл с внуками, и Лучьян стал подумывать, что он вовсе не такой противный, каким кажется на первый взгляд.

Ночью они спали в одной комнате. Очнувшись после дурного сна, Лучьян увидел, что брата нет в постели. Пошёл искать его и вдруг услышал два выстрела с улицы. Проснувшиеся хозяева выбежали из дома.

Оказалось, сторож застрелил Мерканто, который похитил из тайника остатки клада Амиза и попытался уйти через чёрный

ход. Лучьян удивился такой осведомлённости и проворству: тот знал откуда-то про это золото и хотел украсть его...

В Ганакоре закон позволял людям стрелять в вора, забравшегося в их жилище. Поэтому сторож Амиза был оправдан судом и вернулся на службу к своему хозяину.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. НОВЫЙ ГОРОД ЛУЧЕЛАН

Первое время точное место и суть работы Лиона после окончания вуза не предавались огласке. В письмах прапрадеду он лишь намекал, что выполняет задание самого правителя Ганакоры. Затем в Грайюнкме появились слухи о строительстве на востоке страны нового приграничного города. Правительство опасалось вторжения воинственных жителей соседнего государства и торопилось укрепить рубежи. Официально этот город именовался Мансуром, но люди, работавшие там, прозвали его Лучеланом. Услышав последнее название, Лучьян удивился: «Лучелан» означало по-ганакорски «город Лучьяна»! И вскоре из переписки с праправнуком он всё узнал.

После окончания вуза Лион со своими коллегами по указу правителя Ганакоры разработал план нового приграничного города. Затем несколько сотен архитекторов и строителей собрались в назначенном месте, в глухом лесу, для его возведения. Через два месяца там уже было небольшое рабочее поселение. Правитель распорядился, чтобы город называли Мансуром, что означало по-ганакорски «крепость», «щит». Но Лион, руководивший строительством, в благодарности своему прапрадеду дал ему имя Лучелан, и многие трудившиеся так нарекли его. Датой основания города считается 1076 год нашей эры.

Через несколько месяцев после начала возведения Лучелана в нём состоялись научные конференции по архитектуре, на которые собралось более пяти тысяч гостей.

Ещё год спустя в городе прошла архитектурная ярмарка: лекции, дискуссии, круглые столы с участием известных ганакорских и зарубежных экспертов. А также — конкурс, на котором активисты со всей страны, архитекторы, дизайнеры и многие другие вносили предложения по развитию городских пространств и жилых кварталов, инфраструктуре дома, повышению уровня комфорта и безопасности и так далее.

Лион писал прапрадеду, что в Лучелане теперь, спустя три года после начала его строительства, проживает около трёх тысяч человек — к архитекторам и строителям перебрались их семьи, приехали новые специалисты, рабочие. В городе было

шестнадцать жилых домов, детский сад, школа, архитектурный университет, медицинский и спортивные центры, банки, магазины, парикмахерская. Люди пока только арендовали квартиры или ютились в общежитиях, но имели хорошую бытовую технику и мебель. Начали строиться дома с квартирами на продажу. Возводились объекты на территории воинской части, находившейся поблизости.

Лион рассказывал в письме, что здешние жители — довольно яркие личности, у каждого большие амбиции, каждый стремится принести пользу городу. Он звал прапрадеда к себе в гости, соскучившись по нему. Хотя в Лучелане прежними темпами велось строительство зданий и дорог, там уже очень уютно жилось. Лучьян давно хотел навестить семью правнука и обрадовался его приглашению. И, взяв отпуск на работе, стал собирать вещи в дорогу.

Лучьян ехал несколько часов на поезде до города Ласгиума, а там пересел на автобус и за час добрался до Лучелана. Подъезжая к нему, заметил возле дороги табличку с надписью: «Лучелан», которая прикрывала какую-то другую, и старик догадался, что на той — официальное, забытое название.

В городе он увидел много строительной техники, строительных городков, людей в касках. Новые панельные малоэтажные дома были приятных цветов — белого, зелёного, светло-оранжевого. Дороги пока ещё прокладывались, большинство их перекрывали бетонные блоки.

Здесь все, конечно, знали Лиона. Когда Лучьян спросил у компании молодых людей, где он живёт, представившись его родственником, те сразу повели старика к начальнику на съёмную квартиру. Тот вместе с женой Синтией, четырёхлетним сыном Андрианом и пятимесячной дочерью Рикой с большой радостью встретил гостя. Они ютились в маленькой комнатке, но и для Лучьяна тоже нашлось спальное место. Супругам нравилось жить в этом городе — тут было значительно спокойнее, чем в мегаполисе, удобнее передвигаться, меньше тревоги за детей. Лион теперь работал в мэрии, Синтия вела хозяйство дома и заботилась о ребятах, Андриан ходил в детский сад.

Лучьян побывал на работе у праправнука — в высоком цилиндрическом стеклянном здании. Лион показал ему огромный макет Лучелана — каким тот должен стать через десять лет.

Он представил гостя мэру Николасу Контектору, который, поняв, что все называют город именем этого старика, проникся к нему огромным уважением. И долго рассказывал Лучьяну о новом населённом пункте. Здесь было удобное планирование, с передовыми технологиями.

Когда они втроём вышли на балкон, то увидели синюю ленту реки километрах в двух от них, за лесопарком. Лион сказал:

— По ней проходит государственная граница. Наш город будет застроен до её берегов.

Потом они гуляли по улицам Лучелана, по лесопарку. Лучьян заметил, что в городе живут почти одни молодые люди, пожилых совсем мало.

После Лион привёл прапрадеда в детский сад к Андриану. Малыш поведал Лучьяну, что здесь изучают родной и иностранные языки, математику, он ходит в кружки танцев и футбола и в бассейн. Время от времени устраивались конкурсы: ребята показывали, чему научились, и получали за это грамоты и призы.

Лион много рассказывал Лучьяну о доброте и отзывчивости жителей города. Например, потерять какую-либо вещь на улице было просто невозможно — нашедший сразу возвращал её хозяину или относил в бюро находок. Люди приглядывали не только за своими, но и за чужими малышами на детских площадках. Когда у Лиона и Синтии родилась дочь Рика, их поздравили с пополнением семьи, наверное, все горожане.

На День архитектора из Грайюнкома приехал правитель Ганакоры Маравий Керц. Выступив публично на центральной площади, он объявил о переименовании города из Мансура в Лучелан — в честь выдающегося учёного и педагога Лучьяна Смолоза, — а основателем назвал его праправнука Лиона. Люди поздравляли их обоих, радовались, обнимали, целовали друг друга. На улицах долго шли праздничные гуляния и артисты, певцы, музыканты веселили народ...

Через несколько дней Лучьян уехал к себе домой в особенно хорошем расположении духа...

Впоследствии в Лучелан перебрался Арчибальд с семьёй. Ян стал ходить в школу, где, кроме общих предметов, были кружки и студии для творческих ребят, для спортсменов. Мальчик посещал музыкальный кружок, где изучал творчество композиторов, слушал разных стилей и жанров, много пел и делали театральные постановки с другими детьми.

Германикс тоже переехал в Лучелан — и стал архитектурным дизайнером. Его проекты сделали город ещё более красивым и удобным.

В 1089 году, через десять лет после визита Лучьяна, там проживало уже двести тысяч человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последующие годы Лучьян так же заботился о своих потомках — как о тех, кто находился рядом с ним, так и о тех, кто жил в далёком Лучелане. Сам он навещался в приграничный город один-два раза в год. Праправнуки его выросли, создали семьи, родили детей, а те позже — своих детей, и все любили Лучьяна, были привязаны к нему.

Лион много лет, до глубокой старости, занимался обустройством Лучелана — заселял его приезжими людьми, возводил общественные здания, жилые дома, прокладывал дороги, озеленял территории, принимал реформы по улучшению качества жизни горожан.

Сын Лиона Андриан стал известным космонавтом, он с группой коллег начал исследование спутников Юпитера и пояса астероидов, простиравшегося на пути к Марсу. А позже, возглавив космические войска Ганакоры, составил план освоения юпитерианами Солнечной системы и колонизации необжитых территорий на её планетах; этим проектом люди воспользовались только через полтора века, когда автора уже не было в живых.

Модислав стал известным кутюрье. Он создал много коллекций мужской и женской одежды, которые показывали в десятках стран. И придумал огромное количество костюмов для артистов, певцов, танцоров и других представителей шоу-бизнеса.

Германикс, помимо архитектурного дизайна, прославился как художник-реалист, он изображал бытовые ситуации, а также исторические события. Его картины были представлены в музеях крупных городов Ганакоры.

Валентин стал конструктором. Он руководил созданием и выводением на орбиту нескольких искусственных спутников. И смоделировал корабль, который мог летать со сверхсветовой скоростью.

Нина выбрала профессию врача-кардиолога. После окончания мединститута, выйдя замуж, она переехала на постоянное место жительства в Вирдис.

Ардалион стал известным зоологом. Он открыл новые виды зверей и рыб. Большую часть жизни провёл в путешествиях

и научных экспедициях. Участвовал в составе команды капитана Реймоса в первом плавании через Великий Южный океан. Написал более пятисот научных работ, двадцать учебников по зоологии, истории развития жизни на планете.

Ян стал актёром театра и кино, играл классических героев, исторических лиц. Был удостоен звания Великого, а затем — Величайшего артиста Ганакоры.

Люмпан прожил остаток жизни на планете Земля, на Руси. Нестор срубил для него избушку неподалёку от Киево-Печерской лавры, распахан огород, и старик вёл хозяйство, кормился тем, что выращивал, монахи помогали ему едой и деньгами. В последние годы он даже нашёл себе жену — обвенчался с пожилой знахаркой Ядвигой.

Нестор прославился на Руси как летописец, один из авторов «Повести временных лет». Считается, что им были написаны также «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» и «Житие Феодосия Печерского».

Амиз, как и Лучьян, много заботился о своём огромном семействе, не представляя жизни без детей, внуков, правнуков. Лесмян активно помогал ему в этом. Потом у Амиза умерла жена, потомки один за другим разъехались, дом опустел, и много лет старик жил один, но отец с дядей не давали ему упасть духом. После он женился снова, на строгой женщине, зануде, которую сильно полюбил и поэтому терпел. И всё же спустя несколько лет брака они развелись. Снова Амиз на долгие годы остался в одиночестве. У его соседей подрастала очаровательная дочка, старик влюбился в неё, когда она повзрослела. И решил добиваться её, хотя и понимал, что слишком стар для девушки...

Исида дожила свой век в доме престарелых. В последние годы она увлекалась поэзией, писала стихотворения и выступала с ними на вечерах художественной самодеятельности. Скончалась внезапно, во сне, от сердечного приступа. После похорон друзья издали сборник её стихотворений «Гладиолус».

А Лучелан рос и развивался, и люди в нём оставались такими же добрыми и внимательными друг к другу, как и в начале его существования. Вот какие записи оставил в своём дневнике писатель Кристоф Надига во время визита в этот город в 1132 году:

«Набережная здесь красивая и уютная, с парапетом из белого мрамора, дорожками для пешеходов и велосипедистов и золотистыми фонарями. Рядом находится речной порт

и множество ресторанчиков, кафе, баров. Недалеко расположен парк, чистый, ухоженный, со столиками и скамейками. Тут несколько киосков и палаток, где можно поесть и выпить что-нибудь».

«Мы с внуками посетили городскую филармонию. В просторном зале было где-то две с половиной тысячи слушателей. Выступал известный в Ганакоре хор имени Ингвариуса. Он исполнил много наших народных песен: „Свидание“, „На улицах просторных“, „Перелётные птицы“ и другие. Кроме нескольких концертных залов, в здании находится высшее музыкальное училище».

«Внуки повели меня на концерт современной эстрады. Здесь была очень уютная атмосфера и хорошая акустика. Зал оказался переполнен, но все вели себя спокойно. Вначале квартет „Янго“ из города Волума исполнял известные эстрадные хиты. Потом Джим Кукай с гитарой спел несколько застольных песен. Затем выступали другие певцы — Ян Кислай, Лео Куроз, Марк Флинта, София Гранд, Елена Гусель и так далее».

«Мы побывали на фестивале „Кварсон“, где на разных площадках выступают музыканты и танцоры, читают свои произведения писатели и поэты, демонстрируют картины художники, веселят народ уличные артисты, юмористы, клоуны. Здесь собирается, наверное, половина лучеланцев, приезжают люди из других городов. Мы с внуками посетили концерт духовых оркестров, посмотрели фильм „Орбита Андриана“ и выступление бродячего цирка».

«Мы дошли пешком до леса Лучелан через район Сеун, где вперемешку находятся лачуги бедняков и особняки богатей, над которыми возвышается зенитная башня. Знаменитый лес описан во многих произведениях писателей, поэтов и художников, в песнях и сказках, легендах и мифах. Горожане любят отдыхать здесь по выходным — гулять по дорожкам, устраивать пикники на полянах, жарить шашлыки...»

«В городе совсем нет нищих и бездомных — власти помогают нуждающимся разными пособиями, оформляют на работу всех желающих...»

КНИГА ШЕСТАЯ. РАСЦВЕТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СВАДЬБА КНЯЖИЧА И НАЧАЛО МОСКВЫ

Вода в реке позеленела, и зелёной уже пахло за версту. Пришедшие сюда путники оглядели холмы и овраги на другом берегу залива, деревья и кусты, пасшихся коров и коз.

Лучьян, нагнувшись к воде, расчёсывал гребнем волосы. Амиз, облокотившись о ствол ивы, поглаживал длинную седую бороду и смотрел на покрасневшие облака в небе. Лесмян, Зил и Ромул всё ещё надевали порты и рубахи, скинув комбинезоны, в которых прилетели сюда. Поняв, что здесь могут обнаружить их корабль, если его плохо замаскируют, они выкопали в безлюдной местности огромную яму, столкнули судно туда и зарыли до поры до времени. Ромул, переодевшись и подпоясавшись, сбегал в маленькое село, находившееся неподалёку, за питьевой водой и вернулся с новостью.

— Друзья мои, тут ростово-суздальский князь гостит со своим сыном. Я видел его издалека — настоящий исполин. Да и княжич хорошо сложен.

— А село как называется? — спросил Лесмян.

— Кучково. Тут раньше хозяином был боярин Степан Кучка, да только они с князем ростово-суздальским не поладили, и тот, говорят, его убил. Больно им с сыном понравилось это село, да здесь и местность сами видите какая хорошая!

— Ну что ж, пойдёмте к ним, — сказал Лучьян, вешая на плечо походную сумку. — Узнаем, что на Руси происходило после того, как мы улетели. И могилку сына надо навестить. Говорил же вам, чтобы приземлялись возле Киева — так нет, почти за тысячу вёрст сели. Всегда полёт проходит нормально, а посадка — плохо...

Странники двинулись по тропинке к селу. На окраине его среди ям и оврагов стояли ветхие домишки. Выйдя на пригорок, Ромул побрёл дальше, к высоким, новым теремам.

...Пожилой князь ростово-суздальский Юрий был высок ростом, толстый, с округлым лицом, маленькими бегающими глазами, немного сгорбленным носом и козлиной бородкой. Его зычный голос путники услышали издалека. Княжич Андрей оказался ещё молодым мужчиной среднего роста, коренастым, с красивым лицом, узкими глазами и такой же бородкой. Они стояли возле ворот, и их окружали несколько бояр.

— Улита совсем недурна, — задумавшись, сказал Юрий. — И румяна, и стройна. Кровь с молоком. Я просто не знал, что оставлю сиротую такую хорошую дивчину...

— Всё это можно поправить, отец, главное, чтобы ты мне позволил жениться на ней, — ответил Андрей. — Я бы заменил ей родителя — она очень в этом нуждается. Посмотри, как девушка печальна...

— Полюбила бы тебя дочь боярская всем сердцем, а уж я-то как могу воспротивиться такому! — пожал плечами Юрий. — Женись на ней, да поскорее. Уже сейчас начинай готовиться к свадьбе, я благословлю вас. И о братьях её не забудь — возьми к себе на службу. Что им делать тут? Оба сгодятся в воины.

— Улита — просто чудо, отец, — восхитился Андрей. — Нет на всём свете девушки добрее и красивее её. Благослови же нас скорее, мы будем счастливы!.. Посмотри-ка, что это за люди к нам сюда идут?

Юрий, Андрей и бояре оглянулись на подходивших к ним мужчин — все пятеро были уже старыми, с седыми волосами и бородами, в простых рубахах и портах. Они остановились рядом и поклонились.

— Кто такие будете? — спросил Юрий, внимательно их оглядывая. — Из какой земли?

— Княже, мы из очень далёкой страны, тут про неё даже не слыхали, — ответил Лучьян. — Не нищие и не купцы, а простые путники, отправились посмотреть свет. Я раньше уже был на Руси, очень давно, ещё при князе Владимире.

— Но как вас величать?

— Меня зовут Лучьян, а это мои родственники Лесмян и Амиз, друзья Зил и Ромул.

— Чудные имена! И правда вы, кажись, издалека. Лучьян, ты бывал на Руси ранее, при моём отце? Чем занимался здесь?

— Служил у князя дружинником, потом — советником, учил грамоте его сыновей, проповедовал им христианство, которое тогда только приняли русские люди...

Юрий с Андреем переглянулись, и князь спросил:

— Ты был на Руси не при Владимире Мономахе? Но его прадед, другой Владимир, что крестил Русь, умер более ста лет назад! Неужто тебе так много годов?

— Мне уже около двухсот лет, — подтвердил Лучьян. — В моей стране живут долго. Если ты не веришь в это, княже, то я всё могу рассказать о твоём предке, да и в летописях упоминалось имя Лучьяна Смолоза...

— До нас дошли кое-какие сведения об этом человеке, — кивнул Юрий. — Я знаю, что он пропал около 6515 года. Князь долго его искал, отправлял послов в другие страны, но тщетно. В одной из рукописей, пролежавшей более века в тайнике, было описание того мужчины, сделанное самим Владимиром.

О Смолозе отзывались как о человеке редкой душевной доброты и ума.

Юрий послал гонцов в Киев за рукописью, а сам вместе с Андреем и путниками остался в селе. Лучьян много рассказал ему о тех далёких годах. И князь уже тогда поверил старику. Гонцы привезли рукопись, и в ней описание человека, служившего Владимиру, полностью совпало с характером и внешними приметам Лучьяна, там даже говорилось, какие раны он получил, и некоторые из них сохранились до сих пор. Юрий понял точно, что этот человек и есть слуга его прапрадеда, и стал относиться к нему с большим почтением.

Некоторое время спустя состоялась свадьба Андрея и Улиты. Праздновали её тут же, в селе. Жители накрыли много столов, и пир получился великий. Невеста была очень красива: темноволосая, синеглазая, румяная.

Когда наступила ночь и все в селе уснули, Лучьян и Юрий вышли прогуляться по берегу реки. Князь восхищался здешней природой:

— Эта река Москвою зовётся. Я хочу построить на её берегу новый город. Как дивно тут! Какие красивые, сочные деревья, кустарники, травы! Как хорошо дышится! Не холодный север и не знойные степи!

Некоторое время оба молча шли вдоль берега, потом Лучьян спросил:

— Княже, а каким был другой Владимир — твой отец? Давно ли он умер?

— Уже два десятка лет минуло, как преставился, — ответил Юрий.

— Почему у него такое прозвище — «Мономах»?

— Его дед по матери, византийский император Константин, звался Мономахом. Отец был добрым, умным, храбрым. Люди его любили. Все добродетели у него имелись. Он ненавистных половцев победил, печенегов, чёрных клобуков покорил. Немало князей хотели занять престол — Олег Черниговский, святославичи, — но народ выбрал моего отца.

— Андрей говорил, что Владимир построил много церквей и укрепил города...

— Он все годы княжения создавал храмы, приюты для бедняков, обводил города каменными стенами. Возвёл крепость в городе

Владимире, основанном его прадедом.

— Твой отец по-настоящему заботился о благе своего народа...

— Он был справедлив. Тогда, как и сейчас, происходили усобицы между князьями, и батюшка мой выступал миротворцем. Не только примирял людей, но и призывал любить друг друга. И сам хорошо относился ко всякому — и к бедняку, и к богачу, и к боярину, и к крестьянину. Говорил, что все равны перед Богом, не давал в обиду беззащитных, помогал нищим и калекам. Нам с братьями оставил «Поучение», в котором велел строго соблюдать правосудие, не убивать ни правого, ни виноватого, относиться к каждому с добротой и уважением: «Чтите старых людей, как отцов, любите юных, как братьев».

Они всё шли вдоль берега, и село уже осталось позади.

— Теперь мне снова придётся воевать, ещё много походов будет впереди, — вздохнул Юрий. — Одни князья самовольно занимают престолы, свергая других, и их нужно поставить на место. Изяславу несдобровать — уж прочу его как следует. Андрей рад, что я решил основать город здесь, где он встретил боярскую дочь. Пока тут только деревенька, но она вырастет. Из-за походов редко смогу бывать в этих краях. И хочу, чтобы ты и твои спутники помогли мне...

— Ты возьмёшь нас на службу, княже? — спросил Лучьян. — Мы построим новый город, какой будет угоден твоей душе!

— Вот это дело, — обрадовался князь. — Ну что, пойдём ещё по чарочке иссушим за здоровье Андрея, моего любимого сына!

ГЛАВА ВТОРАЯ. РАЗДОРЫ И ВОЙНЫ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ

Тревожно было в то время на Руси. Долгие годы шли княжеские междоусобицы. Потомки Мономаха враждовали с потомками князя Олега — его старшего брата. Владимира, не являвшегося прямым наследником своего отца Всеволода, избрали на княжение киевляне, а он передал престол потомкам. Поначалу Олеговичи, видя, что народ доволен правлением Мономаховичей, не возмущались, но затем одно за другим стали возникать восстания и княжеские распри.

Новгородцы бунтовали — называли себя вольными людьми, изгоняли князей из города, сами выбирали посадников, один раз даже посадили под стражу князя Всеволода Мстиславича, внука Мономаха.

Его брат Изяслав Мстиславич со своей ратью захватил Киев и напал на суздальские города Мономаховичей. Юрий собрал против него войско и наёмных половцев и двинулся

в поход. Амиз, ставший княжеским дружинником, ушёл с ними, простившись с отцом, дядей и друзьями.

Лучьян и его спутники освоились в Москве, как теперь называлось бывшее Кучково: сколотили из брёвен избушку, распахали поле, обработали землю, посеяли пшеницу, просо, ячмень, посадили капусту, лук, репу, редьку, свёклу. Домишко соорудили неплохой — не широкий, но и не тесный. Стены сложили из брёвен, крышу постелили из ветвей, обмазанных глиной, сделали каменный очаг, изготовили из дерева столы, скамьи, посуду. Построили загон для скота, и Ромул приобрёл у одного крестьянина двух телят — коровку и бычка. Позже мужчины стали разводить коз, овец, свиней, лошадей. Как и все крестьяне, они боялись лихих людей, поэтому ценные вещи зарывали в землю, а на работу в поле выходили вооружившись рогатинами и дубинами.

Вести хозяйство было, конечно, трудно. Но Лучьян и друзья добывали себе пропитание не только этим — ещё охотились, в основном на мелких зверьков, однако пару раз поймали медведя в приготовленную яму. Из шкур животных шили тёплую одежду. Также они собирали дикий мёд, ловили рыбу. И каждый день варили вкусную уху или похлёбку из говядины.

Лучьян и Лесмян недолго пробыли в селе — князь Юрий, который много общался с ними, понял, что они мудрые старики, хорошие советчики, и взял их к себе на службу.

Князья воевали и вытесняли друг друга с престола — Киевом правили то Юрий, то Изяслав, то их старший брат Вячеслав. Изяслав, пользуясь неумением Вячеслава вести государственные дела, сам от его имени управлял Русью.

Лучьян, который иногда исполнял обязанности посла, пытался примирить враждовавших князей, советовал спокойно разрешить конфликты. Хотя понимал, что Юрий и Изяслав на это не пойдут — у них горячая кровь...

Вячеслав радушно принимал Лучьяна, они подолгу беседовали, хотя болезнь князя постоянно напоминала о себе — у него затекали руки и ноги, порой немело всё тело — и ему приходилось удаляться на покой. Он жаловался гостю на своевольных новгородцев, на междоусобицы, потрясавшие Русскую землю. Рассказывал о Ярославе Мудром, его сыновьях, внуках и многих других. Поведал о «Русской правде», «Правде

Ярославичей», «Уставе Владимира Всеволодовича» и других документах.

И сам спрашивал Лучьяна о его жизни. Тот рассказывал о своей стране, о большом семействе, о работе преподавателем, и князь только диву давался. Много нового он узнал и открыл для себя из истории гостя. Далёкая земля, о которой поведал собеседник, была поистине чудесной: высокие дома, быстро едущие и летающие машины, школы, где обучают всем наукам, и другое... Лучьян вспоминал свою старенькую мать, жившую в монастыре, и новую семью Амиза — молодую жену и маленького сына Стефана. Он сказал, что хочет посетить могилу Люмпана, умершего уже давным-давно.

— Вместе разыщем её, — решил Вячеслав. — Только дождёмся, когда князья успокоятся...

Но перемирие долго не наступало. То и дело сталкивались войска князей, ратники бились в кровавых сечах. И выжившие возвращались с поля боя израненные, измождённые. Амиз много рассказывал об изнурительных походах отцу и дяде, которые ухаживали за ним. Он был крепок телом и выздоравливал быстро. И, облачившись в доспехи — кольчугу, остроконечный шлем — шишак, — взяв лук и стрелы в колчане, нож или топор, а иногда и самострел, вновь уходил воевать.

Лучьян с помощью Лесмяна и дружинников Вячеслава нашёл могилу сына в глухом местечке под Киевом. Домик, где жил Люмпан с женой Ядвигой, был разрушен. Неподальку находилось их захоронение. Надгробный камень-валун покрылся плесенью, и всё здесь заросло травой. Где похоронили Бруно, местные люди не знали точно, но некоторые говорили, что вместе с отцом и мачехой. Лучьян, Лесмян и дружинники выпололи траву на могиле и заменили валун плитой с именами погребённых, которую искусно выточил на заказ один киевский мастер. Потом они побывали в Киево-Печерской лавре и там посетили мощи Нестора Летописца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СЫНОВЬЯ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

Умер Изяслав, а потом и Вячеслав. Юрий вошёл с дружиной в Киев и стал княжить там.

Но киевляне не любили его. Он был честолюбив, всё время тянулся за новыми землями, и ему дали прозвище Долгорукий. Князя ненавидели и за жестокость, проявленную в междоусобной войне.

Юрий повелел сыну Андрею перебраться в Вышгород — городок недалеко от Киева, — но тот не захотел княжить в нём и отправился во Владимир Залесский, который очень любил, в котором провёл молодость. Лучьян сопровождал его. Они везли из Киева икону Богоматери.

Кони бежали резво. Ночь уже спустилась на землю, когда начался дождь. Скакуны неожиданно остановились, слуги Василий и Афанасий пришпорили их, но те не двинулись с места. Лучьян, подумав, что повозка завязла в грязи, вылез и начал толкать её. Когда путники пытались вести лошадей дальше, они ржали, фыркали, становились на дыбы и не шли. Деревенские мужики, проходившие мимо, взялись за узду, но и несколько человек не смогли силой увести их. Тогда князю привели из деревни других коней, запрягли вместо этих, но и они стояли как вкопанные.

Андрей поблагодарил мужиков, вернул им коней и велел идти домой. Лучьян, Василий и Афанасий наломали ветвей в лесу и развели костёр. Князь погрел над ним руки.

— Нельзя так жить, — вздохнул он. — Оттого и Русь стала слабой, что разодрали её князья на уделы да всё враждуют между собой. А половцы тем временем опустошают наши земли...

— Но отчего так, княже? — спросил Лучьян. — Почему князья воюют? Что не могут поделить?

— Власть... Кто от отца её получает, а кто — от брата, в каждой княжеской семье — свои порядки. Ты знаешь, из-за чего грызутся Олеговичи с Мономаховичами. Мой дед не был законным наследником, но его избрал народ. Каждый князь хочет сам властвовать на своей земле и поэтому отделяет её от Киевской...

— Да, то, что Русь так разделена, — плохо, очень плохо...

— Князья обособляются друг от друга. И княжеств становится всё больше и больше, так как правители делят владения между сыновьями. Некоторые на чужие земли зарятся и пытаются их завоевать. Оттого и половцы идут на Русь, что её стало легко покорить. Жгут деревни, убивают людей... Я хочу, чтобы всей нашей землёй управлял один князь. Много мне ещё нужно сделать для моего города Владимира, Лучьян...

...Вскоре путники уснули у костра.

Едва начало светать, Андрей очнулся, удивленный и обрадованный чем-то, и разбудил Лучьяна и слуг:

— Вставайте скорее! Я видел сон: Богородица велела мне основать здесь, на этом месте, церковь. Как тут чудно, красиво...

Мужчины увидели поляны с зелёной травой, маленькие овражки и лесочки; стена из деревьев возвышалась вдали.

— Будь со мной, Лучьян, пока мой отец не позовёт тебя обратно, — попросил Андрей. — Может, и совсем не позовёт: твой брат, оставшийся с ним, — тоже мудрый советник. Мы построим здесь церковь, потом двинемся во Владимир — я хочу обновить и украсить свой город.

Лесмян занимался воспитанием младшего сына Юрия — Всеволода. У малыша была мать и няньки, но старик очень привязался к нему и почти каждый день укладывал его спать, рассказывал ему сказки и даже читал Библию. Севушка рос умным и красивым мальчиком — со светлыми кудрявыми волосами и карими глазами. Отец видел Севу нечасто — из-за военных походов и иных дел.

Читая княжичу на ночь Библию, Лесмян открывал и для себя удивительный мир персонажей Ветхого Завета — Адама, Евы, Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иосифа, Моисея, Давида, Соломона и других. Он много узнал о жизни древних народов. И сами библейские сюжеты были очень интересными...

Амиз тоже души не чаял в Севе. Делал ему игрушки из дерева и тряпок. Глядя на него, вспоминал своих детей и особенно младшего, Стефана, который теперь уже подросток.

Лесмян не боялся Юрия и нередко говорил ему: «На что тебе, княже, столько земель? Ты бы лучше восстановил мир в тех, что у тебя уже есть, да оберегал их...» Но тот будто не слышал слов старого советника...

На одном из пиров князь почувствовал себя плохо — или дичь была несвежая, или выпил много хмельного. Лесмян и другие слуги отвели его в покои. Юрий сильно побледнел, вспотел; боли в желудке не давали ему спать, и он страшно мучился. Люди поговаривали, что Долгорукий выпил отравленное вино.

Князь велел позвать Всеволода, простился с сыном и впал в забытие, изредка приходя в себя. На пятый день он скончался, и тело его увезли в село Берестово и похоронили в церкви Спаса.

В это же время начались беспорядки в городе: киевляне убивали и гнали из города суздальцев, которые там служили

Юрию. Лесмяну и Амизу пришлось тоже бежать оттуда. Они направились в далёкое село на реке Москве, где по-прежнему жили их друзья.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЖИЗНЬ В СЕЛЕ

Несколько лет Лучьян жил во Владимире, а Лесмян, Амиз, Зил и Ромул — в селе Москве, бывшем Кучкове, которое быстро росло, соединяясь с другими селениями.

Мужчины построили себе избы и жили теперь каждый отдельно, но по соседству друг с другом. Лесмян и Зил какое-то время странствовали по городам и весям: первый работал плотником, а второй — ткачом. Амиз торговал мехами животных. Ромул, посетив Новгород, обучился ремёслам кузнеца и гончара и стал трудиться на дому.

Лесмян обвенчался с пожилой целительницей Марьей и поселил её у себя. Ромул женился на девушке Марфе, у них родился сын Илюша и дочь Дуня. Зил и Амиз, глядя на них, скучали по своим жёнам, оставленным на далёкой планете.

Однажды ночью в село пришёл Лучьян. Лесмян принял его у себя, накормил и напоил. Тот рассказал, что повздорил с Андреем.

— Князь изгнал Ольгу и её сыновей, в том числе и твоего любимца Всеволода, Лесмян, в Константинополь. И не только их удалил от себя, но и всех братьев своих, и племянников. Я сказал, что тоже ухажу, и чтоб не поминал лихом. Он грозился, что заставит меня вернуться.

— Ты всё это время был во Владимире? — спросил Лесмян.

— Мы жили с князем во Владимире и в Боголюбове. В селе построили церковь на том месте, где ему случилось видение, и белокаменный дворец. Андрея по названию села нарекли Боголюбским. В городе тоже возводили новые храмы, князь зодчих из Европы приглашал для этого. Он хорошо украсил Владимир, соорудил Золотые ворота, как в Киеве. А икону Божией Матери, которую мы привезли во Владимир, поместил в Успенский собор. Жаль, я с ним в последнее время перестал ладить — может, здесь есть и моя вина, но и Андрей начал зазнаваться...

Пожив немного у брата, Лучьян сколотил себе избушку неподалёку и перебрался в неё, распахал свой огород.

У крестьянина Матвея было семь дочерей. Почти всех их он

выдал замуж, осталась с ним только младшая, Аннушка, очень тихая, молчаливая, скромная. И к ней сосватали Лучьяна его брат и друзья. Изначально тот не хотел жениться, но Матвей, уважавший старика, дал согласие на брак. Лучьян с Аннушкой не венчались, не гуляли свадьбу, а просто стали жить у него дома вместе, как муж и жена.

Она знала о жизни своих сестёр, которых побивали грубые мужья, и поэтому сначала побаивалась супруга, но потом увидела, с какой любовью и уважением он к ней относится. Лучьян не обременял её работой, много делал по хозяйству сам, заботился о девушке и угождал ей.

Прошло несколько месяцев, и живот у Анны округлился. Лучьян был счастлив, что снова станет отцом. Ребёночек оказался беспокойным, колотил ножками внутри у мамы, и она из-за этого плохо спала по ночам.

Старик ввёл в селе некоторые новшества, которые были у него на родине. Он обложил избу камнем, утеплил её к зиме, поставил большую печь, сделал крышу из черепицы, и сельчане последовали его примеру. Затем построил собственную мастерскую и баню. Вместе с Лесмянном попробовал даже провести электричество — они поставили столбы, развесили провода и лампочки, которые сами изготовили. Но произошло короткое замыкание, и братья убрали их от греха подальше.

Амиз, Ромул и Зил сконструировали «железного коня» для вспашки поля — что-то наподобие трактора. И успешно испробовали его вместе с другими сельчанами.

Зимой у Анны и Лучьяна родился сын — здоровый, крепкий малыш. Мать с отцом не могли на него нарадоваться. Они долго выбирали ему имя. Сначала хотели назвать в честь одного деда Матвеем, потом — в честь другого Кристианом. Лучьян сказал, что надо дать мальчику русское имя. Перебрав в уме славянские имена, родители нарекли сына особо понравившимся — Руслан.

В то же время Лучьяну пришло послание от князя Андрея — тот требовал его к себе на службу, догадавшись, что он в Москве. Но старик не мог оставить жену и младенца, да и чуял, что князь что-то недоброе против него замышляет и может отомстить ему за давние обиды.

Андрей призвал также Амиза, как талантливого воеводу, в поход на Волжскую Булгарию, и тот перед уходом успокоил дядю, сказав, что замолвит словечко, чтобы его больше не трогали.

Шли дни, месяцы, годы, и князь вправду теперь не требовал старика к себе — Амиз договорился с ним обо всём. Лучьян молился, чтобы племянник оставался жив и невредим.

Руслан рос здоровым, умным, красивым мальчиком, русоволосым, кареглазым. Отец и мать души в нём не чаяли. Лучьян сделал для сына лампу-ночник, так как тот в младенчестве побаивался спать в темноте. На ночь старик читал ему Библию, Книгу Коляды или рассказывал о своей жизни. Хотя папа никогда не проявлял строгости, Руслан сам всегда слушался его, боясь чем-нибудь обидеть доброго родителя. В семь лет он обучился у отца грамоте, начал работать с ним в поле.

Лучьян и Руслан ездили на несколько дней в Новгород. Там посетили Софийский и Николо-Дворищенский соборы, Антониев монастырь. Ходили на базар, где торговали своими изделиями кузнецы, плотники, кожевенники и другие. Много здесь было и русских купцов, и заграничных — болгар, поляков, чехов, греков, арабов, евреев, армян, немцев, скандинавов, — продававших меха, драгоценности, оружие и так далее.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ И СМЕРТЬ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Амиз видел, что бояре хотят уклониться от походов, что предпринимает Андрей, но боятся его гнева. Он сам пытался отговорить князя от вражды с сородичами, но тот не слушал воеводу.

Снова вспыхнули междоусобицы, и племянник Боголюбского Мстислав, княживший в Киеве, послал на города смоленские, полоцкие, суздальские своего сына Романа с войском для разграбления. Андрей, решив наказать Мстислава, собрал рать из русских и половцев для похода в Киев. С ним собрались идти князя Глеб Юрьевич, Владимир Андреевич, Давид Ростиславич и Всеволод Юрьевич, который, помирившись с Андреем, вернулся на Русь.

Киев был осаждён и взят, воины грабили его два дня, брали в плен жителей. Город горел, огромное зарево стояло несколько дней. Амизу и другим ратникам князя велели сторожить невольников. Ворвавшись в монастыри, русские и половцы срывали со стен иконы, уносили кресты, колокола, забирали драгоценности. Разграбив Печерский монастырь, его подожгли. Дома вспыхивали один за другим, улицы заполнили тела погибших, живые метались в панике, всюду слышались крики и стоны раненых...

Андрей, взяв город, оставил там своего брата Глеба и вернулся

во Владимир.

На следующий год он устроил поход на Новгород, однако его жители разгромили суздальцев, много их взяли в плен, в том числе и Амиза, уже израненного. Он долго голодал, как и все новгородцы — войска Боголюбского перекрыли им торговые пути. Но вскоре противники заключили мир и отпустили пленных.

После смерти Глеба Юрьевича в Киеве сменилось несколько князей, силой захватывали власть князья Ростиславичи, и Андрей повелел им уйти из города. Князь Мстислав Храбрый воспротивился этому, и Боголюбский вновь стал собирать войско в поход. Его сопровождали князья Игорь Святославич, Юрий Андреевич, Всеволод Юрьевич и другие. Пришли полки из муромского, рязанского, полоцкого и прочих княжеств, из новгородской земли. Войска двинулись на Вышгород, где находился Мстислав со своим полком. Но тот укрылся в крепости, и началась её осада. Князь Ярослав Изяславич со своими войсками атаковал осаждавших. Те отступили, некоторые бросились переплывать Днепр. Амиз тоже пустился вплавь по реке. Ему было трудно — в бою ранили в руку, а волны вырастали одна за другой... Он боролся с беспокойным течением до тех пор, пока очередная волна не поглотила его. Когда стемнело, тело воеводы со многими другими прибило к берегу, и после местные жители вытащили и захоронили их.

Долго не приходили вести от Амиза, и у Лесмяна появилось плохое предчувствие, и он решил отправиться на поиски сына. Они с Лучьяном двинулись во Владимир, а оттуда — в Боголюбово. И, появившись под утро там, во дворе Андрея, услышали причитания его слуги Козьмы Киевлянина — тот спрашивал что-то у другого мужчины. Путники бросились к ним и узнали страшную новость: князя убили.

Один из братьев его жены Улиты совершил злодеяние, и Андрей повелел казнить преступника. Брат казнённого подговорил своих друзей устроить покушение на князя. Вечером, когда тот лёг спать, во дворце появились заговорщики. Они перебили стражу, выпили вина из погреба и постучались в двери его ложницы.

«Кто там?» — спросил Андрей.

«Твой слуга Прокопий, княже, — шёпотом ответил один из злодеев. — Отвори мне».

Князь не открыл ему: то был голос не Прокопия. Заговорщики

сломали двери, ворвались в спальню и изрубили Андрея саблями, мечами, искололи копьями. Он, истекая кровью, едва успел сказать: «Господи! В руке Твои предаю дух мой!»

Убив князя, злодеи отправились разграблять дворец. Они обчистили погреба и княжескую казну, и к ним присоединились некоторые жители Боголюбова. Сняв одежду с тела Андрея, его вынесли на улицу и бросили в огороде.

Теперь же Козьма выпрашивал у одного заговорщика, Анбала, кусок материи, чтобы завернуть в него покойника и отнести в церковь. Тот вытащил из дома и отдал ему ковёр. Слуга князя вместе с Лучьяном и Лесмьяном обернули им окровавленное тело и унесли.

Священники оказались пьяными и не пустили их в церковь. Те положили усопшего на паперть, и Козьма, склонившись над ним, горько заплакал:

— О добрый князь мой! Никто из слуг твоих не узнаёт тебя, который так ласково принимал и угощал во дворце своём всякого — и грека, и латина, и болгара, и еврея! А тебя и в храм Божий не пускают!

Но потом священники, придя в себя, стали отмаливать тяжкое преступление. Тело князя увезли во Владимир. Его жители, выйдя из домов, плакали по убитому. Андрея похоронили в возведённой им Златоверхой церкви Святой Богоматери.

Через несколько дней Лучьян и Лесмьян встретили князя Всеволода, который сообщил им о гибели Амиза. Это было для них ещё одним страшным ударом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. НА СЛУЖБЕ У ЮРЬВИЧЕЙ

Руслан рос настоящим богатырём — высоким, широкоплечим, крепким, — и не было ему равных среди отроков в ближайших селениях. Он имел мягкий, спокойный, незлобивый характер, недюжинный ум и рассудительность. Родителей слушался и почитал. Ко всем относился с одинаковой добротой и вниманием. Рано освоил ремесло плотника и собирался этим зарабатывать себе на жизнь.

Лучьян, Лесмьян и Ромул были на вече во Владимире, на котором решали, к кому перейдёт престол — к братьям Андрея Боголюбского Михаилу и Всеволоду или к его племянникам Ярополку и Мстиславу. Лесмьян выступал за сыновей Юрия Долгорукого, к которым очень привязался, а князь Глеб Рязанский — за своих друзей Ростиславичей, надеясь через них получить больше власти. На собрании присутствовало

много народа, было шумно, все спорили и долго не могли ничего решить.

Из-за разногласий Владимиро-Суздальское княжество разделили на Владимирское и Ростовское, и, когда выбрали всё-таки Ростиславичей, первым стал управлять Ярополк, а вторым — Мстислав.

Больного князя Михаила слуги везли на повозке из Киева во Владимир. Его сопровождал брат Всеволод. В пути они остановились у Лучьяна в Москве — поели, попили, отдохнули.

— Михаилу владимирцы послание отправили, — поведал Всеволод. — Не хотят, чтобы в городе княжил Ярополк, а просят моего брата прийти к ним. Так и передали ему: «Ты внук Мономаха и старший из князей его рода. Иди на престол Боголюбского».

— Да, мы сами были во Владимире и всё видели, — ответил Лучьян. — Глеб Рязанский вместе с боярами притесняет народ, обворовывает казну, грабит и святыни — он забрал из церкви икону Богородицы...

— Да, это кощунство, и потому я не могу теперь оставить владимирцев, хоть и правитель из меня никудышный, — вздохнул Михаил. — Болезнь проклятая сгубила...

— Ты бы смог княжить, ум у тебя ясный, сейчас меня тревожит другое, — возразил ему Всеволод. — Говорят, что Ярополк и его брат Мстислав Суздальский собираются идти на нас — придётся биться с ними. А их войско побольше нашего...

— Княже, возьми на службу наших с Ромулом сыновей, — стал просить Лучьян. — Руслан и Илья очень хотят быть в твоей дружине.

— Илья, может, и сгодится, но Руслан ещё мал, — покачал головой Всеволод, оглядывая мальчика. — Хотя широк в плечах и видно, что силен.

В ответ на это Руслан вынул из-за пояса большой нож, скрутил лезвие в трубочку и, бросив к ногам князя, усмехнулся:

— Вот что мы сделаем с Ростиславичами, если они посмеют напасть на вас с Михаилом.

Тот поразился его силе и сказал:

— Если выдержишь ещё битву, то возьму тебя в свою дружину.

Ростиславичи напали на Юрьевичей, но Всеволод со своими воинами и Руслан так храбро сражались, что обратили их в бегство. И князь взял отрока к себе на службу.

Михаила привезли во Владимир, и народ обрадовался новому князю, доброму и справедливому. Тот вернул церквям деньги, что забрал Глеб Рязанский, и выгнал из города его слуг, Ярополка и Мстислава, которые обижали бедняков.

Став также князем ростовским и суздальским, он хотел пойти войной против Глеба, но противник сам возвратил всё, что увёз из Владимира, и в том числе икону Богородицы. Михаил простил его.

А пойманных убийц Андрея он покарал: велел нескольким своим слугам утопить их в озере. Позже этот водоём прозвали Поганым.

Михаил княжил всего год — болезнь свела его в могилу.

Глеб Рязанский перессорил князей и, наняв половцев, устроил поход на север. Его воины ворвались в Боголюбово, разграбили и сожгли село, увели в неволю многих жителей.

Но вскоре он и Мстислав попали в плен к Всеволоду. Тот обещал освободить Глеба, если откажется от своего княжества, но противник не отказался. И вскоре умер в темнице.

Владимирцы, возненавидевшие Ростиславичей, ослепили Ярополка и Мстислава. Лучьян и Лесмян, гостившие у Всеволода, жалели и утешали бедных князей, с которыми так жестоко обошёлся народ. Те не были так виновны в беспорядках, как Глеб, но весь гнев народ выместил на них. Лучьян призвал их смириться и пойти помолиться в церковь.

Оба князя смогли простить это злодеяние. И после молитвы зрение постепенно вернулось к ним. Они сначала не поверили в случившееся, а затем горячо поблагодарили и прославили Господа, обещая впредь делать только добро.

Когда об этом чуде узнал народ, то князей возлюбили и вновь позвали на престол. Мстислав стал править в Новгороде, а Ярополк — в Торжке. Лучьян и Лесмян много раз бывали у них в гостях, и стариков всегда радушно принимали, устраивая пиры.

А Всеволод начал управлять всем Великим княжеством во Владимире. Илья пополнил ряды его дружины, а Руслан, хотя был совсем юным, стал советником князя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОХОД НА ПОЛОВЦЕВ

Тёмным лесом бежали кони на юг. Руслан, вцепившись в гриву своего вороного, пытался разглядеть дорогу.

Он был уже совсем взрослым, окрепшим мужчиной, заросшим бородой. В дороге вспоминал родителей и любимую Дунюшку, которых оставил в селе, и Всеволода, с которым так скоро и неожиданно расстался... Тот дал своих воинов северским князьям для похода на половцев, который они предприняли.

Киевский князь Святослав Всеволодович уже прежде ходил на этот народ и перебил и пленил несколько тысяч степняков, разгромил их хана Кончака. Слава о нём и его храбрых воинах разносилась по русским княжествам. Новгородский князь Игорь Святославич тоже захотел прославиться и пошёл на половцев.

Воины с самого начала похода предчувствовали нехорошее. Солнце исчезло, и посреди дня вдруг стало темно, и завыл холодный ветер. И князья, и дружинники, и ратники очень испугались. И, хотя скоро светило вновь появилось, они долго ещё думали о страшном предзнаменовании. И всю ночь скакали, слушая вой волков в лесах...

Возле Дона русские сразились с половцами, разгромили их и обратили в бегство. Князь Игорь с братом Всеволодом Буй-Туром устроили пир, гордясь своей победой и собираясь идти дальше, перебить весь степной народ и захватить его земли.

Не знали они, что половцы собрали против них огромное войско. На берегу реки Каялы те встретили русских и большую часть их перебили, а остальных, в том числе Игоря и Всеволода, взяли в плен. Руслан, оказавшись в неволе, надеялся, что сможет убежать.

Хан Кончак уважительно отнёсся к князю Игорю и его сыну Владимиру. Они даже в плену были, казалось, свободны — жили как князья, никто их не трогал, не обижал. Но Игорь скучал по родине, по жене и детям, хотел вновь увидеть свой народ — и поэтому однажды решился на побег. Руслан надумал бежать вместе с ним и достал двух лошадей с помощью одного половца. Тот ночью помог им уйти.

Путники долго скакали не разбирая дороги. На берегу речного залива конь Руслана остановился как вкопанный, задёргался, но двинуться дальше не смог. Спрыгнув с него, хозяин увяз в болоте и, прежде чем князь подоспел на помощь, с головой провалился в трясиину.

...Пришпоривая скакуна, Игорь ехал по степям и лесам, охотился,

переплывал реки. Прибыв в Киев, он поведал всем о своём освобождении, затем велел передать родителям Руслана, что их сын погиб славной смертью, помогая ему бежать из плена.

Ханы Кончак и Гзак, пустившиеся в погоню за князем, не догнав его и, порыскав по степям, пришли обратно. Кончак выдал свою дочь за княжича Владимира, а через два года отпустил их на родину зятя, по которой тот сильно тосковал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Со временем забылись и Юрий Долгорукий, и Андрей Боголюбский, и другие князья с их междоусобицами, но Амиз и Руслан навсегда остались в памяти близких. Лучьян и Анна оплакивали своего ребёнка, не могли смириться с тем, что его больше нет. Дед Матвей, узнав о гибели любимого внука, заболел и вскоре скончался.

В поисках спокойной, благополучной жизни наши путники покинули раздираемую войнами Русь и отправились в Европу.

Тёмной ночью Лучьян, Лесмян, Зил, Ромул и Илья откопали корабль, который зарыли много лет назад недалеко от деревни. Он завёлся сразу, и мужчины позвали Анну, Марью, Марфу и Дуню, перенесли вещи в судно и тут же взлетели. Дуня скоро должна была родить ребёнка от Руслана.

В полёте женщины с удивлением оглядывали кабину пилотов с кнопками, рычажками, лампочками и другими неизвестными им приспособлениями. Лучьян и Лесмян работали с приборами, рассчитывали что-то, управляя кораблём. Потом стали медленно снижать его, пока он не коснулся поверхности земли.

— Мы прибыли, — сообщил Лесмян. — Сейчас нам нужно спрятать судно и добраться до ближайшего селения. Дуня, как ты себя чувствуешь? Идти можешь?

— Да, могу.

Судно находилось на пустынном морском побережье. Все вышли наружу, вынесли вещи, и мужчины спрятали корабль получше, забросав землёй и ветвями деревьев. Путники прогулялись по пляжу, оглядели окрестности, полюбовались круглой, яркой луной. Потом стали подниматься по тропинке в гору. Анна и Марфа поддерживали Дуню, которой было трудно идти. Выйдя в широкое поле, странники зашагали по тропинке к светившимся вдали огонькам.

— Здесь живёт другой народ, мы как можно быстрее должны понять и усвоить его традиции и выучить язык, — сказал Лучьян.

Через час путники подошли к глиняным домикам с соломенными крышами, сгрудившимся вместе. Они встретили крестьянина, мужчину средних лет, в мешковатой подпоясанной рубахе и таких же широких штанах. Он что-то спросил у них, но странники не поняли его. Язык здешних жителей показался Лучьяну красивым и мелодичным.

Крестьянин привёл путников к себе домой и поселил там, хоть и сам жил в тесноте с большой семьёй — женой и пятью детьми. Тем не менее, попытавшись пообщаться, они с Лучьяном узнали имена друг друга — мужчину звали Шарлем. Он сообщил, что гости сейчас находятся на севере Франции. Хозяева накормили их треской и уложили спать.

Была осень, и крестьяне, запасшись урожаем, сеяли озимые, собирали виноград. Они дружно, сообща работали целыми днями, и гости помогали им. Поначалу к нашим героям относились настороженно, но потом увидели, что это такие же простые люди, не помышлявшие ничем дурным, и их приняли в общину.

Они поселились в пустовавшей избушке на окраине деревни. Там крестьянки приняли роды у Дуни — на свет появился мальчик, которого назвали Власом. Он был очень хилым и часто болел, и его с трудом выносили.

Лучьян, способный к языкам, довольно скоро начал говорить по-французски, хотя и коверкая слова. Шарль много рассказывал ему о жизни крестьян. Они обрабатывали землю, принадлежавшую их хозяину — сеньору, — и несли в его пользу повинности.

— Но и у нашего хозяина есть господин, и у того господина... — объяснил Шарль. — А подданные называются вассалами.

— А кто высший сеньор? Король? — спросил Лучьян.

— Нет, он — вассал Бога. Король — сеньор герцогов, графов, маркизов — хозяев провинций, множества деревень. А им подчиняются бароны и дворяне. Вассалы по-разному служат сеньорам: одни трудятся, другие воюют, третьи молятся. Духовенство замаливает грехи человеческие перед Богом. Воюющие оберегают наше отечество, распространяют христианскую веру в Европе.

— Разве можно с оружием в руках распространять веру?

— Так делают уже много лет, но я тоже считаю это варварством. Ты сам слышал, что недавно германский император Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное Сердце предприняли новый поход на Иерусалим. Много воинов погубили и ничего не добились, только города грабили, как разбойники, и ругались друг с другом...

Почти всё, чем пользовались, что потребляли крестьяне, они изготавливали сами. И обеспечивали одеждой, посудой, пищей и другим не только себя, но и своего сеньора, его людей, торговали в городе. Некоторые товары они покупали или выменивали.

Крестьянская община состояла из жителей одной или нескольких деревень. Часто в ней устраивались собрания, крестьяне решали хозяйственные вопросы и споры, определяли, чем засеивать тот или иной участок поля, организовывали помощь нуждавшимся. Лучьян, Лесмян, Ромул и другие приносили им еду и изготовленную своими руками одежду и обувь.

Осенью крестьяне недолго отдыхали. Они устраивали праздники, на которых пели и плясали, смотрели представления бродячих артистов. Лучьян услышал от людей много сказок, преданий, песен и пословиц, и здешний фольклор очень заинтересовал его. В сказках говорилось о мудрости и доброте крестьян, которым противопоставлялись злые и жадные богачи. Из уст передавались сказания об умной крестьянской дочери, о бедняке и богаче, к которым приходил Господь в образе странника, о золотом гусе, о чёрте и его бабушке. Отрицательные герои часто изображались в образе животных и даже предметов — так высмеивались человеческие пороки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПУТНИКИ В ПАРИЖЕ

Обжившись в деревне, Лучьян и Лесмян изъявили желание отправиться в путешествие по стране или хотя бы посетить какой-нибудь город. Шарль решил показать им Париж, в котором сам не раз бывал. В начале зимы, когда в деревне не осталось работы, они собрали кое-какие пожитки и еду в узелок и двинулись на повозке в столицу.

Путники ехали два дня, миновали три небольших городка и множество деревень — и вот наконец утром прибыли. На фоне тёмно-серого неба просматривались силуэты крепостей с башнями, остроконечных крыш зданий. Повозка долго катилась по улицам города, потом Шарль остановил лошадей,

дал им овса.

— Вот здесь, посмотрите, строится католический храм, — он указал куда-то в темноту, и спутники смогли разглядеть постройки. — Собор Богоматери. Его начали возводить давно, когда я был юношей — и, как полагаю, будут сооружать ещё очень долго...

Лучьян заметил, что многие улицы — узкие, каменных зданий немало, но деревянных — больше. И спросил:

— Как же здесь ориентируются в домах? Ведь они не пронумерованы...

— Их различают по какой-нибудь особенности, — ответил Шарль. — Видишь, этот дом разрисован причудливыми символами, на том изображена роза, а на третьем — птицы и так далее.

Они отправились гулять по городу. Друзья пробирались к рыночной площади по улочкам, когда какая-то хозяйка выплеснула из окна помой прямо на Лучьяна и Лесмяна. Шарль, едва скрывая смех, помог им почистить одежду. Из-за того, что жители вот так всё выбрасывали и выливали прямо из окон, тут стоял ужасный запах и по некоторым переулкам можно было пройти только с зажатым носом. От этих нечистот у людей возникали болезни, а порой в городе случались целые эпидемии, которые уносили тысячи жизней.

Возле ратуши находилась рыночная площадь. Продавцы, разложив на прилавках товары, зазывали покупателей, и здесь собралось уже много людей, все шумели, спешили куда-то, толкались, обгоняли друг друга. Шарль купил у одного торговца мешочек соли и несколько деревянных ложек.

— Тут живёт и работает мой близкий друг Франсуа, — сказал Шарль, когда путники подошли к двухэтажному деревянному дому неподалёку от рынка. — Мы выросли в одной деревне, дружили с детства, вместе путешествовали в молодости по стране, а сейчас, хотя и видимся нечасто, всё же стараемся выбраться друг к другу в гости. Он оружейник. Пойдём, я познакомлю тебя с ним.

Мастерская у Франсуа располагалась на первом этаже, а он сам с женой, тремя детьми, подмастерьем и несколькими учениками жил на втором. Это был мужчина средних лет, невысокого роста, с длинными кудрявыми волосами и синими глазами, которые всегда смотрели внимательно, даже пронзительно. Он обрадовался визиту гостей, познакомился с Лучьяном

и Лесмьяном. Хозяйка Мишель угостила мужчин вкусным ягодным пирогом, который сама испекла, и они остались очень довольны, благодарили её.

Франсуа провёл их в мастерскую. Он изготавливал на заказ мечи, шлемы, доспехи и многое другое. Свою работу делал с душой, с большим старанием, так что его ценили все, кто к нему обращался, и приходили всё новые и новые люди, и дел у него было много — иногда трудился даже ночью.

Также Франсуа делал подсвечники и посуду для своей семьи, игрушки для детей. Несколько глиняных чаш он подарил гостям, вылепленных из глины и разукрашенных птичек и зверьков передал детям Шарля и маленькому Власу.

— К сожалению, в город приходит много чужеземных ремесленников и обосновывается здесь, — поведал хозяин. — Они переманивают наших заказчиков к себе. И местные мастера основали цехи, которые не позволяют заниматься определённым ремеслом тем, кто в них не состоит. Тут ведь много ремесленников — и мы, оружейники, и портные, и шерстяники, и другие. Цеха для оружейников ещё нет, но его скоро создадут. Мой друг Жорж состоит в гончарном цеху. У них с коллегами есть большое помещение для собраний. Они даже разработали устав, в котором прописано, когда каждый член работает, сколько у него помощников, какое количество продукции он изготавливает. Ремесленникам нельзя объявлять народу о своём товаре, продавать его дороже цены, определённой цехом, приглашать к себе чужих учеников или заказчиков. Так что условия для всех созданы одинаковые. Вообще у каждого цеха имеется герб и знамя, в каждом собирают взносы на общие нужды, помогают семьям мастеров, которые заболели или скончались.

— Вы сами хотели бы вступить в цех оружейников, когда его создадут? — спросил Лучьян.

— Придётся, ведь иначе я не смогу заниматься любимым делом, — вздохнул Франсуа. — Но если бы даже это было делом добровольным, то вступил бы, чтобы не разориться. Так хоть есть какая-то уверенность в завтрашнем дне. И, если со мной что-то произойдёт, жене и детям будут помогать.

Гости смотрели, как он ковал мечи, щиты, делал на них узоры, изготавливал рыцарский доспех.

Когда на улице стемнело, Франсуа предложил гостям остаться ночевать, и они согласились. И весь вечер провели в беседах. Хозяин рассказал Шарлю, что в город приехал их старый друг

Пьер, занимавшийся купечеством, и тот решил на следующий день навестить его. Потом, постелив сено на пол мастерской, путники расположились на нём и быстро уснули.

Пьер снимал каморку в маленьком деревянном домике на окраине города. Он был, кажется, немного младше Шарля, но уже совсем поседел. Купец обрадовался визиту друга, хотя и с трудом узнал его — верно, не виделись очень долго. И познакомился с Лучьяном и Лесмьяном.

Пьер рассказал гостям о далёком и трудном путешествии, из которого вернулся. Он побывал в Риме, Неаполе, Венеции, Лионе и так далее. В одном городе приобретал что-то, в другом — сбывал. Путь затрудняла непогода, и на дорогах встречалось много разбойников, от которых купец чудом спасался. Приходилось платить пошлину каждому сеньору, по земле которого Пьер проезжал. Но он продавал товары там, где в них больше нуждались, значительно дороже, чем покупал, и этим возмещал потраченную сумму и кормил себя.

Путники угостили его вином и бараниной, которые взяли здесь, в Париже, и все хорошо посидели вместе за столом. Потом Шарль, Лучьян и Лесмьян двинулись обратно в деревню, решив как-нибудь снова посетить столицу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Прошло несколько лет. Дети Шарля подросли, старшую дочь он выдал замуж. Влас был шустрым, весёлым пареньком. Он с малых лет помогал взрослым — работал в поле и на загоне, занимался гончарством. Лучьян и Лесмьян обучили его русскому и французскому языкам. Ромул выучил внука и ганакорскому языку, намереваясь в будущем забрать семью с собой на Юпитер.

Земля перестала вдруг приносить урожай, и крестьяне начали уезжать из деревни в другие селения, к другим сеньорам. Семья Шарля и вся компания Лучьяна перебрались в Париж. Они арендовали комнату в старом каменном доме. Первое время голодали, не имели даже мебели и посуды. По ночам разводили костёр, бросали в огонь разный мусор, что отыскивали на улице.

Мужчины скоро нашли себе работу. Шарль, Ромул и Влас, которые неплохо освоили ремёсла гончара и литейщика, вступили в цехи, и у них появились заказчики. Лесмьян и Зил стали менялами — они обменивали иностранные деньги на французские, брали их на хранение, ссужали под процент. Лучьян начал обучать в школе детей арифметике и геометрии.

Илья устроился сторожем в храм. Он мечтал пополнить ряды рыцарей, ощутить романтику их жизни, стать доблестным воином, поучаствовать в походах.

Женщины — Анна, Марья, Марфа и Дуня — тоже нашли работу, стали портными — шили и подшивали одежду.

Горожане были активнее деревенских жителей, всё старались делать скоро, рассчитывали время до минуты. Больше знали о событиях, происходивших в мире. Не довольствовались тем, что имели, и стремились заработать, нажить ещё денег.

В Париже самыми обеспеченными людьми были купцы и ювелиры, их насчитывалось несколько десятков человек. Они происходили из известных старинных родов и многое переняли из рыцарской культуры — обитали с семьями в старых дворцах, напоминавших замки, имели свои гербы, ездили на охоту, проводили турниры. Члены их семей состояли в городском совете, из них выбирали и мэра. В городе жили торговцы, ремесленники, рыцари, монахи, слуги, нищие и другие. В столицу прибывало много людей насовсем, и она росла.

Илья любил рассказывать сожителям о своей работе. Там он не тосковал — общался с церковными служителями, узнавал всё время что-то новое о католической церкви. Ему поведали о таинствах причастия, покаяния, посвящения в духовный сан, сопровождавших человека всю его жизнь. Считалось, что во время их совершения на верующего через священника сходит божественная благодать.

Часто думая о Страшном суде и боясь попасть в ад, люди старались жить по христианским заповедям, делать добро, оказывать помощь церкви и нищим, совершать паломничества к святым местам: ко Гробу Господню в Иерусалим, к гробнице Святого Петра в Рим, к гробнице Святого Иакова в Сантьяго. Илья видел в храмах на фресках и рельефных картинах сцены из Библии и Страшного суда.

Правители стран и богатые сеньоры дарили церкви земли, привилегии, драгоценности. Она владела третью обрабатываемых земель. Многие бездетные люди оставляли ей своё имущество. А трудящиеся отдавали десятую часть доходов. Священники брали деньги за церковные обряды, за индульгенции — грамоты, якобы освобождавшие от грехов. И зачастую проводили время в пирах и развлечениях. Илья говорил, что они просто купили свои должности, состоя в родстве или дружбе с богатыми сеньорами. Противники католиков, еретики, критиковали

существовавшие в церкви порядки, призывали духовенство жить скромнее, отказаться от богатств.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЖИЗНЬ И ПОХОДЫ РЫЦАРЕЙ

Наступил день, когда Илью посвятили в рыцари. У него появился боевой конь и вооружение. Лучьян, заинтересовавшийся рыцарской культурой, тоже вскоре обучился военному делу, стал оруженосцем одного воина, а потом прошёл посвящение. Ему выдали шпоры и пояс с мечом. Надев их, старик вскочил на лошадь и на полном скаку попал копьём почти в самый центр мишени. «Седина в бороду — бес в ребро», — смеялся он сам над собой, но ничего не мог поделывать — рыцарская культура притягивала его. Позже в рыцари были посвящены и Лесмян с Зилом.

Им всем пришлось носить тяжёлые железные доспехи, огромный меч и длинное увесистое копьё. И иметь собственный герб и девиз. Лучьян нарисовал на своём щите герб Ганакоры — скрещённые мечи на красно-белом фоне — и в качестве девиза взял фразу из её гимна: «Честь дороже жизни».

Ему понравилось то, что в бою рыцари стремились не убить друг друга, а захватить в плен: во-первых, убийство, даже на войне, считалось большим грехом, а во-вторых, за пленного полагался немалый выкуп.

В мирное время рыцари охотились в лесу на оленя, кабана или птицу. Они вместе с распорядителями — герольдами — устраивали турниры, на которые приходили и сеньоры, и простой народ. Воины сражались и по двое, и большими группами, но на состязаниях погибали очень редко.

Лучьян и Лесмян посетили замок одного сеньора, располагавшийся на высоком холме, окружённый глубоким рвом и высокой стеной. Хозяин провёл в него гостей через подъёмный мост и ворота. Там было два двора. На нижнем находились конюшни, хлев, амбары, мастерские, а на верхнем — жилые здания, часовня, смотровая башня и колодец. Запасы еды и питья позволяли выдержать несколько месяцев осады. А на случай захвата замка имелся потайной ход в ближайший лес.

Много гостей собралось в двухэтажном доме хозяина, в парадном зале. Тут были не только друзья и знакомые сеньора, но и бродячие торговцы, и другие странники, делившие новостями, и певцы с поэтами, читавшие стихи и исполнявшие песни, и карлики с шутами, веселившие всех. Лучьян и Лесмян ходили

по комнате и рассматривали оружие, доспехи и охотничьи трофеи на стенах.

Лучьян и его спутники усвоили нормы морали и правила поведения рыцарей. Храбрость в бою, верность сеньору, готовность постоять за христианскую веру и помочь слабому были обязательными качествами воина. Как и деликатное поведение в обществе, особенно с дамами.

Илья влюбился в молодую француженку Луизу, дочь графа, однако добиться от неё взаимности, а тем более согласия на брак никак не мог: у девушки уже было много поклонников. Но они охотились за наследством её богатого отца, в отличие от нашего героя. Он посвятил ей балладу «Встревоженное сердце», в которой выразил и радость, и тревогу от любви к ней.

Лучьян, который тоже стал романтиком, каждый день приносил жене Анне цветы. Они вместе гуляли по берегу реки и по саду, вспоминая прошлое.

Многие рыцари писали стихи, здесь, во Франции, их называли труверами. На вечерах читали лирические стихотворения и песни, эпические поэмы — французскую «Песнь о Роланде», германскую «Песнь о Нибелунгах» и испанскую «Песнь о моём Сиде». Другие сочиняли рыцарские романы, героями которых были и реальные люди, и сказочные персонажи.

От рыцарей и сказителей Лучьян узнал историю Крестовых походов, которая длилась уже более сотни лет. Крестоносцы шли на Восток распространять христианскую веру. Крестьяне присоединялись к ним, надеясь получить свободу и землю. Купцы тоже отправлялись с ними — за новыми богатствами. Аристократы и государи силами воинов захватывали новые владения и подданных.

Рыцари ходили на города Иерусалим и Щецин, в славянские земли, на захваченных территориях основали четыре государства. Здесь также были феодальные порядки и феодальная раздробленность, и это ослабевало господство крестоносцев на Востоке. Они вступали в организации — духовно-рыцарские ордены, которыми руководили папа римский и великий магистр. Существовали ордены госпитальеров, иоаннитов, тамплиеров, тевтонский и другие.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. НА ПУТИ В ВЕНЕЦИЮ

В Венеции собирались те, кто шёл в новый военный поход — на этот раз рыцари решили добраться до Египта. Лучьян, Лесмян, Зил, Ромул и Илья, оставив женщин и Власа в Париже, отправились в город на воде, путь их лежал через Бургундское и Германское королевства. Они скакали на резвых конях, останавливаясь иногда в селениях на отдых и узнавая новости.

Продолжался «натиск на Восток», начатый со Вторым Крестовым походом полвека назад. Европейские народы обращали в католичество славян и литовцев принуждением, убивая тех, кто не хотел менять веру, и захватывая их жилища и имущество. На Восток двигались немецкие, шведские и датские рыцари, а за ними — крестьяне и ремесленники, поселявшиеся на оккупированных территориях.

Наши путники узнали об основании в Прибалтике епископом ливонским Альбертом фон Буксгевденом нового города Риги и Ордена меченосцев, рыцари которого одевались в белые плащи с красными крестами. Они нападали на половецкие и русские земли, заставляли жителей принять католичество, а тех, кто не хотел, убивали или изгоняли оттуда.

...Рыцари шли через Альпы, переход занял много времени. Красная вечерняя заря предвещала ветреную погоду. Кони двигались медленно, дышали тяжело; мужчины решили их больше не торопить. Глядя на заход солнца и на пурпурные облака, Лучьян вспоминал песнь одного рыцаря, которую услышал в Париже:

Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтоб пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцая.
Я ничего за тех не дам,
Чей меч в бездействии упрямя,
Кто, в схватку попадая,
Так ран боится, что и сам
Не бьёт по вражеским бойцам...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПОХОД НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

В Компьене собрались все графы и бароны, которые предприняли этот поход. Они отправили в Венецию послов, чтобы договориться о закупке кораблей и иного продовольствия. Венецианцы готовы были по низкой цене поставить транспортные суда, оруженосцев и коней. И предложили половину своих вооружённых галер при условии, что им отдадут половину завоёванного. Послы согласились, подписали договор, и им вручили грамоты.

Обе стороны отправили посольство в Рим к папе Иннокентию III для утверждения договора. Этот человек называл себя «наместником Христа», высшим главой всего христианского мира. Он был умён и образован, являлся искусным дипломатом. И власть его распространялась на многих государей, некоторые платили ему дань. В беседе с гостями отметился горделивый и высокомерный характер папы, сравнивавшего себя с тёплым, ярким солнцем, а королей — с тусклой луной, лишь получавшей свет от него. Договор утвердили, и послы вернулись к хозяевам.

Некоторое время спустя в Суассоне собралось много графов, баронов и простых воинов, чтобы выбрать вождя для войска. Им стал Бонифаций Монферратский.

Большинство крестоносцев оставили свои земли и прибыли в Венецию. Некоторые отказались от похода, и остальные осудили их. Флот из множества военных кораблей и галер очень хорошо оснастили. Но в городе на воде собралось гораздо меньше воинов, чем ожидалось, и у них не накопилось той суммы, что требовали венецианцы за перевозку. За отсрочку платежа те предложили рыцарям взять христианский город Задар, который соперничал с ними в торговле.

Суда нагрузили оружием и съестными припасами, разместили на палубах более трёхсот баллист, катапульт и других орудий для взятия города. Добравшись до гавани Задара, воины штурмом взяли порт. Они высадились на сушу, вывели коней, поставили множество шатров и палаток. Теперь, когда христиане подняли руку на одноверцев, Лучьян понял, что этот поход предпринят не ради распространения католичества, а ради разграбления чужих земель. Армия, придя к городским воротам, поставила катапульты, баллисты и другие орудия. Задар осаждали пять дней — забрасывали огромными камнями, делали подкопы под стены. Жители согласились сдаться при условии, что их не убьют. Город взяли, и венецианцы с французами поделили его. Между ними случались распри и серьёзные схватки.

Вскоре произошёл разлад в войске. Одни говорили, что нельзя христианам идти против единоверцев. А другие считали, что

надо двигаться дальше. Крестоносцы провели зиму в Задаре, многие дезертировали. Перед Пасхой венецианцы разрушили город. Некоторые рыцари отплыли на кораблях на остров Корфу, принадлежавший Константинополю.

Туда же прибыл Алексей, сын свергнутого и ослеплённого своим братом византийского императора Исаака. Он встретился с армией крестоносцев и примкнул к ней.

Миновав остров Эвбею, рыцари на кораблях приплыли в город Абидос, находившийся на азиатском берегу пролива Дарданеллы. Жители сдались им сразу же, не осмелившись противостоять.

Константинополь поразил всех своим величием и красотой. Воины на кораблях с изумлением разглядывали высокие стены и башни, великолепные церкви и дворцы. Флот вошёл в гавань перед дворцом императора Алексея III — брата свергнутого Исаака. Графы и воины высадились на берег и раскинули шатры. Наши путники и другие рыцари не имели еды и голодали, и некоторые побывали на полях возле города, нашли там снопы сжатого хлеба, и все отправились туда вслед за ними и хорошо поели. Французы стали грабить местное население.

Небольшое греческое войско, принадлежавшее Алексею III, выступило против крестоносцев и было разбито. А сам он отправил предводителям рыцарей послание, в котором велел покинуть Византию, иначе его армия нанесёт им сокрушительный удар. В ответ они потребовали, чтобы узурпатор вернул корону и империю своему племяннику.

Крестоносцы подошли к стенам Константинополя, показали его жителям принца Алексея и сказали им: «Вот ваш законный государь. Если вы признаете его своим императором, то поступите, как и должно, но если отступите от него, то мы причиним вам наихудший вред, который только сможем». Однако народ боялся императора Алексея III и никто не перешёл на сторону принца. И рыцари решили брать город. Венецианцы хотели штурмовать его с моря, а французы — с суши. Но ещё несколько дней они оставались в лагере, отбивались от нападавших на них греков.

И вот крестоносцы окружили Константинополь. Французы начали осаждать стены города, а венецианцы — вести бой с кораблей: метать камни из катапульт, стрелять из арбалетов и луков.

Лесмян и Зил при осаде получили небольшие ранения, а Лучьян — тяжёлые: в него попало несколько стрел, а потом

оглушило камнем. Он долго был без сознания, и спутники лечили его и ухаживали за ним, а после перенесли в завоёванный Константинополь. Очнувшись, старик долго приходил в себя и вспоминал недавние события. И понял, что устал уже путешествовать и хочет вернуться в Париж, а ещё лучше — к себе на родину, домой.

Лучьян узнал, что крестоносцы взяли город и Алексей III бежал из него. На троне восстановили императора Исаака. Тот встретился с сыном, и греки отпраздновали возвращение принца. Он был коронован и стал императором Алексеем IV.

Новый правитель обратился к графам и другим сеньорам с просьбой остаться в городе до весны, пообещав обеспечить их флот ещё на год, оплатить пребывание там венецианцев и выдать всё, что им потребуется до Пасхи. Молодой человек опасался греков — сторонников свергнутого дяди. Предводители и воины стали совещаться. И снова возникли разногласия — многие хотели плыть дальше.

Алексей IV с большей частью сеньоров совершил поход по своим владениям, и все правители земель, кроме болгарского царя, присягнули ему на верность и заплатили дань. В Константинополе тем временем произошёл раздор между греками и латинянами и кто-то поджёг город. Случился сильный пожар, который долго не могли потушить. Столица горела целую неделю.

Император вернулся во Влахернский дворец в Константинополе. Он возгордился, стал непочтительно относиться к подданным и не выполнил обещаний, данных крестоносцам. Те послали к нему людей с требованием держать своё слово, но при дворе их встретили враждебно и чуть ли не силой заставили уйти.

Вновь начались стычки между крестоносцами и греками, которые пытались поджечь их корабли. Французы устроили заговор против императора, схватили и бросили его в темницу, а потом задушили, пустив по городу слух, что он умер своей смертью. Но скоро всем стало известно, как тот погиб. Рыцари захватили и разграбили Константинополь, обратили в бегство защитников. Лучьян бездействовал и умолял других пощадить город, хотя бы храмы, но воины не слушали старика...

Позже предводители велели крестоносцам вернуть захваченные деньги и вещи в церкви. И одни принесли всё, а другие что-то утаили, и, когда они были выявлены, их наказали, многих даже повесили. Теперь рыцари вернули долг венецианцам, а остальные средства поделили между собой.

Новым императором избрали графа Балдуина Фландрского —

достойнейшего из знатных людей. Его короновали в церкви Святой Софии и повели во дворец Буколеон.

А наши путники немного отдохнули, пришли в себя и собрались в обратный путь — в Париж, к своим семьям.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. В СТРАНЕ ЗАМКОВ

Два года женщины с тревогой ждали известий о своих мужьях, они много слышали об этом Крестовом походе, об осаде Константинополя. Но рыцари словно в воду канули... И какова же была радость жён, когда все четверо вернулись, израненные, но живые!

Анна поведала Лучьяну о том, что случилось в семье за время его отсутствия. Один граф, пленённый красотой Дуни, взял её к себе в замок, они собирались пожениться. Влас, ставший уже юношей, всё так же занимался гончарным ремеслом и не знал, что ему делать дальше — пройти посвящение в рыцари или поступить в университет. Лучьян посоветовал внуку идти учиться, обещая помочь, если возникнут трудности.

Илья добился руки и сердца Луизы, дочери графа. Её родители устроили пышную свадьбу, на которой гуляли все — и богачи, и бедняки, и сеньоры, и слуги, и дети, и взрослые, и старики. Лучьян подружился с отцом невесты Рудольфом, поведал ему о том, что хочет дать Власу хорошее образование. Граф поддержал его, сказал, что теперь в Европе много высших учебных заведений, и особенно похвалил английские университеты. Училища были и здесь, в Париже, но Лучьян загорелся идеей поехать в Англию, посмотреть эту страну, о которой он много слышал.

И старик вместе с женой и сыном отплыл туда на купеческом корабле. Они добрались до Оксфорда и там остановились в замке у лорда Дэвиса — друга графа Рудольфа. Он смог добиться принятия Власа в университет и начал учить гостей говорить по-английски.

Внук Лучьяна старательно осваивал новый язык, общаясь с преподавателями и другими студентами. Юноша хотел заняться гончарством и здесь, но дедушка велел ему пока не думать о работе, взял все расходы на себя — он стал домашним учителем у внуков Дэвиса.

Утром и днём Влас был на лекциях, а вечером повторял пройденный материал: логику, право, философию, произведения латинских, греческих и арабских авторов. Несмотря на трудную

учёбу, студенты жили довольно весело, участвуя в торжественных церемониях, устраивая шумные застолья. Дедушка, глядя на внука и его друзей, с ностальгией вспоминал свой Каллир-Каден, счастливые и беззаботные годы юношества. Он желал, чтобы парень хорошо здесь обучился и сделал карьеру.

Вскоре из Парижа пришло послание от Лесмяна. Тот сообщал, что Ромул и Зил хотят вскоре лететь на Юпитер, чтобы проведать там родственников. Лучьян решил вернуться в Париж, поговорить с друзьями об отлёте и по возможности отсрочить его, так как желал взять с собой на родину Анну и Власа. Оставив жене и внуку свои сбережения, он покинул Оксфорд. Но перед отплытием во Францию немного поездил по Англии.

Лучьян посетил известные замки: Тауэр, Виндзорский в Лондоне, основанные королём Вильгельмом I Завоевателем, и Дуврский в Дувре, построенный его правнуком Генрихом II Плантагенетом. В дороге он встретил сказителей, от которых узнал предание о рыцарях Круглого стола. Один художник показал ему портреты короля Артура, рыцаря Ланселота, волшебника Мерлина и его внучки, тоже волшебницы, Мерлины.

Путник встречал и астрологов, определявших по звёздам и планетам будущее. К ним за советом обращались многие — от королей до простых людей. Лучьян наблюдал ночное небо, рассматривал созвездия. Он нашёл Поллукс, Альдебаран, Альтаир, Бетельгейзе, Процион, Арктур и «подмигивавшую» красную звезду Алголь, которую египтяне называли «глазом дьявола».

Старик посещал лаборатории здешних учёных-алхимиков, которые вырабатывали сплавы, кислоты, краски, создавали порох, изобретали химические приборы.

Во Францию наш путник плыл на купеческом судне вместе с бродячим философом-схоластом. Тот проповедовал идею сочетания веры и знания, бытовавшую тогда в Европе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Здесь приведены записи из дневника Лучьяна Смолоза, посвящённые полёту на Луну.

«Лето 1206 года от Рождества Христова. Мы с Лесмяном, Зилом и Ромулом прибыли сегодня в старинный город Панди. Я хотел бы рассказать о чудесном открытии; если моя летопись сохранится, буду только рад. Нам удалось найти и откопать наш корабль, зарытый на побережье на севере Франции. Он работал

исправно, и мы решили попробовать подняться на нём в космос. Шарль дал нам с собой провизию и бутылку вина, которую велел распить по прибытии на Юпитер.

Но четверо друзей захотели пока посетить спутник Земли — Луну. Безжизненная с виду, она всё же чем-то притягивала нас... Мы из иллюминаторов наблюдали за Землёй и восхищались уже в который раз. Какая красивая планета, сколько цветов и оттенков! Белый, голубой, синий, зелёный, жёлтый, оранжевый и много ещё... Сквозь облака просматривается Европа, Азия, ещё какие-то части света, неизвестные нам. Земля так прекрасна, так великолепна! Я полюбил её не меньше, чем свой Юпитер.

Мы приблизились к серой Луне, испещрённой кратерами, покружили над ней — никто здесь не жил. Лесмян всё-таки посадил корабль на поверхность; тот выпустил колёса и поехал, лавируя между впадинами и горами. На пути появился холм, мы стали подниматься на него, но не заметили вовремя пещеру и не объехали её стороной...

И, провалившись в неё, думали сначала, что вот-вот погибнем — наступила кромешная тьма, раздался грохот, — а потом увидели, что летим над облаками, под которыми видны леса и поля, реки и моря! Радости нашей не было предела — ведь открыли новый мир, таившийся под твёрдой оболочкой! Но в нём царит ночь, так как солнечный свет сюда не проникает.

Посадив корабль на какой-то поляне, мы отправились странствовать. Здесь живут такие же люди, как и на Земле, и они даже не догадываются, что где-то там за оболочкой — бесконечная Вселенная!

На Луне всего два государства — Лакония и Лапония, почти равные по территории. Мы совершили посадку в Лаконии и вскоре пришли в её столицу — Панди. Какой тут порядок, какая чистота на улицах! Ни мусора, ни помоев. Город древний, почти все здания старые, новых мало. Здесь много научных лабораторий и университетов, учёные постоянно что-то изобретают. А вообще жители добродушные, отзывчивые, трудолюбивые...»

«Город Панди назван в честь лунного пророка, старца, которого почитают в обеих странах. Недавно был праздник в его честь. Прямо на улицах священнослужители накрывали длинные столы и приглашали за них всех прохожих. И нас тоже позвали отобедать. Мы уже неплохо понимаем местный язык. Сказители много интересного поведали о пророке. Старец Панди —

основатель пантеизма, религии, в которой Бог представляется как бесконечная сила, стремящаяся к мировой гармонии.

Отец пророка, бог Син, который некогда властвовал здесь, передал свою власть сыну. Старца Панди, мудрого и справедливого, считают главным человеком лунного мира. У него был сын Мун, к его детям в разное время причисляли царей Мейга и Лаксанта, царицу Линд, пророка Феодора и многих других.

В Лаконии правили династии царей Гуронов, Жорженов, Лингорсов и прочих».

«Начало 1207 года. Мы объехали почти всю Лаконию, побывали в городах Графенберг и Панагас, останавливались в небольших селениях, а также посетили знаменитые крепости.

Графенберг, основанный не более полувека назад, уже считается большим городом — он быстро расширяется. Там мы остановились в маленькой уютной подземной гостинице.

Рядом с городом находится несколько крепостей знатных аристократов. Одну из них мы с Лесмянном посетили — это была резиденция жившего век назад Иакинфа, потомка старца Панди. Хозяин приезжал туда отдыхать, устраивал там пиры и охотился. Теперь крепость заброшена владельцами, в ней живут бродяги, нищие, отдыхают пастухи, приходящие со скотом. В её дворе большой сад и конюшня, несколько беседок и маленький пруд. Вообще очень живописная местность, прогуляться приятно...

В замке, что находится южнее Графенберга, в горах, и принадлежал когда-то князю Иринару, недавно открыли музей и стали проводить экскурсии. Показывают трёхвековую одежду, оружие, мебель, утварь, рассказывают, как жили здесь в давние времена.

Панагас я назвал «античным городом», потому что он очень похож на греческие города, храмы и статуи почти такие же, как там. Кажется даже, что этот город был раньше в Греции, но неведомым штормом его оторвало и принесло в такую даль. Он расположен на побережье моря Лапо, здесь чудесные пляжи, на которых любят отдыхать курортники...»

«Лансоны — это острова в море Лапо. Их пятнадцать штук. За них уже несколько веков воюют Лакония и Лапония, и они переходят то к одной, то к другой стране, заселяются то лаконийцами, то лапонийцами. Сейчас их заняли вигунты —

воины, напоминающие земных викингов: тоже в рогатых шлемах.

Но это не помешало нам с друзьями посетить Лансоны. Тут замечательный климат, много целебных мест, очень живописная природа. Это рай для отдыха, здесь почти никогда нет дождей и сильной жары и холода. На скалистом берегу одного из островов — Ягеша — расположена тысячелетняя крепость Кирсаль, с ней связано много исторических событий, давным-давно она служила резиденцией лапонийских королей.

На Лансонах популярна легенда об утонувшем великане — остров Капат имеет форму лица с глазами, носом и губами, и вправду кажется, что это гигант высунулся из воды. На островах также существует миф о единорогах, якобы когда-то обитавших тут. Мудрый волшебник Джунай — герой здешних преданий. Также есть много сказок о волшебнице Зорко. Лунная мифология очень интересна, и она до сих пор пополняется новыми именами и событиями».

«Мы вернулись в Панди. Пора было уже лететь на Юпитер... На Луне ведь провели почти год. Теперь же Лесмян и Зил торопили меня, но мне следовало подождать, пока Влас окончит университет, а потом взять его и Анну на родину. И я беспокоился за судьбу Руси. Хотел помочь этой стране, которой грозило вторжение крестоносцев, объединить её князей, устранить междоусобицы. Когда рассказал о своих намерениях спутникам, мы посоветовались и решили поступить так: Зил и Ромул сбросят нас с Лесмянном на парашютах над Парижем, а сами полетят на Юпитер, навещают там своих и наших родственников».

«Мы добрались до корабля, который остался, к счастью, невредим, сели в него и взлетели. Я велел друзьям передать маме, что её сыновья живы, здоровы и скоро придут к ней. Нам удалось найти трещину в оболочке, через которую судно вышло в космос. И сейчас летим к Земле. На этом пока прерываю записи — если останусь жив, напишу ещё что-нибудь о своих приключениях».

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Продолжение дневниковых записей Лучьяна — его рассказ о путешествии по странам Азии.

«Осень 1207. Нас с Лесмянном сбросили по ошибке не в Европе,

а в южной Азии. Нам пришлось обжиться здесь, в Делийском султанате — мусульманской империи, возникшей на территории Индии. Мы встретились с новым обществом, языком и верованиями.

Природа тут замечательная, почва плодородная. Крестьяне выращивают много риса, сахарного тростника, хлопчатника, пряностей и различных фруктов.

Мы посетили Дели, Канаудж, Варанаси и другие города. Как же здешняя культура отличается от европейской! Это страна сказочных богатств, которые добывают из-под земли. Ремесленники шлифуют и гранят драгоценные камни, делают чеканку по золоту и серебру, резьбу по слоновой кости. Мне жалко слонов, которых убивают из-за бивней — они очень миролюбивые и добрые животные, помогают своим хозяевам строить хижины, возят их на себе, оберегают от хищников.

На рынках и в портах много приезжих купцов, тут всё время идёт торговля».

«Здесь почти такое же деление народа на большие группы, как и во Франции, они называются кастами. Кроме монахов, воинов и трудящихся, есть зависимые люди — слуги. И «неприкасаемые» — изгои, с ужасной участью, они выполняют самую тяжёлую и грязную работу, ночуют в лесных хижинах, едят отбросы, и их не считают за людей. Я думаю, что надо за них вступить, хотя меня за это могут изгнать из султаната или убить.

Мы с Лесмянном посетили несколько деревень на окраине империи. Здешняя община является частью другой, более крупной. Общины регулируют деятельность своих членов, собирают деньги на какие-либо нужды — например, строительство каналов или работы на полях. И контролируют хозяйство каждой семьи.

Местные жители познакомили нас с интересной игрой — шахматами, — и мы с братом очень увлеклись ими и теперь играем не хуже индийцев.

Недавно посетили несколько индуистских храмов — с покрытыми рельефами стенами, вдоль которых стоят статуи. И ознакомились со здешней мифологией, с пантеоном богов — Адити, Праджапати, Брахмой, Индрой и многими другими».

«Весна 1208. Мы теперь в империи Цзинь, в Кайфыне, прибыли сюда на верблюдах с купцами. Меня изгнали из султаната за то, что вступился за «неприкасаемых». Китай удивил

нас не меньше, чем Индия. Тут вместо букв — причудливые иероглифы; я собираюсь выучить этот язык, а Лесмян не хочет, говорит, что у него голова уже забита другими языками.

К сожалению, здесь тоже есть рабство — всё население делится на свободных «добрых» и зависимых «подлых». Императора называют Сыном Неба, посредником между Небом и людьми, а империю — воплощением небесного порядка на земле.

Монарху помогают управлять страной чиновники. Чтобы стать одним из них, надо быть свободным человеком и сдать экзамен, это очень сложно: ведь на одно место — сто с лишним претендентов. Зато люди, которым удаётся занять его, получают высокие должности и большое жалование».

«В Китае живут люди спокойные, умные, рассудительные, набожные. У них интересная религия — буддизм, который переплетается с конфуцианством и другими верованиями.

Будда — это живший почти две тысячи лет назад в Индии царевич Гаутама. Он был беспечным, имел всего вдоволь, видел жизнь прекрасной и лёгкой и не думал о том, что в мире есть горе, боль и смерть. Но, встретив немощного старика, понял, что и ему не миновать старости. Потом увидел больного и осознал, что сам может стать таким. Задумался о смерти и ушёл в отшельники. Много лет странствовал, испытывая нужду и лишения. И однажды, сидя со скрещёнными ногами под деревом, в глубоких раздумьях, путник обрёл мудрость, и его стали называть Буддой — Мудрецом.

Будда говорил, что нужно всегда быть правдивым, делать добро, не заниматься воровством и не испытывать ни к кому злобы и зависти. Человек должен перестать желать для себя богатства и удовольствия, и тогда после смерти он получит новую жизнь в другом теле.

У Будды было много учеников, они странствовали с ним по Индии, живя подаянием.

Буддизм теперь распространился по всей Азии. Его приверженцы призывают любить и уважать родителей, хорошо относиться к рабам и слугам, помогать нищим, не убивать ни людей, ни животных.

Китайцы свято чтут своих предков, любят рассказы о старине и передают их из поколения в поколение. У них есть свои сверхъестественные силы — божества, духи, драконы.

Китайский мудрец Конфуций, современник Будды, по движению солнца, луны, звёзд угадывал волю Неба.

Он считал, что главная добродетель человека — уважение к старшим. Дети должны заботиться о своих пожилых родителях. Конфуций сравнивал семью и государство. Подданным следует почитать и слушаться правителя как отца, а ему — относиться к ним с отеческим вниманием и заботой. Мудрому правителю нужно быть справедливым, добрым и терпеливым.

Я перевёл некоторые высказывания Конфуция на русский язык — теперь больше говорю и думаю по-русски, в отличие от Лесмьяна, который общается со мной на языке нашей родины, чтобы не забыть его.

«Благородный человек лишён тревоги и боязни, ведь если не найдёшь внутри себя изъяна, то и нечего бояться».

«Казнить кого-либо, вместо того чтобы наставить на путь истинный, — бесчеловечно».

«Ничтожный человек стремится к выгоде, а благородный — к справедливости».

«Благородный человек винит себя, а ничтожный — других».

Мне удалось перевести и записать себе на память ещё немало притч — это настоящий кладёзь мудрости...»

«Лето 1208. Мы недолго находились в Пекине. Купили там фарфоровые блюдца, картину с горами и озером и статуэтку — музыкантов на верблюде. И ушли оттуда на северо-восток.

Теперь прибыли к Великой стене, протянувшейся на несколько тысяч километров. Любуемся с неё горами и холмами, покрытыми кустарниками. Это грандиозное сооружение называют «самым длинным кладбищем в мире» — при его строительстве погибло не меньше двух миллионов людей. Как говорили купцы, встреченные нами здесь, «каждый кирпич стены стоит одной человеческой жизни».

Странники, с которыми мы недавно общались, поведали о соседней империи Чингисхана. «Чингисхан» означает «хан с безграничной властью», на самом же деле его зовут Темучин. Он покорил все монгольские племена и был избран верховным правителем Монголии. Имеет стотысячную орду, в которой железная дисциплина. И собирается завоёвывать другие страны...

...Мы в раздумьях сидели на высокой стене, а вокруг громоздились горы и холмы. Долго говорили с братом о том, как дальше добираться до Европы, до Парижа и Оксфорда.

Нам предстоит ещё долгий путь, но надеюсь, что пройдем его благополучно, останемся живы и невредимы. Зил и Ромул теперь, наверное, на Юпитере, они хоть на короткое время прибыли к себе домой. А мы с братом, вечные странники, вновь ходим по неведомым землям. Но когда-нибудь тоже вернемся на родину, к маме, очень надеюсь на это...»

КНИГА СЕДЬМАЯ. МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ РУСЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СТРАШНЫЕ ВРАГИ

У Лесмяна распухла нога, и Лучьян купил тележку и долго возил брата по селениям, ища лекаря. Но никто не мог исцелить больного. Некоторые только брали деньги за лечение, а потом говорили, что здесь поможет только отрезание ноги. Однако в Ланьчжоу старый, опытный врач удалил опухоль с голени скальпелем и потом месяц обрабатывал её мазями. И Лесмян пошёл на поправку... Лучьян отдал целителю почти все свои сбережения, чтобы тот купил повозку с лошадьми, о которой мечтал. Братья пожили там ещё некоторое время, работая продавцами на рынке.

А потом они двинулись к землям половцев по степям и пустыням. Войска Темучина догоняли их. Монголы покорили уже почти всю империю Цзинь и хлынули на север, захватывая среднеазиатские города — Самарканд, Угрэнч, Отрар, Коканд и другие.

Лучьян много слышал о Темучине, от одного имени которого трепетали народы Азии — завоеванные и не завоеванные им. Этот хан, скрывавший своё настоящее лицо под видом благодушного и щедрого правителя, был очень жестоким. Ещё в детстве, оставшись сиротой, он предал мучительной казни тех, кто взбунтовался против его правления. Люди, подкупленные им и его окружением, выдавая себя за пророков, говорили, что сам Бог послал Темучина на Землю.

Лучьян и Лесмян шли через половецкие земли с толпами людей, направлявшихся в Волжскую Булгарию, в Переяславское, Рязанское и другие княжества. Жители в панике покидали селения, оставляя там всё имущество. Лучьян тревожился за Русь — неужели злой хан завоюет и её? Князя враждовали друг с другом вместо того, чтобы объединиться и защищать свои земли от врагов...

В пути братья познакомились со вдовой средних лет Евфимией, шедшей в Новгород вместе с маленькими детьми — двумя сыновьями и дочкой. Лесмян влюбился в неё, и вскоре у них завязались близкие отношения. Но, дойдя до Курска, они расстались — он с братом остался там, готовый биться с монголами, а она с семьёй двинулась дальше.

Жители южных стран, пришедшие в русские княжества, с ужасом рассказывали о монголах, разгромивших и обративших в бегство войско половцев. Русские люди не могли и представить такой беды. Половецкий хан Котян призывал их князей объединиться и дать отпор захватчикам.

Они послушались: собрав воинов, двинулись навстречу орде Темучина, или Чингисхана. Лучьян и Лесмян примкнули к рати князя Олега Курского.

Узнав о приближении русских, монголы отправили к ним послов с предложением напасть вместе на половцев, причинивших Руси много зла. Но князья приказали убить гонцов. Войска Мстислава Удалого и Даниила Волынского разбили встретившийся им передовой монгольский отряд и двинулись дальше.

Через несколько дней они вышли к реке Калке, где встретили монголов. Вступили в битву с ними и сначала побеждали их; особенно отличился в сече князь Даниил. Но затем половцы сбежали, русские вынуждены были отступить, и противники напали на них. Мстислав Удалой и Даниил Волынский уплыли на ладьях.

Лесмян утащил в ближний овраг Лучьяна, который был тяжело ранен и потерял сознание. Они чудом остались живы и не попали в плен. Младший брат несколько дней боролся за жизнь старшего, перевязывая его раны своей одеждой, и тот постепенно окреп.

Мстиславу Киевскому, другим князьям и их ратникам монголы предложили сдаться, поклявшись на кресте, что тогда не прольют ни одной капли крови. Но после сдачи в плен шестерых князей и семьдесят воинов враги обложили досками и задавили, сев сверху пировать. Остальных увели с собой.

Они гнали русских до самого Днепра, убивая мирных жителей, не щадя никого. Люди, испуганные этим нашествием, молились Богу, чтобы Он отвёл беду. И монголы ушли в Азию — Чингисхан отозвал их обратно.

Лучьян и Лесмян, двигавшиеся через Русь в Париж, в каждом

селении призывали людей быть готовыми к новому нападению захватчиков, просили передать князьям, чтобы те прекратили враждовать, объединились и стояли друг за друга, только тогда они смогут защитить свои земли от врага.

А сами братья собирались навестить родных, близких и друзей, оставленных давным-давно во Франции и Англии.

ГЛАВА ВТОРАЯ. БАТЫЕВ ПОГРОМ

Лучьян вместе с братом провёл в Англии несколько лет. Он был доволен тем, как сложилась жизнь его близких людей. Влас стал учёным, именитым человеком, выстроил неподалёку от Брайтона замок, который походил на королевский дворец, и жил в нём с бабушкой Анной, с женой и детьми. Удостоился многих наград и очень гордился своим званием профессора математики и титулом лорда-хранителя Большой печати. Анна совсем состарилась, и Лучьян в который раз задумался об изобретении лекарства для продления жизни землян.

У Власа и его жены было два сына, четыре дочери и один внук. Также он приютил нескольких осиротевших дворянских детей, их вместе с хозяйскими обучали верховой езде, военному делу, и они готовились к посвящению в рыцари. Влас оброс бородой, располнел. Он часто ходил на охоту и ел много мяса.

Лучьяна и Лесмяна поселили в просторных спальнях с широкими кроватями. Но старики любили проводить время в зале, уютном, украшенном коврами, картинами, статуэтками и прочим. По вечерам сидели там с хозяином у камина.

По утрам Влас и его семейство присутствовали на мессе в находившейся рядом с замком церкви. Потом завтракали. Затем лорд давал поручения своему доверенному человеку на день. Его жена и дочери занимались вышиванием, а сыновья проводили военные тренировки. Обед был богатым, сытным; если на нём присутствовали гости, то их развлекали шуты и музыканты. После при хорошей погоде Влас со слугами ехал на охоту, а при плохой — играл в шахматы или нарды дома. Вечером все молились и ужинали. Потом лорд принимал послов, решал хозяйственные вопросы, общался с людьми из замка. Затем семейство снова молилось и ложилось спать.

Посетив Париж, Лучьян и Лесмян встретились с детьми давно скончавшегося Шарля. Те рассказали, что Марьи и Марфы уже нет в живых, а об Илье и Дуне они ничего не знают.

До стариков дошла весть о том, что внук умершего Чингисхана, монгольский хан Бату, прозванный русскими Батыем, со своей ордой напал на Русь. Тотчас же братья отправились туда

на корабле, доплыли до Риги, а дальше двинулись пешком. Лучьян говорил Лесмяну, что князья должны теперь образумиться и вместе встать на защиту родины. Он очень переживал и молился за русский народ...

Старики прибыли в Новгород под утро. Жители не спали и не могли теперь спать: войско Батыя — татаро-монголы — находилось уже близко. Все в страхе ждали своей гибели. Лучьян и Лесмян расспросили людей о нашествии, узнали, что захватчики разорили и сожгли Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Переславль-Залесский, Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострому и другие города. И теперь, наверное, дошли до Твери или даже Торжка. Батый предлагал русским князьям покориться ему, стать его рабами, но они не захотели, и он устроил погром в их землях. Каких только зверств не учиняли враги в захваченных ими городах! Стреляли в людей, распинали, жгли их, предавали огню целые селения, не щадя никого.

Услышав про всё это, Лучьян и Лесмян стали собирать ополчение, намереваясь выйти из города навстречу Батыю уже в полдень. К ним примкнуло несколько тысяч человек — от отроков до стариков. Они вооружились мечами, ножами, топорами, серпами и другим. Перед походом Лучьян обратился ко всем с напутствием — ничего не бояться, ибо если умрут, то славной смертью. «Новгород мы не отдадим, княже, — сказал он молодому князю Александру Ярославичу. — Если понадобится, головы сложим за землю Русскую». Князь благословил их с Лесмяном, дал им лошадей, отправил с ними ещё своё войско, и ратники выехали из города.

Вечером, остановившись отдохнуть на берегу озера Ильмень, они узнали от встреченных путников, что татаро-монголы разорили Тверь и Торжок и, не дойдя до Новгорода сотни вёрст, повернули обратно. Лесмян призвал всех следовать за варварами, догнать и разгромить их. В дороге жители разных селений присоединялись к ополчению. Поговаривали, что Батый решил двинуться назад из-за весенней распутицы, а ещё до него долетели ложные слухи, что Лучьян собрал огромную армию в европейских странах и может быстро разбить захватчиков.

...Ратники проходили через города и сёла, сожжённые и разрушенные, и ужасались, и скорбели. Возле обгоревших домов лежали тела убитых, растерзанных людей. Ополченцы наспех захоранивали их тут же. Они подзывали к себе оставшихся в живых, боязливо прятавшихся в развалинах, кормили и утешали.

Тем временем Батый осаждал городок Козельск. Целых семь

недель враги не могли взять его и прозвали «злым». Жители дрались с ними до последнего дыхания, защищая князя-ребёнка Василия. Татаро-монголы удивлялись храбрости русских. Захватив город, они перебили здесь всех до единого.

Ратники, задержавшись в селениях, слишком поздно пришли к Козельску. И, ворвавшись в него, уничтожили часть ордынцев, грабивших дома, а остальных после тяжёлой битвы обратили в бегство. Те двинулись назад, в половецкие земли.

Когда Лучьян вернулся в Новгород, ему пришло послание от Власа — лорд беспокоился за них с братом, спрашивал, каково им в захваченной татаро-монголами Руси, и сам собирался приехать к ним. Старик сел писать ответ, он хотел успокоить внука, но тот уже знал о зверствах, учинённых захватчиками.

«Влас, здравствуй.

Орда Батыя опять приходила, разрушила Киев, Чернигов, Муром и другие города. Киевляне смело бились с ней, князя Михаил и Даниил Галицкий уехали в Венгрию просить помощи у короля. Захватчики стёрли с лица земли всё великолепие матери городов русских. Не дай Бог пережить то, что пережили бедные русичи. Ты уже слышал о жестокости татар. Для этих дикарей нет ничего святого. Когда они грабили Десятинную церковь, наше войско напало на них, но оно было таким маленьким, что враги тут же разметали нас; мы с Лесмяном едва скрылись от них.

Татары пришли из далёкой восточной страны, завоевали уже почти всю Азию и хотят захватить весь мир. Говорят только на своём языке, другие народы не понимают. У них огромное и сильное войско. Большинство их невысокого роста, коренастые, полноватые. Ходят в бычьих шкурах, перед битвами надевают железные пластины. Ты уже знаешь, что всех без разбору они убивают, кого ни встретят на своём пути. У них длинные и острые мечи и кинжалы. Воины хорошо лазают по деревьям. Татары едят всё — будь то даже собака, лягушка или насекомое. Их любимый напиток — кобылье молоко; пьют также кровь убитых животных. Не имея никаких законов, живут как хищные звери...

Мы с Лесмяном закалены в битвах и здесь почти не пострадали. Не тревожься о нас. Заботься о своих родных, занимайся делами. Передаю Анне и твоему большому семейству самые хорошие пожелания.

Ваш дед Лучьян».

Александр Ярославич отправил это письмо с купцами в Брайтон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Русь оказалась между двух огней. С востока шли на неё татаро-монголы, с запада — немцы и шведы, и тяжело было её князьям и всему народу...

Лучьян и Лесмян остались жить в Новгороде, построили там себе избу. Они подружались с молодым князем Александром Ярославичем, близко сошлись с его дружинниками и воинами — Гаврилой Олексичем, Василием Буслаевичем, Яковом Полочанином и другими. Александр был красив внешне, с восточными чертами лица и русыми кудрями, обладал доблестями правителя и воина — умом, добротой, храбростью, искренней любовью к своему народу.

Однажды Лучьян и князь встретили на улице Власа, только что пришедшего в город. Тот принёс плохую весть. Когда он высадился с торгового корабля в Ижорской земле, её старейшина Пелгусий, охранявший границы, увидел в Финском заливе скандинавскую флотилию и попросил его известить об этом Александра Ярославича.

...Это приплыли войска шведов, норвежцев и финнов. Их предводитель, зять шведского короля Биргер, велел сказать князю: «Иди сражаться со мною, если смеешь; я уже в земле твоей!»

Лучьян понял, что новая битва неминуема. У него ещё не зажили раны от предыдущих схваток с татаро-монголами... И он вместе с Лесмяном и Власом стал готовиться к походу. Александр, наскоро собрав небольшой отряд, обратился ко всем с такими словами: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии в оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовём... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог».

Епископ Спиридон благословил воинов возле собора Святой Софии, и Лучьяну сделалось так спокойно, словно впереди не было никакой сечи.

Ратники вышли из Новгорода в северном направлении. В пути к ним примкнуло много людей, в том числе ладожские ополченцы.

Русские встретили и атаковали шведов на берегу реки Невы.

Особое мужество проявили в битве с врагами посадники Сбыслав Якунович и Миша, который утопил три вражеских корабля, слуги князя Яков Полочанин и Ратмир и другие. Александр встретился на поле боя с Биргером и ранил его в схватке. Лучьян, Лесмян и Влас тоже бились смело, но отделались лёгкими ранениями. Вечером сражение закончилось разгромом шведов, ночью новгородцы захоронили тела убитых воинов, а утром уцелевшие противники уплыли на оставшихся судах.

...Вернувшись со спутниками в Новгород, Влас решил пока пожить у дедушки. Он занялся гончарным ремеслом, как в юные годы. Лесмян разыскал Евфимию и перебрался к ней. Оказалось, что она родила от него мальчика, которого назвала Данилой. Теперь это был высокий, крепкий парень со светлыми волосами и голубыми глазами, спокойный и добрый, помощник оружейника. Они с отцом часто навещали Лучьяна, и однажды племянник подарил ему кинжал с именной гравировкой.

Вечевой колокол призывал новгородцев собраться на площади. Псковитяне, побитые, израненные, явились перед ними: немецкие крестоносцы взяли Изборск и Псков, перебили многих жителей и теперь двинулись к Новгороду. На вече решили звать Александра Ярославича, который находился в Переславле.

Несколько отроков прибыли к князю и рассказали ему о случившемся. Решив поднять посадских людей и крестьян на битву с врагом, он отправился в Новгород. Лучьян, Лесмян, Влас и другие ходили по селениям и созывали мужчин.

Александр с дружиной приехал в Новгород. Там собрались жители всей республики. Толпа окружила князя с призывом: «Веди, Ярославич, дружины в бой!». Его брат Андрей привёл новых ратников.

Оружейник Яков с помощником Данилой раздавали шлемы, кольчуги, мечи, копья, топоры, и люди брали их и шли в бой. Копорье и Псков освободили быстро. Некоторых крестоносцев взяли в плен, а изменников, что показывали рыцарям дорогу, казнили.

Когда все прибыли на Чудское озеро, где находилась немецкая армия, Александр Ярославич, зная, что она поставлена «свиньёй», выстроил своё войско «клещами», чтобы окружить крестоносцев. Ратники с беспокойством вглядывались в белоснежную даль замёрзшего водоёма, сливавшуюся с небом; они не сразу рассмотрели рыцарей в белых мантиях. Лучьян, который сам раньше был крестоносцем, теперь сражался против них...

«Весна уже, и лёд стал тоньше — как бы не провалились под него наши», — сказал он Лесмьяну. «Враги куда тяжелее, они и искупаются», — ответил тот.

Немцы приближались на конях, вздымая облака снега. Развевались их флаги с чёрными крестами. Они ворвались в ряды русских, завязалась сеча, зазвенели мечи и копья. Лучьян не успевал биться с врагами — его отталкивали, отбрасывали в сторону, давили со всех сторон. Скидывая крестоносцев на лёд, Лесмьян и Данила закалывали их мечами. Мужики вилами и рогатинами доставали рыцарей с лошадей. Влас дрался один сразу с несколькими, у него выбили меч из рук, но дедушка протиснулся к нему и подал палицу, которой тот стал сокрушать врагов. Однако они окружили его, достали и проткнули длинными копьями, и он свалился замертво.

Немцы начали отступать, и русские погнали их по льду. Те долго сопротивлялись, но ратники потоком бросились и смяли ряды крестоносцев. Лёд под ними стал раскалываться, и рыцари пошли ко дну; они цеплялись за льдины, пытаясь выплыть, но из-за тяжёлых доспехов потонули.

...Лучьян, Лесмьян и Данила брели по уцелевшей ледяной корке, оглядывая тела убитых. Много воинов здесь полегло, некоторые оказались живыми, и их привели в чувство. Птицы уже летали над озером, ища мертвечину, чтобы поклевать её. Наши путники захоронили на берегу Власа, Якова и многих ещё погибших.

Александр Ярославич со славной победой входил в Псков со своей дружиной и ратниками. И народ с большим ликованием встречал их. Следом за ними с позором вели взятых в плен крестоносцев, которых решили менять на товар. Лучьян и Лесмьян, собрав рядом и ребятишек, и взрослых, и стариков, держа на руках маленьких деток, рассказывали о сече и бегстве рыцарей, которых в конце концов забрала ледяная вода...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. НА «СЛУЖБЕ» У БАТЫЯ

Батый разорил Галицко-Волынское княжество. Затем по совету киевского боярина Дмитрия повернул свои войска на запад. Татаро-монголы, разделившись на несколько корпусов, вторглись в Польшу, Венгрию, Хорватию, Сербию, Буковину, Молдавию и Румынию, Словакию и Силезию, разгромили европейские армии, подчинили себе правителей их стран и таким образом заняли всю Восточную Европу. Но по неизвестной причине вернулись в приволжские степи. Решив отделиться от других монгольских ханов и управлять завоёванными землями

самостоятельно, Батый основал новое государство — Золотую Орду.

Князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра, с боярами вызвали в Каракорум — столицу Монгольской империи. Долгая поездка по жарким степям и пустыням утомила, обессилила путников...

Они прибыли в город с дворцами знати, домиками ремесленников и храмами, вокруг которых стояли палатки и юрты.

Хан сидел в своём шатре на возвышении с одной из нескольких жён, а остальные супруги, дети и прочие родственники расположились рядом на скамейках. Князь, волнуясь, прошёл между двумя кострами, огонь которых, по поверью татаро-монголов, должен был очистить все злые намерения гостя. Он поклонился на юг тени Чингисхана и, войдя в шатёр, встал на колени и низко склонил голову перед Батыем. Тот смотрел на него высокомерно и презрительно. Таким унижениям, какое сейчас претерпевал Ярослав Всеволодович, подвергались все завоёванные правители. Каждый из них должен был получить ярлык от хана, без которого он не мог владеть своими землями. Новый повелитель налагал на князей большую дань.

Когда Ярослав Всеволодович разложил дары, привезённые Батыю, в шатёр вошли несколько слуг хана. Князь оторопел, увидев среди них Лучьяна и Лесмяна. И решил, что они ему почудились — не могли эти два почитаемых русским народом старца оказаться здесь. И протёр глаза, но братья не только не исчезли, а подошли к нему и поздоровались.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Это мои слуги, — ответил Батый. — Самсун, опять ты перебрал кумыса!

— Не я перебрал, а твои слуги его крепким сделали, — ответил Лучьян, шатаясь из стороны в сторону.

— Поди-ка отоспись, — велел ему хан.

Князь получил грамоту и вместе со стариками вышел из шатра. Он не сдержал гнева и воскликнул:

— Ах вы старые псы, Русь нашу предали! Испугались, к татарам переметнулись! Вот погодите, воздастся вам, найдёте здесь смерть лютую!

— Княже, не спеши судить нас, — ответил Лучьян, оказавшийся трезвым. — Ты думаешь, мы перешли на сторону Батыя? Нет,

не бывать этому! Нам тут тоже нелегко...

— Как вы здесь оказались? — спросил Ярослав Всеволодович. — И почему хан назвал тебя, Лучьян, другим именем?

— Это имя одного из богов на нашей родине. Батый не должен знать, как нас зовут на самом деле: Лучьян и Лесмян для татар — злейшие враги. Скоро увидишь, княже, чем мы тут заняты. По этому полю утром сборщики дани, или баскаки, поедут в русские земли, но не доберутся до них.

— Не доберутся? Как же вы их остановите?

— Остановим... Только пообещай, что ни одной живой душе не скажешь о нашей «службе» хану, иначе и мы, и вся Русь пропадёт.

— Даю слово...

Глубокой ночью, выйдя из города, Лучьян, Лесмян и Ярослав выкопали на одном из холмов несколько предметов, похожих на ящики, и зарыли их в поле. А утром раздался взрыв...

Вскоре там собралось много людей. Перед ними на вывороченной земле лежали окровавленные тела всадников и лошадей... Ярослав перекрестился, увидев это.

— О наших делах знаете только вы с сыном Александром, и никому больше не надо говорить, — шёпотом сказал ему Лесмян. — Мы собираемся уничтожить татарских военачальников, и смерть самого Батыя уже недалеко...

— Я буду молчать об этом... Но чем же вы убили баскаков?

— Минами. Здесь о них пока не знают. Езжай на Русь и ни о чём не беспокойся. Пусть люди думают, что мы перешли к Батыю, пусть ненавидят нас. Когда-нибудь они узнают правду...

Братья обнялись с князем на прощание, и он уехал.

Лучьян и Лесмян понимали, на что идут. За любую ошибку они могли поплатиться страшной смертью, поэтому действовали крайне осторожно.

Старики жили в хижине на окраине города. Лесмян ссорил Батыя со слугами, плёл интриги, из-за которых его люди убивали друг друга. Он мог украсть у хозяина какую-нибудь вещь и подбросить её полководцу или чиновнику, и того вскоре лишали жизни. Братья привезли сюда много материала для

тайных диверсий. И изготовляли по ночам мины, которыми потом уничтожали татаро-монголов. И иногда подсыпали ордынцам в еду яд, привезённый с собой. И хан ни в чём не заподозрил их.

По ночам они в своей хижине намечали планы на предстоявший день.

— Надо собрать всех русских князей, их дружины, рати и пойти войной на татар, — сказал как-то Лучьян.

— Князей уже не помиришь друг с другом, — вздохнул Лесмян. — Они не могут держаться сплочённо. И мы здесь не будем вечно — чувствую, что живыми отсюда не уйдём. Очень уж тут опасно...

Изготовив ружья и пули, однажды вечером братья устроили покушение в лесу на Батыя и нескольких полководцев, с которыми он ехал, но хан выжил — быстрый конь вынес его из-под огня.

В другой раз старики выкопали там же глубокую яму, набросали поверх неё веток и земли. Когда ордынцы возвращались из похода, они провалились туда, и Лесмян бросил в них две мины и уничтожил отряд.

Таких взрывов старики устроили ещё несколько, и Батый уже боялся отправлять на Русь баскаков, потому что их тут же убивало яркое пламя. Князья, приезжавшие сюда за грамотами, с презрением смотрели на Лучьяна и Лесмяна, но те были рады, что русские люди не догадываются, чем они здесь на самом деле заняты.

Баскаки не только собирали дань с князей, но и следили за их деятельностью. Если на князя кто-то доносил, хан вызывал его к себе, лишал ярлыка, а иногда и жизни, или отправлял к нему карательный отряд.

Лучьян и Лесмян уговаривали Батыя перестать мучить русских людей. Но тот послал однажды орду в Чернигов, и в поле снова страшное пламя с грохотом разметало воинов. Хан, решив, что какие-то неведомые силы не позволяют ему трогать русские земли, на время прекратил походы.

Однажды Батый вызвал к себе черниговского князя Михаила. Тот отказался кланяться тени Чингисхана и татарским идолам. «Я могу поклониться царю вашему, потому что Бог отдал ему судьбу государств земных, но христианин никогда не служит идолам!» — сказал он. Хан пригрозил, что убьёт

его за неповиновение. Князь не покорился и был замучен татарами до смерти.

Ярослав Всеволодович приезжал в Каракорум ещё раз, на курултай — всенародный съезд, на котором вместо умершего хана Угэдэя избрали нового — его сына Гуюка, — и скончался по пути домой, не выдержав долгой дороги...

Батый не мог понять, почему Лучьян и Лесмян заступаются за князей — из человеколюбия или вступили в сговор с ними? Он не знал толком, откуда родом эти старики, чем занимались прежде... И на какое-то время приставил к ним стражу.

Однажды к хану приехали князья Александр и Андрей. С большой радостью встретили их Лучьян и Лесмян. Долго беседовал Батый с Александром. Был впечатлён и его внешней красотой, и умом, и храбростью, и сказал: «Нет князя, подобного ему...» И дал старшему брату в управление Киев и всю Южную Русь, а младшему — Владимир и Новгород.

Андрей, вернувшись на родину, заключил союз с Даниилом Галицким, непримиримым врагом Орды. Узнав об этом, Сартак, сын Батыя, отправил воинов в карательный поход в его землю. Князь с семьёй бежал в Швецию, оставив княжество татаро-монголам, и оно было разорено. А потом передано Александру.

К сыну Батыя Сартаку приехали послы короля Франции Людовика IX во главе с монахом-францисканцем Гийомом Рубруком. Лучьян долго рассматривал одного из гостей — старого, седого, скрюченного... Да и тот внимательно поглядывал на него. А потом, после приветственных церемоний, вдруг взял его за руку.

— Лучьян, здравствуй! Это я, Илья, сын Ромула! Ты помнишь меня?

— Илья, конечно, помню! Мы ведь искали тебя!

К ним подошёл Лесмян, и они втроём обнялись.

— Я был в долгих походах, про которые пишу теперь мемуары, — сказал Илья. — Сейчас служу королю — это поистине святой человек... А вы — приближённые хана Бату?

Братья покачали головами. Они посвятили в тайну и Илью, заставив его поклясться, что никому об этом не расскажет. Он решил остаться с ними и помогать в борьбе с татаро-монголами, хотя старики были против: сами уже привыкли тут, наловчились, а соратник мог в любом деле выдать себя.

— На нас и так уже с подозрением смотрят, — вздохнул Лучьян. — Пора бежать отсюда, пока не растерзали...

— Нам надо ещё убрать Батыя, а это самое трудное, — ответил Лесмян. — Хорошо, если нас сразу убьют, а то ведь будут мучить... За смерть хана полагается жестокая кара, даже страшно представить какая...

Лучьян и Илья содрогнулись от его слов...

Батый решил перебраться поближе к русским землям и заложить город, который будет столицей его государства. Вместе со своим двором он приехал в низовья Волги и там основал столицу, которую называли Сарай-Бату, то есть «Дворец Бату». Простые дома построили из сырцового кирпича и дерева, а дворцы, храмы и общественные здания — из обожжённого кирпича на известковом растворе. Все их украсили узорами, некоторые — золотом. Сделали и водопровод, и канализацию, и даже отопление. Первое время тут жили только татаро-монголы, потом поселились русские, болгары, кавказские народы, византийцы. Сюда устремились купцы из разных земель.

Батый, хотя и был болен, скончался неожиданно. В тот же день ордынцы заметили, что Лучьян, Лесмян и Илья куда-то исчезли. Вскоре на пути из Монголии в Сарай умер Сартак. В обеих смертях обвиняли Лесмяна: он сделал лекарство для отца и затем подстерёг в дороге сына и угостил его кумысом в честь восхождения на престол.

И татаро-монголы, и русские поняли, что старики не служили Батыю, а вели тайную войну с ним. Они уничтожили сотни воинов и чиновников хана...

Русские люди прославляли Лучьяна и Лесмяна, а ордынцы страшно проклинали. Пообещав за их головы огромные награды, враги сами двинулись на Русь, в погоню за беглецами...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ. НОРВЕГИЯ

Наши путники благополучно добрались до Новгорода и встретились с Александром Ярославичем. Он решил отправить друзей в скандинавские страны, подальше от татаро-монголов, которые искали их по всем княжествам. Лучьян молился, чтобы они не вымещали злость на русских людях... Старики поплыли на купеческом судне в Норвегию.

За несколько дней пути Илья завершил работу над мемуарами о своей службе королю Людовику IX и о военных походах, в которых участвовал. Он решил написать ещё повесть о жизни Лучьяна и Лесмяна в ставке Батыя, основанную на их рассказах.

От юпитериан не приходило новостей, и братья задумались о строительстве нового космического корабля. Это было очень трудное дело: требовалось не только собрать аппарат, но и найти здесь, на Земле, топливо, на котором он полетел бы...

Приплыв в Осло, трое путников увидели, что там повсюду идёт строительство: деревянные здания обкладывают камнем. Один купец, немного обучивший стариков норвежскому языку, объяснил им, что претенденты на трон много воевали между собой, разоряли и сжигали город и теперь его одевают в камень, чтобы больше не горел.

Друзья, понимая, что ордынцы могут нагрянуть и сюда, решили двинуться дальше. Чтобы не заблудиться, пошли вдоль морского побережья, в юго-западном направлении. Они не могли налюбоваться природой севера — высоким небом и лёгкими облаками, прозрачными озёрами, горами и холмами, покрытыми растительностью, верхушки которых были в снежных шапках. Пройдя двести километров, остановились в одной деревушке. Там познакомились с рыбаком Гутлеифом, очень бедным, выживавшим за счёт продажи рыбы, выловленной в море, да птицы, подстреленной в лесу. Земля тут была неплодородной, урожай — совсем маленьким. Лучьян, Лесмян и Илья построили себе хижину и тоже стали ловить и продавать рыбу. Общаясь с местными жителями, они со временем хорошо выучили норвежский язык.

Крестьяне много рассказывали им о викингах — своих предках. Те тоже были отличными рыболовами и охотниками. И продавали европейцам ценный товар — мясо, рыбий жир, шкуры и меха. В открытых ладьях они избороздили все моря северного полушария. Колонизировали Исландию и Гренландию, завоевали Англию, нападали на средиземноморские страны.

Александр Ярославич не забывал своих верных друзей, передавал им через купцов дары и письма, в которых рассказывал, что происходит теперь на Руси. Ордынцы провели перепись её населения, наложили на неё огромную дань, обязали русских платить налоги на «кормления» чиновников нового хана Берке, брата Батыя, отчисления от торговых пошлин, устраивали поборы для правителя. Княжества обеднели и пришли в упадок.

Однажды рыбаки сообщили, что видели, как недалеко от деревни на побережье высадились люди с узкими глазами, и Лучьян и его спутники пришли в ужас: татаро-монголы добрались даже сюда! Надо было уходить. Гутлеиф сказал:

— У моего друга из соседней деревни есть повозка с лошадьми, он поможет вам. Идёмте!

Они побежали к его другу Фенрицу. Тот, узнав об опасности, грозившей старикам, быстро запряг повозку. И они, простившись с Гутлеифом и поблагодарив его за всё, тут же сели в неё, и хозяин погнал скакунов на северо-запад.

Скоро гористая местность сменилась равнинной и кони побежали ещё быстрее. Они неслись больше двух часов и, кажется, ничуть не устали. Путники миновали несколько деревень, затем потянулись бескрайние поля.

— Всё это монастырские земли, — сказал Фенриц. — Видите там, вдалеке, храм с подворьем? Духовенству неплохо живётся — король щедро награждает его земельными участками, и многие крестьяне завещают ему свои угодья. Здесь выращивают ячмень, овёс и рожь.

— Тут, похоже, нет такой раздробленности, как в Европе, — заметил Лучьян.

— Нет ни раздробленности, ни невольных крестьян, — согласился Фенриц. — Деревенские жители арендуют землю у крупных землевладельцев, а цену за неё устанавливает теперь сам король. Мало осталось людей со своими угодьями — алчные королевские чиновники силой забирают их у владельцев.

Ворота монастыря почему-то были открыты настежь.

— Наверное, гостей принимают, — улыбнулся Фенриц. — Давайте тоже заедем к ним, попросим воды. Мне нужно довести вас хотя бы до Бергена...

Но Лесмян почувствовал что-то неладное. Когда лошадей остановили у ворот, он велел всем оставаться в повозке, а сам осторожно прошёл во двор. И там увидел нескольких коней и услышал из какого-то дома речь на знакомом языке. Старик тут же вернулся к своим, взволнованный, бледный, и сказал:

— Здесь татары! Ищут нас...

Лучьян помог ему сесть в повозку, Фенриц подстегнул лошадей, и они во весь опор помчались дальше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. В БЕРГЕНЕ

Фенриц довёз путников до Бергена и уехал домой.

Во время прогулки по городу, рассматривая внутреннее убранство одного собора, старики познакомились с пожилым священником Бергтором, который рассказал им о язычестве викингов и появлении христианства, показал языческие узоры и романские статуи.

— Знаете «Сагу о баглерах»? Нет? — спросил Бергтор. — Она предвещает исчезновение язычества. В ней бог Один навсегда покидает Норвегию и является к кузнецу, чтобы тот подковал его коня...

Священник вместе с новыми знакомыми прогулялся по Бергену. На улицах, кроме норвежской речи, слышалась и английская, и немецкая. Сюда приезжало очень много иностранных купцов и перекупщиков.

Костяк населения города составляли ремесленники — сапожники, портные, ткачи, кузнецы, оружейники, мельники, мясники. Король Хакон IV, живший здесь, повелел людям одной специальности селиться рядом друг с другом в той или иной части Бергена, чтобы легче было вести над ними контроль.

Старики посетили рынок. Здесь торговали мехами, шкурами, сельдью, воском, серой, продавали аристократам привозные вина, мёд, пшеницу, роскошную одежду, красивую посуду, оружие. Сюда наведывались за товаром купцы из Англии, Германии, Голландии и других стран.

— Слышали о «Саге Тристрама и Исонды»? — спросил Бергтор. — В ней говорится о наших купцах. Они привозят в Англию диковинный товар с севера: кречетов и соколов, медвежьи, бычьи и козьи шкуры, моржовые клыки, меха бобра и соболя, шкурки белок и песцов и много чего ещё.

Была глубокая ночь. Старики расположились на полу тесной каморки в соборе: Лесмян и Илья спали, укрывшись медвежьими шкурами, а Лучьян и Бергтор, сидя возле камина, подбрасывали в огонь дрова.

— Бергтор, я не знаю, что мне делать дальше, — вздохнул Лучьян. — Мы с братом прибыли из очень далёкой страны и никак не можем вернуться туда. Татары захватили русские княжества, страшно зверствовали, убили очень много людей, и мы боролись с ними. Теперь они охотятся на нас...

— Не переживай, Лучьян, — успокоил его Бергтор. — Никакие татары тебя не остановят, ты вернёшься в свою страну. Мой

сын участвовал во многих походах, в нескольких войнах, шесть раз попадал в плен, однако выжил и не так давно приезжал ко мне. Так что не переживай. От судьбы не уйдёшь, на всё воля Господа...

Он лёг спать. А Лучьян долго ещё сидел у камина, вспоминая свою родину, дом, маму и всё семейство, друзей и университет, в котором столько лет преподавал...

Лучьян увлёкся «Песнью о Нибелунгах», рукопись которой достал у одного из священников — прочитал её от начала до конца, с любопытством следя за судьбами героев — Зигмунда, Зигфрида, Кримхильды, Брюнхильды, Гунтера, Хагена и других. Когда не был занят, брался за чтение. Каждую ночь, ложась спать, думал о том, что же произойдёт дальше. И, так как плохо знал норвежский язык, некоторые эпизоды произведения ему истолковывал Бергтор.

Он же поведал Лучьяну о скандинавской мифологии: о её девяти мирах — Асгарде, Ванахейме, Альвхейме, Мидгарде, Ётунхейме, Муспельхейме, Свартальфхейме, Хельхейме и Нифльхейме, — о мировом дереве Иггдрасиль, соединявшем их, о богах — Одине, Локи, Торе, Фрее, Хель и других.

Илья дал Лучьяну прочитать свою рукопись мемуаров. Вспоминая свою службу у Людовика IX, он отзывался о правителе с большой любовью и уважением.

Король искренне любил Господа и свой народ, призывал всех безоговорочно верить в христианскую религию. С вассалами и вообще со всеми окружавшими держался просто. Ел и пил то же, что другие, не позволяя себе изысков и излишеств, и одевался так же. Вино разбавлял водой, чтобы не пьянеть. Он не был алчным и не страдал жаждой наживы, считая, что захватчики и грабители — люди, служащие дьяволу.

Монарх любил гулять с приближёнными в Венсенском лесу, и там Илья познакомился с его молодым слугой Жаном де Жуанвилем, который впоследствии прославился как автор «Книги благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика». Он был мудрым, рассудительным и храбрым человеком, верным своему господину.

Илья, овдовев, пришёл на службу к Людовику. Ему довелось участвовать в Крестовом походе на Египет. Армия короля воевала с сарацинами — кочевниками, варварами, разрушавшими

селения. Она вела жестокие бои за города Дамьетту, Мансуру и Фарискур, но ничего не добила, только потеряла людей. Весь французский лагерь переболел цингой; Илья писал, что у него высохла и почернела кожа на ногах, губы и небо покрылись язвами, он несколько дней провёл в лихорадке, его бил озноб, из носа текла слизь, но чудом удалось выжить. Под Фарискуром Людовика и часть воинов, в том числе нашего героя, взяли в плен, и правитель выкупил не только себя, но и своих крестоносцев.

Илья был одним из послов короля к татаро-монголам, которые требовали от монарха высылать им каждый год установленную сумму денег, угрожая в противном случае напасть на его страну, как нападали уже на многие другие.

Илья с отвращением описывал жизнь и быт ордынцев. С омерзением рассказывал о вонючей провизии, которую они ели, об их ненасытном характере и животных инстинктах.

Повесть заканчивалась неожиданной и радостной встречей с Лучьяном и Лесмяном.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТЫМ МЕСТАМ

Зил и Ромул успешно добрались на корабле до Юпитера и совершили посадку в Грайюнкме. Там они навестили старых родителей и других родственников Ромула, посетили Каллир-Каден, где он когда-то преподавал, встретили некоторых его знакомых. Многовековое здание университета было отремонтировано и оснащено новым оборудованием.

Затем путники направились в Кириф. Зил наконец повидал своё семейство, значительно пополнившееся за годы его отсутствия, настолько огромное, что он не смог всех запомнить. Ромула принимали как дорогого гостя, кормили, поили и веселили.

Побыв немного с родными и близкими, Зил вспомнил про Лучьяна и решил ехать в монастырь к его матери — Грете. Она уже давно тяжело болела, и монахи заботились о ней. Настоятельница рассказала посетившим её Зилу и Ромулу, что у бедной старушки часто случаются судороги, страшные боли не дают ей ни работать, ни отдыхать. Верный друг Константин собирался свозить Грету к целебному источнику на юге Ганакоры, где когда-то лечилась его мать, теперь уже покойная.

Зил и Ромул навестили старую монахиню. Боли у неё временно утихли, и она расспрашивала гостей про Лучьяна, Лесмяна,

Амиза. Друзья скрыли то, что Амиз уже давно погиб. Они рассказали, что Лучьян и Лесмян женились и живут с семьями на Земле.

Грету навещали её потомки. Зил и Ромул познакомились с некоторыми из них.

Стефан, младший и любимый сын Амиза, основал город Кристалан, название которого можно перевести двояко: «христианский город» и «город Кристиана» — его прадеда. И стал правителем этого города и области, которая вскоре отделилась от Ганакоры. Образовалось новое государство — Кристалания. Стефан вёл активную внутреннюю и внешнюю торговлю, участвовал в нескольких освободительных войнах против агрессивно настроенных стран, пытался наладить дружеские отношения с великанами, но те оставались такими же грубыми и злыми дикарями, за исключением добрых горных великанов.

Другой сын Амиза, Созон, известный космический путешественник, поддерживал связь Юпитера с его спутниками и с Сатурном, сделал проекты орбитальных станций вокруг своей планеты.

Другие дети Амиза, его внуки и дальнейшие потомки стали знаменитыми политиками, учёными, деятелями культуры, педагогами, артистами. И в Ганакоре широко прославился род Амиза — человека, пропавшего без вести, но успевшего подарить стране много талантливых людей.

Возле источника со святой водой на фоне гор стояло несколько каменных часовен. Здесь было безлюдно, погода — тихая, безветренная. Константин называл «святыми часами» то время, когда он находился здесь.

Приехав к источнику, монахи умылись в нём. Константин, Зил и Ромул подвели Грету к воде и омыли ей лицо и руки. Она почувствовала себя легче, боли в теле притупились, судороги стали проходить. Старушка долго молилась в одной из часовен и благодарила Господа.

Путники решили совершить паломничество по святым местам Ганакоры и Кристалании. Они ехали на повозках из селения в селение. К ним присоединялись другие монахи, странствовавшие философы и бродяги.

В городе Кристалане паломники увидели большую статую Иисуса Христа, возвышавшуюся над зданиями. Её соорудили

архитекторы по велению Стефана полвека назад. Правитель был глубоко верующим человеком.

Он и всё его семейство с почтением приняли у себя в белораморном дворце гостей. Особенно радовался Стефан исцелению своей прабабушки. Государь накормил монахов обедом. Потом они все вместе отправились на прогулку по городу.

Грета и её спутники увидели на одной площади памятник Кристиану, а на другой — памятник учителю Мелфию. Стефан почитал своего прадеда, про которого ему рассказывала прабабушка. Кристиан ничем особенным не прославился, но правнук ценил его добродетельность, великодушие, мудрость и смелость.

Монахи побывали также в ганакорских городах Гелло, Аклее, Итесе и других. Они посещали православные храмы, которых становилось всё больше, и поклонялись мощам святых. Язычество уходило из городов, из стран, люди теперь молились Христу и Богородице.

Хотя большинство статуй языческих божеств в Ганакоре уничтожили, следы древних религий ещё оставались. Монахи увидели несколько огромных скульптур богов Самсуна, Гелло, Юйса и других. Проезжали мимо развалин храма Самсуна — таких гигантских размеров, словно его возводили великаны. Тут же находились руины древнего стадиона, где когда-то устраивались спортивные игры. А рядом возвышался холм, с которого, по преданию, весь пантеон богов наблюдал за состязаниями.

В городах Ганакоры стояло множество памятников известным людям, больше всего — её правителям.

Основатель Аклея Арон Смолоз, живший в I веке нашей эры, как рассказывала Грета, был прямым предком Кристиана. Монахи посетили его усыпальницу. Арон также являлся одним из первых проповедников христианства в стране.

Путники посетили старинные храмы, упоминавшиеся ещё в Священной книге, созданной многими летописцами. В ней рассказывалось о жизни народов южного полушария планеты, об их отношениях с Богом и о начале христианства.

Все монахи и особенно Грета остались очень довольны поездкой. Старая монахиня постепенно выздоровела, но сильно тосковала по Лучьяну и Лесмяну.

Зил и Ромул собрались лететь на Землю, чтобы забрать домой своих родственников и друзей. Грета попросилась с ними — так

ей хотелось поскорее увидеть любимых сыновей... Как Ромул с Зилом её ни отговаривали, она стояла на своём. И все начали готовиться к дальнему полёту.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ДОЛГИЕ ГОДЫ ПЛЕНА

В то время вернулся в Грайюнкм из дальней командировки Эл Книльхт. Он узнал от преподавателей Каллир-Кадена о том, что скоро за Лучьяном на Землю отправятся его друзья и мать и один из профессоров — Ион — тоже захотел лететь с ними. Эл решил предоставить для этого Зилу и Ромулу свой новый межпланетный корабль.

В полёт, кроме Зила, Ромула, Греты и Константина, собрались Стефан, его друг Юхим, слуга Якоб и племянник Мартин — профессор-астроном. Корабль Эла им очень пригодился — он был совсем новым, скоростным и мог добраться до Земли менее чем за неделю.

И вот судно, управляемое Элом и Ромулом, вылетело в космос. Грету и Константина разместили в мягких креслах, кормили и поили. Когда корабль миновал газовую оболочку Юпитера и с иллюминаторов сняли металлические пластины, Грета была поражена открывшейся картиной бескрайнего космоса — видом Солнца и дальних звёзд, а особенно — громадного оранжево-жёлтого шара, нависшего над судном. Зил объяснил старушке, что это и есть мир, в котором она жила. Он также рассказал ей и Константину о космосе, его устройстве — о Солнечной и других системах, о галактиках.

Старая монахиня побаивалась того пламени, к которому они приближались, но Зил объяснил ей, что корабль летит не к нему самому, а к Земле, которая находится ближе. Но она и Константин не смогли осознать некоторых вещей — например, что до дальних звёзд свет будет добираться долгие годы или что некоторые из них во много раз больше Юпитера и Солнца.

— Ромул, к нам приближается несколько кораблей! — обеспокоенно сказал Эл, глядя в телескоп.

— Подай им сигнал, — отозвался Ромул. — Возможно, это Лучьян и Лесмян.

Эл нажал на кнопку, и судно замигало. Встречная вереница кораблей направилась к нему. Замелькали огни, послышались выстрелы; суда застыли в космическом пространстве. Наши путники запаниковали, поняв, что это не Лучьян и Лесмян, но было уже поздно. Раздалось ещё несколько выстрелов,

и затрещали стёкла иллюминаторов. Вооружённые люди в металлических панцирях приставили к встречному кораблю телескопические трапы и перебрались в него. Что-то говоря на своём языке, они под дулом автоматов повели экипаж и пассажиров к выходу.

— Друзья, не бойтесь, — дрожащим голосом проговорил Эл, который сам был в ужасе. — Это космические пираты, они скоро нас отпустят — как только убедятся, что тут нечем поживиться...

По трапам наших путников провели в другой корабль. И там бросили в огромное помещение, уже заполненное несколькими сотнями пленников: марсианами, юпитерианами, сатурнианами, жителями спутников планет-гигантов. Ромул рвал на себе волосы, жалея о том, что посоветовал Элу просигнализировать кораблям — так пираты, может, и не заметили бы их...

Судно трясло, дремавшие невольники просыпались от шума. Двигатель затихал на время и снова начинал гудеть. Некоторые были ранены, и другие делали им перевязки. Грета перевязала многих. Она по-матерински успокаивала и жалела страдальцев, молилась за них, и пленники прониклись к ней любовью.

И вот корабль замедлил ход и стал разворачиваться. Столкнувшись с чем-то, он сделал ещё один виток и застыл. Тут же все почувствовали тяжесть — судно село.

В помещение вошёл офицер в бронежилете, с автоматом в руках, и его переводчик. Они построили пленных в колонны по двое и вывели в коридор.

Там пираты надели на них скафандры и провели по трапу на неизвестную землю. Перед ними в темноте лежала холмистая равнина без всякой растительности. Оказалось, что это один из крупных астероидов пояса, тянувшегося между Юпитером и Марсом.

Рядом опустился другой пиратский корабль, который тоже вёз пленных. Колонну погнали вперёд. Грете с каждой минутой становилось всё хуже в душном скафандре. Мужчины поддерживали её под руки и успокаивали.

Пленников пригнали к месту заточения — тёмной сырой пещере в одном холме, где им выдали и приказали надеть одинаковые синие костюмы, к которым были прикреплены номера. Раненым стали срывать повязки.

Почти сразу же их начали вызывать на допрос в другую пещерку в том же холме, где находилось начальство космических

пиратов. Оно через переводчиков сообщило пленным, что собирается захватить всю Солнечную систему. Им предлагали перейти в пиратские войска, и многие, струсив, согласились на это. Захватчики пытались вытянуть из невольников как можно больше информации о планетах Солнечной системы, в особенности о Юпитере и Сатурне. Ромул, Зил, Эл, Мартин и некоторые другие, самые стойкие, отказались давать какие-либо сведения. Тогда комендант распорядился держать их в заточении и морить голодом, пока те позже сами всё расскажут.

Вскоре пленных в нескольких кораблях доставили на Марс, который уже захватили пираты, и поместили в бывшее здание тюрьмы. И там почти совсем их не кормили, у них не было тёплой одежды, и многие погибли от холода и голода. Наши путники совсем отощали. И такие лишения им предстояло терпеть много лет...

Грету, Кристиана и других старейших людей отделили от остальных пленников, их ни о чём не спрашивали, лишь заставляли работать, прислуживать коменданту и всему начальству. Они делали ремонт и уборку в здании тюрьмы, подметали двор и так далее. Грета стала кухаркой коменданта, Константин — трубочистом. К старикам относились немного гуманнее, чем к остальным, но им тоже жилось плохо — еды давали совсем мало, все обитали в старых, холодных каморках.

Грета благодарила Господа за то, что Он оберегает её. Она чувствовала, что сыновья, находившиеся где-то далеко, молятся за неё и эта молитва спасает мать от всего плохого.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. МОГУЩЕСТВЕННЫЙ КАМИАСТА

Шли годы. Грета и Константин, потеряв счёт им, уже не надеялись на освобождение и приготовились доживать жизнь в плену. Пираты захватывали всё больше кораблей, совершавших перелёты с одной планеты на другую. К Юпитеру и Сатурну они приближаться пока не осмеливались.

Комендант ездил по марсианским городам и возил с собой Грету и Константина. Когда они находились в Паласте, несколько дней слышался грохот пушек — на пиратов наступали войска, очевидно, с Юпитера или Сатурна. Их передовые части ворвались в город, окружили и перебили пиратское начальство.

Чуть позже в Паласт вошла огромная армия, в которой были люди и обыкновенных размеров, и высотой в три метра и больше. Грета и Константин узнали, что в Солнечную систему прилетел правитель системы Альфа Центавра Эжен Камиаста с одной

из воинских частей и с помощью объединённых войск Юпитера и Сатурна разгромил пиратов.

Тут же солдаты освободили пленных. Грета и Константин несколько дней искали в городе своих спутников, но не нашли. Вскоре с войсками юпитериан в Паласт прибыли Лучьян и Лесмян. Старушка не могла поверить своим глазам, она плакала от счастья, обнимая и целуя любимых сыновей...

...В недавнем времени Лучьян, Лесмян и Илья перебрались из Бергена в одну рыбацкую деревушку и там попытались собрать летательный аппарат по новому плану, созданному братьями Смолозами. Для этого они купили в городе много материалов — им пришлось сплавлять металлы, создавать прочное стекло, строить систему управления полётом. Мужчины долго думали: что лучше всего использовать в качестве топлива? Наконец выбрали этиловый спирт и скупили его в городе и разных селениях так много, что заполнили бутылками и банками с ним три пещеры в горах. Они не знали, хватит ли этого до Юпитера, и полагались на судьбу...

Путники успешно испытали судно — оно был крепким, летало хорошо, хотя и во много раз медленнее современных юпитерианских кораблей. И в нём они, не имея гравитационного камня, должны были находиться в состоянии невесомости. Напоследок изготовили баллончики для кислорода. Все трое побаивались лететь. Понимали, что не смогут пробраться через раскалённую оболочку Юпитера — их судёнышко сгорит, — но надеялись долететь хотя бы до одного из спутников гиганта, а там — пересесть на пассажирский корабль.

Не сразу отправились они на Юпитер — сначала прибыли на Русь проститься с Александром Ярославичем. Он ездил в Сарай и на обратном пути остановился в Городце на Клязьме. Хан Берке продержал князя в Орде целый год, и по возвращении в родные земли тот тяжело заболел. Люди поговаривали, что его отравили.

Лучьян и Лесмян с Ильёй навестили Александра, он принял их очень радушно, но вскоре опомнился и велел им возвращаться в Норвегию — татаро-монголы всё ещё разыскивали их. Но путники не могли оставить больного князя. Тот доживал свои последние часы; измученный, мертвенно-бледный, сетовал на ордынцев и беды, которые они принесли, а верные друзья его успокаивали. В их окружении он скончался...

Русский народ сильно горевал о любимом князе. Лучьян, Лесмян и Илья в толпе провожали его в последний путь. «Закатилось солнце земли Русской!» — сказал, плача, митрополит,

когда встречал гроб Александра у Боголюбова. И люди ответили ему: «Погибаем!»

Тело великого князя похоронили в монастыре Рождества Богоматери во Владимире.

...Вскоре после этого Лучьян, Лесмян и Илья забрали Анну из замка английских Смолозов и улетели на своём корабле. У них закончилось топливо уже возле Фобоса, и они сели на малонаселённый спутник Марса. Вскоре туда прибыли войска из системы Альфа Центавра, а потом — с Юпитера и Сатурна. Наши путники узнали, что Солнечную систему пытались захватить космические пираты и теперь собрана большая армия, чтобы изгнать их. Лучьян, Лесмян и Илья тоже вступили в неё. И довольно скоро она разгромила захватчиков, некоторых взяла в плен, а большинство улетело восвояси.

Два брата после встречи с матерью долго разыскивали пропавших друзей и наконец нашли их в одной из тюрем города Децемуса на севере планеты. Зил, Ромул, Стефан, Юхим и Мартин были истощены, кожа обтягивала кости и рёбра. Ромул скончался на руках у Ильи, его не смогли спасти. Лучьян и Лесмян похоронили пленников, умерших в этой тюрьме...

Зил поведал друзьям о преподавателе Каллир-Кадена Ионе, который, испугавшись, перешёл на сторону пиратов, но вскоре погиб. Эл недоумевал, как такой достойный человек мог оказаться трусом и предателем.

Вскоре Лучьян со спутниками на большом корабле полетели на спутник Юпитера Ганимед — там всю объединённую армию ждал могущественный правитель системы Альфа Центавра Эжен Камиаста, который возглавил освобождение Солнечной системы от захватчиков. На просторах Галактики было много пиратов, грабивших и убивавших её мирных жителей, и воины с планет-гигантов хотели подписать с Камиастой договор о взаимопомощи в случае их нападения на ту или другую систему.

По дороге наши путники остановились на одной из орбитальных станций, чтобы поесть в столовой, отдохнуть и поговорить. За едой вспомнили прошедшие годы. Лучьян и Лесмян рассказали о жизни на Руси и в Норвегии, а их мать и друзья — о годах плена. Илья уже дописывал повесть о братьях Смолозах в логове Батыя. Он хотел издать две свои книги, как только все прилетят на Юпитер.

Жители системы Альфа Центавра внешне походили на обычных

людей, но имели рост семь-восемь метров и цвет кожи не только жёлтый, но и синий, и зелёный. Солдаты носили металлические панцири и огнестрельное оружие для защиты.

Камиаста был таким же великаном, с жёлтой кожей, белыми волосами, большими синими глазами, длинным носом и ушами, как у летучей мыши. На Ганимеде, в городе Вилле ему предоставили просторное здание клуба для публичных мероприятий. Сидя в белом костюме в мягком кресле, он наблюдал за входившими в зал. Сюда прибыло много политиков, чиновников и военных с Юпитера и Сатурна. Все суетились, рассаживались по местам. Работники клуба в спешке приносили откуда-то стулья тем, кому не хватило кресел. Правитель Альфы Центавры спокойно и величественно взирал на эту суматоху.

И вот наконец Камиаста обратился к присутствовавшим. Голос у него был очень громким. Он говорил на одном из языков своей системы, и каждому через наушники делали синхронный перевод на его язык.

— Уважаемые жители Солнечной системы! Я очень рад, что посетил вас, и особенно — что помог вам избавиться от космических пиратов. Меня зовут Эжен Камиаста — это два главных из нескольких десятков моих имён. Я управляю системой Альфа Центавра уже очень долго — за это время сменилось несколько поколений и произошло много важных событий. Я посетил некоторые звёздные системы, подписал договоры о взаимопомощи с жителями систем Сириус и Процион. Армия Альфы Центавры очень сильна и мощна, однако пока не может победить войска с Алголя, оккупировавшие её. Алгольцы — варвары, разграбившие десятки систем. Я не вмешиваю другие системы в эту беду, не хочу, чтобы они пострадали, но сам помогаю им чем могу. Таков мой принцип. И теперь предлагаю своим новым друзьям — жителям Солнечной системы — подписать договор о взаимопомощи. Надеюсь на сотрудничество с вами в торговле, научной и культурной сферах. Пусть же наша совместная деятельность будет плодотворной! Я рад, что нашёл вас!

Все заплодировали. И под торжественную музыку оркестра по двадцать четыре представителя из каждой звёздной системы поставили свои подписи на договоре. Один из политиков не смог прилететь с Юпитера, и Лучьян расписался вместо него.

Позже, когда проходил банкет в честь этого события, Лучьян с помощью переводчика обратился к Камиасте:

— Эжен, я долгое время жил на планете Земля. И там один народ, который искренне люблю, был захвачен варварами. Жестокие

татаро-монголы уничтожили много тысяч людей. Я очень прошу вас послать часть своих войск с нашими, юпитерианскими, туда, чтобы освободить безвинно страдающих пленников. Ваши солдаты-великаны могут сделать это быстро. Я же, со своей стороны, обязуюсь призвать юпитериан из десятков стран для полёта в вашу систему, чтобы тоже изгнать оттуда захватчиков.

— Я, конечно, помогу вам, и сделаю это сейчас же, — ответил Камиаста. — Но воинов с Алголя невозможно одолеть, вы просто не видели этих чудовищ. Мне не хочется, чтобы народ, о котором говорите, безвинно страдал. Я отправлю на Землю своих солдат, и они освободят от захватчиков любимую вами страну. Не беспокойтесь об этом.

Официанты приносили блюда и напитки, и Камиаста всё быстро съедал и выпивал. Старинный перстень с драгоценным камнем на его пальце сверкал и переливался всеми цветами радуги. Великий правитель постукивал им по столу в такт оркестровой музыке.

Когда в зал вошли несколько офицеров, он подозвал их к себе и долго о чём-то говорил с ними — видимо, приказывал готовить войска к полёту на Землю. Лучьян ликовал: наконец-то многострадальная Русь будет освобождена!

Братья Смолозы выступили перед юпитерианскими бойцами — поведали о бедственном положении Руси и призвали освободить её от захватчиков. Камиаста, отправив с ними несколько групп своих солдат на Землю, сам полетел на Юпитер — он хотел посетить многие страны.

...Армада кораблей летела к бело-голубой планете, Лучьян управлял одним из них. Одинаковые большие ракеты Альфы Центавры передвигались, выстроившись в несколько рядов, с одной скоростью. За ними разрозненно следовали суда юпитериан меньшего размера.

«Неужели скоро Русь будет освобождена? — с наслаждением думал Лучьян. — Ох, несладко придётся татаро-моголам, они за всё, что творили на чужой земле, ответят...»

Но в пути случилась авария: на ракеты Альфы Центавры налетела комета, уничтожила целый ряд, потом они столкнулись с юпитерианскими кораблями; суда взрывались и горели... Пилоты уцелевших стали переругиваться между собой по связи, сыпать обвинения друг на друга. Воины Камиасты заявили Лучьяну, не будут помогать армии Юпитера, в которой нет

единства и порядка. Все развернулись и двинулись обратно. Братья Смолозы звали их обратно, но безуспешно...

КНИГА ВОСЬМАЯ. ОСВОЕНИЕ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕЗИДЕНТ ГАНАКОРЫ

По прибытии в Грайюнкм Лучьян с Анной первое время снимали квартиру на окраине города. Они наняли рабочих для постройки большого частного дома в пригороде (в прежнем доме Лучьяна обитали дальние потомки, и он решил не тревожить их), затем перебрались туда и стали делать там ремонт. Лесмьян приезжал и помогал им штукатурить стены, клеить обои, устанавливать сантехнику, расставлять мебель и так далее. А потом часто навещал брата. Они вместе ездили к матери в монастырь, привозили ей еду, вещи и деньги, помогали монахам по хозяйству.

Лучьян написал и издал несколько книг о своём длительном путешествии на Землю: «Повесть о сыне моём — храбром Руслане», «Поход на Константинополь», «Не в силе Бог, но в правде!», «В логове захватчиков», «Странствия под северным сиянием». Его произведения стали популярными и в Ганакоре, и за её пределами, и ценились на вес золота.

Лучьяна приглашали на встречи с читателями, на книжные ярмарки в разные города, и он приезжал туда. К нему приходили толпы людей, чтобы увидеть знаменитого учёного и путешественника, поговорить с ним, приобрести книгу с автографом.

— Мы сами хотим побывать на этой планете, помочь землянам, — сказал один политик, навестивший его. — Можем подарить им многие свои новшества.

— Зачем? — возразил Лучьян. — Развитие должно идти естественным путём. Мы с братом тоже пытались там кое-что новое создать, но это плохо кончилось.

На самом деле он считал, что цивилизация портит народы, делает людей безнравственными, хитрыми, жестокими. Земляне казались ему более искренними и добрыми, чем юпитериане, и старик хотел, чтобы они такими и остались.

Имя и портреты Лучьяна замелькали на телеэкранах, в газетах и журналах. Его начали преследовать толпы поклонников, он много общался с людьми, отрываясь от своих основных дел, и так уставал, что, приходя домой, чуть ли не замертво падал на диван.

В политику Лучьяна привёл Эжен Камиаста, он же выдвинул нового друга в президенты. Миллиарды обитателей Альфы Центавры перебрались в Солнечную систему: их планеты захватили алгольцы — свирепые великаны, победить и изгнать которых не представлялось возможным. Они имели мощное вооружение и безжалостно уничтожали захваченные народы, и те, кто мог, улетали в другие звёздные системы. Камиаста велел своим воинам до последнего сражаться с врагом, но армия его была разгромлена. Оставшийся в Альфе Центавре заместитель правителя Ардалион Сквар призвал жителей сотрудничать с оккупантами, и некоторые подчинились, чтобы сохранить себе жизнь.

На выборы президента Ганакоры в Грайюнкм прибыл с огромным семейством и свитой Стефан — внук Лесмяна, правитель города Кристалана; они проголосовали за Лучьяна. Грета и Константин, а также многие друзья Лучьяна тоже приехали в город, чтобы проголосовать за него.

И он был выбран президентом Ганакоры, и большой груз обязанностей лёг на его плечи. Трудился почти круглые сутки — подписывал документы, проводил разные мероприятия, контролировал многие сферы деятельности в стране, принимал гостей из других стран, ездил в командировки. Также занимался благотворительностью — переводил средства детским домам, больницам, домам престарелых и другим учреждениям.

Однажды Лучьян и Анна посетили детский приют. Побеседовав в коридоре с малышами, старик обнаружил, что жены рядом нет, стал искать её и нашёл в одной из комнат — старушка, плача, обнимала и целовала маленького мальчика. Лучьян сначала немного удивился, а потом разглядел малыша и был поражён: тот как две капли воды походил на их покойного сына Руслана. Такие же черты лица, такой же взгляд, улыбка...

— Лучьян, это же наш Русланчик! — сказал Анна. — Это он! Он вернулся к нам...

— Ты его испугала, — ответил Лучьян, беря малютку на руки. — Как тебя зовут?

— Кри-сти-ан, — с трудом выговорил малыш.

— Хорошее имя, такое же, как у моего отца, и ты сам славный, — улыбнулся Лучьян, погладив его по волосам.

Он расспросил воспитателей о мальчике. И узнал, что, когда тот был младенцем, его принесли в корзине неизвестные люди, поставили её возле двери приюта и сбежали. Кристиан рос тихим, добрым, отзывчивым ребёнком.

Старики решили усыновить его. Они оформили нужные документы и взяли мальчика к себе. Одну из комнат обустроили под детскую, купили игрушки. Лучьян редко видел сына, он был почти всё время на работе. Воспитывая Кристиана, играя с ним, заботясь о нём, Анна вспоминала Руслана, которого когда-то так же растила...

Лесмян, ставший вице-президентом Ганакоры, невзлюбил Камиасту. Однажды он сказал брату:

— Этот тип не просто так нам помогает. Он здесь отсиживается, прячется от алгольцев. Надо гнать его ко всем чертям. Вот увидишь, он потребует за свои услуги войска со всей нашей системы для борьбы с алгольцами. Или потратит все её ресурсы на эту войну.

— А если война до нас докатится? — спросил Лучьян. — Нам теперь в любом случае придётся собирать армию со всех планет...

— Ганакорцы говорят, что ты пляшешь под его дудку, — продолжал Лесмян, не слушая брата. — И я согласен с ними. Он ведь тебя использует для своих прихотей. «Поезжай туда, Лучьян!», «Подпиши это, Лучьян!». Я прошу тебя — не иди у него на поводу, будь самостоятелен, иначе незванный гость задавит тебя.

— Мне кажется, ты слишком заработался, — вздохнул Лучьян, потрогав лоб брата. — Поехали ко мне пить чай, я покажу тебе наше сокровище — Кристиана.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕТСТВО РОДИТЕЛЕЙ

Братья зашли в дом потихоньку, стараясь не шуметь — Анна и маленький Кристиан уже спали.

Жилище теперь хорошо обустроили. В нём было много ковров и мягкой мебели — диванчиков, кресел, пуфиков. На первом этаже находился зал, кухня, туалет и ванная комната. На втором — спальня хозяев, детская, библиотека и маленький рабочий кабинет.

Лучьян провёл брата в детскую, показал ему спавшего мальчика.

— Он и правда похож на Руслана, — прошептал Лесмян. — Вы очень хорошо сделали, что взяли его к себе — у вас теперь опять настоящая семья. Заботьтесь о нём; я буду помогать вам.

Братья спустились на первый этаж, выпили чаю в кухне, поговорили ещё немного о своих политических и общественных

делах.

— Нам нужно навестить маму, — вспомнил Лесмян. — Мы уже давно к ней не ездили.

— Завтра и поедem, — решил Лучьян. — В кои-то веки у нас будет выходной... Я захвачу с собой деньги, которые хотел пожертвовать монастырю. Да и много нужно спросить у мамы, посоветоваться. Я сам давно уже старик, до сих пор совещаюсь с ней...

— Наша мама — мудрая женщина, — кивнул Лесмян.

На следующий день Лучьян с Лесмянem, Анной и Кристианem посетили монастырь. Грета снова страдала от болей во всём теле. Но никому не жаловалась на свой недуг. Константин заботился о ней, молился о её здоровье.

— Лучьян, Лесмян, подождите немного, — обратился он к прибывшим гостям. — Ваша мама сейчас спит, ей нужно отдохнуть, набраться сил. Она двое суток не могла уснуть от болей в груди, намучилась, бедняжка...

Лучьян обнял старика, который утирал слёзы:

— Не плачь, Константин, мама поправится...

— Я каждую секунду об этом молюсь, — тяжело вздохнул монах. — Знаешь, у меня ведь никого теперь нет ближе вашей мамы...

Несколько часов спустя, когда Грете стало лучше, Лучьян с семьёй пришёл к ней в келью. Сыновья обнялись с матерью.

— Мама, это мальчик, которого мы с Анной усыновили, — сказал Лучьян, беря малыша на руки и показывая ей. — Его зовут Кристиан — так же, как и нашего папу.

Грета взяла внука на руки, стала гладить по голове:

— Он ведь и похож на отца вашего... Я уже стала забывать, как муж выглядел, память делается всё хуже и хуже, да отыскала вот что... — она достала из сундука портрет очень красивого темноволосого юноши с большими чёрными глазами.

Лучьян и Лесмян стали разглядывать его, вспоминая отца. Мальчик и правда внешне походил не только на Руслана, но и на Кристиана-старшего.

Грета и Константин угостили малыша сладостями, напоили молоком. Лучьян рассматривал вещи матери, которые она

до этого перебирала в сундуке: старинный гребень, платки, нитки с иглками, письма и записки и многое другое.

— Мама, я совсем ничего не знаю о твоём детстве... — сказал он. — Как же так? И даже не интересовался этим...

— Да я же тебе, когда ты маленьким был, много рассказывала об этом, — ответила Грета. — Ты меня тогда обо всём спрашивал, интересовался...

— А я и не помню ничего, — засмеялся Лучьян. — То давно было, теперь я старик...

— Мама, расскажи о своём детстве, — попросил Лесмян, надеясь, что мать отвлечётся от повседневных мыслей о болезни.

— Тяжёлое было время — голод, войны, революции, — вспомнила Грета. — Правители стран враждовали друг с другом, рабочие, крестьяне, бедняки нападали на богачей. Я воспитывалась в приюте, у меня не было родителей...

— Ты совсем ничего о них не знала? — спросил Лучьян.

— Совершенно ничего... Меня нашли на крыльце в корзинке нянечки детского дома. И тот, кто подбросил её, не оставил никакой записки... Кристиан тоже рос без родителей, но знал, кем они были — он родился в большой семье капитана корабля в городке на берегу Южного океана, там сейчас и похоронен; мать и отец рано умерли, и его с братьями и сёстрами привезли в наш детский дом.

— Папа не рассказывал о своих братьях и сёстрах, — заметил Лесмян. — Мы даже никогда не видели никого из них. Хотя он изредка навещал одного брата, его дочь приезжала к нам погостить, это я помню...

— Он отрёкся от них, — объяснила Грета. — Однажды, когда случилась война и мы, воспитанники детдома, стали беженцами, братья и сёстры хотели продать его в слуги одному купцу, чтобы прокормиться. Но торговец дал им всем милостыню и, отведя Кристиана в сторону, посоветовал ему бежать подальше от таких родственников...

— Подлецы, — сказал Лесмян.

— Тогда он, ещё маленький мальчик, никуда не ушёл от них. Они всегда были несправедливы к нему: заставляли воровать для них еду; сваливали всю вину на него, когда хулиганили; потешались над ним. Но, уже будучи юношей, Кристиан устроил

им расправу, из-за которой нам и пришлось бежать в другую страну. Об этом потом расскажу.

Грета вздохнула, оглядела сыновей, прижала к себе малыша.

— В детстве у меня был свой маленький вымышленный мирок. Я общалась со многими детьми, но по-настоящему ни с кем не дружила... Жила среди придуманных героев, которые меня всегда понимали. Даже родителей себе выдумала. Нарисовала на холсте мужчину и женщину и всем говорила, что это мои папа и мама, что они скоро придут за мной. У меня были три куклы, о которых я заботилась как о собственных детях: сажала с собой за стол, «кормила»; шила им платья; ложилась с ними в кроватку и пела колыбельные... И чувствовала себя счастливой, воображая, что я — мама, куклы — дочери, а их папа будто бы на войне, но скоро вернётся. А когда впервые увидела Кристиана, высокого, красивого, доброго, то сразу подумала, что он и есть отец моих детишек...

— Только вместо трёх дочек у тебя родились три сына, — улыбнулся Лучьян.

— Я вас любила и люблю так же, как любила бы дочек. И была счастлива, что исполнилась моя мечта о настоящей семье, но всё омрачила гибель Гельяна. Ребёнка потерять — самое большое горе...

Грета снова загрустила, и родные и близкие начали её веселить, рассказывать смешные истории. Малыш привык к ней, стал называть бабушкой. Она ещё долго игралась с ним. Уезжая, Лучьян и Анна позвали мать к себе домой, и та согласилась навестить их в скором времени, если позволит здоровье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИДЕЯ КАМИАСТЫ

Камиаста получал от разведчиков информацию о положении Альфы Центавры: алгольцы строили на её планетах колонии; всех жителей завоёванной системы сделали невольниками. Многие, попав в плен, жалели, что не погибли — настолько тяжёлыми были условия. Пленникам не давали ни спать, ни есть, заставляя всё время работать. Большинство их погибло, а недееспособных оккупанты убили. Алгольцев называли «проклятием галактики»: они захватили уже несколько десятков звёздных систем и уничтожили в них почти всех жителей. Этих варваров никто не мог победить, им никто не мог помешать. Те, кто мог, бежали в свободные звёздные системы. В плену у жестоких великанов было почти невозможно остаться в живых. Они брали с собой на войну космических пиратов, обещая после завоевания системы поделиться

награбленным, но, как только захватывали её, тут же убивали своих помощников.

В Грайюнкм прилетел посол Камиасты Лир Гиваркон с трагической новостью: в плену погибла уже треть жителей Альфы Центавры. Некоторые части армии ещё пытались бороться с врагом, но и они собирались сложить оружие. «Пусть воюют до конца! — вскипел Камиаста. — Те, кто сдался противнику, — жалкие трусливые создания, достойные презрения!» Гиваркон вручил ему послание от Гасана Великого, правителя системы Алголь, прибывшего в Альфу Центавру. Переводчик, прочитав послание, сообщил, что тот вызывает Камиасту к себе.

Эжен не на шутку перепугался. Узнав, что он боится встречи с алгольцами и их предводителем, юпитериане в тысячах городов вывесили на зданиях плакаты с обращением к гостю и его свите, требуя улетать домой и не прятаться за чужие спины. Правителя Альфы Центавры называли трусом и дезертиром за то, что он в такое время отсиживался в чужой звёздной системе. Лесмян и другие политики также говорили ему, что не нужно скрываться от врагов.

Лучьян стал президентом всего Южного региона стран Юпитера — двадцати пяти государств. Он обратился к ним по телевидению: попросил жителей не прогонять Камиасту и оказать помощь беженцам с Альфы Центавры. И сам решил вместе с товарищем отправиться на встречу с Гасаном.

Его речь воодушевила юпитериан, они подчинились бесстрашному правителю. Скитавшимся переселенцам дали приют. Горожане убрали плакаты со стен домов.

Лучьян беспокоился о судьбе Альфы Центавры: он проводил совещания, касавшиеся помощи пленным жителям системы, составлял план дипломатического визита туда. Но Камиаста откладывал этот дальний полёт. На одном из заседаний он предложил освоить малонаселённые планеты и незаселённые спутники Солнечной системы.

— Для каких целей это нужно? — спросил Лесмян.

— Юпитер и Сатурн очень плотно заселены, — объяснил Камиаста. — Здесь жители друг у друга на головах ходят, а где-то так много свободных территорий...

— Это потому, что из вашей системы прибыли гости! — ответил какой-то политик. — На какие средства нам их содержать, если у нас самих много нищих, бездомных, больных?

Дело чуть не дошло до скандала, но Лучьян успокоил коллегу.

— Мы построим на новых территориях города, создадим военные базы! — продолжил Камиаста. — Я прошу вас, дорогие жители Солнечной системы: помогите нам! Мы должны собрать армию, изготовить оружие и совместными силами победить алгольцев!

Снова поднялся шум; политики бурно обсуждали его слова. Одни негодовали, другие не знали, что на это ответить.

— Друзья! Послушайте меня, — поднял руку Лучьян. — Никто из вас, я думаю, не хотел бы оказаться на месте жителей Альфы Центавры. Алгольцы создали им ужасные условия. Поэтому мы должны помочь беженцам, построить военную базу, создать мощную армию и освободить как можно больше пленных! И чем скорее, тем лучше! Нам самим нужно готовиться к нападению алгольцев. Надо объединиться с войсками Альфы Центавры для борьбы с проклятыми варварами!

— Верно, тут необходимо действовать сплочённо, — поддержал Лучьяна его друг, политик Августо. — И идея Камиасты полезна для нас. Мы должны подготовиться к защите нашей системы от страшных завоевателей.

И правительство Южного региона приняло решение о колонизации незаселённых территорий планет, спутников и астероидов и строительстве там военных баз. Лучьян и Лесмян под руководством Камиасты разработали план действий. Для освоения были выбраны Уран, Нептун и Плутон, спутники Юпитера Ио, Каллисто, Европа, Ганимед и спутники Сатурна Япет, Рея, Тетис и Диона.

— Я думаю, этого пока хватит, — сказал Камиаста. — Когда заселим планеты и спутники, то приступим к колонизации цепи астероидов.

Лучьян и Лесмян с недоумением посмотрели на него: зачем ему нужны такие огромные территории?

— Нам нужно построить тысячи военных баз, — заявил он. — Имейте в виду, я забочусь не только о своей, но и о вашей звёздной системе.

Сначала Камиаста отправил делегации на Уран, Нептун и Плутон. И, хотя большинство ураниан было против этой колонизации, скоро к ним прилетели армады кораблей с Юпитера.

Исследователи, облачившись в защитные костюмы, скафандры, изучали незаселённые территории планет и спутников с помощью специальных машин с приборами. На спутниках создавали искусственную атмосферу, прежде чем приступить к строительству

населённых пунктов и военных баз. Для их возведения были наняты миллиарды юпитериан, сатурниан, ураниан, нептуниан, плутониан, беженцев из Альфы Центавры. На базы привозили военную технику, там создавали оружие и космические корабли.

Через некоторое время Камиасте передали новое послание от Гасана Великого. «Великий Правитель Красного Глаза Демона, потомок в n-ном поколении Гуля Незапамятного, сына Повелителя Тьмы» требовал, чтобы тот прилетел к нему на одну из планет Альфы Центавры как можно скорее.

Видя, как колеблется его друг, Лучьян решил сам встретиться с властителем алгольцев.

— Не надо никому с ним встречаться, — сказал Камиаста. — Лучше быстрее собрать армию и атаковать врага.

— Это займёт много времени, — возразил Лучьян. — Чтобы собрать войско, способное противостоять полчищам алгольцев, понадобятся годы. Лучше я сам увижусь с Гасаном и мы всё обговорим.

Эжен устыдился того, что испугался, в то время как Лучьян, который был вчетверо меньше его, не боялся лететь в оккупированную систему Альфа Центавра... И он ответил:

— Я сам встречаюсь с ним. Твои коллеги правы: сколько можно прятаться от алгольцев и бездействовать... Вам с Лесмянном поручаю совершить дипломатические визиты на Уран, Нептун и Плутон. Поговорите с населением, узнаете, чем довольны и недовольны жители планет, проследите за ходом колонизации, строительством военных баз. Думаю, что скоро вернусь. Если же вдруг погибну, то ты станешь правителем Альфы Центавры, я доверяю тебе.

Лучьян долго успокаивал Камиасту, говорил, что тот обязательно вернётся. Хотя сам страшно переживал за него.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВИЗИТЫ НА ДРУГИЕ ПЛАНЕТЫ

Лучьян вскоре посетил планеты, которые колонизировали юпитериане.

Ураниане, хоть и выступали против заселения их планеты, боялись мешать вооружённым гостям. Жителей там было в тысячи раз меньше, чем на Юпитере, и освоили они менее десятой части суши. Так что колонизаторам и беженцам досталось много территории.

На Уране обитали и люди с несколькими цветами кожи, и великаны, и другие разумные существа, внешне напоминавшие

обезьян, медведей, бобров, котов и прочих животных. Их развитие оставалось на первобытном уровне, они жили в гармонии с природой, не воевали, не строили городов, ограничиваясь небольшими селениями.

За короткое время юпитериане освоили здесь большие территории и заложили новые города. Сюда прилетели миллионы беженцев из Альфы Центавры.

Лучьян пробыл тут недолго. Кратко осведомившись о делах, поговорив с уранианами с помощью своего переводчика Оливера, он отправился на Нептун: ему сообщили, что там один из правителей встретил колонизаторов враждебно.

В городе Церато политики увиделись с этим императором, похожим на огромную жабу. Лучьян упросил его быть более дружелюбным к юпитерианам. Он объяснил, что те заселят только пустынные территории, никому не принадлежащие, и что необходимо строить военные базы, так как Солнечная система под угрозой захвата.

Плутон был также малонаселённой планетой. Там обитали карлики с большими головами. Они жили в посёлках с искусственной атмосферой. По прилёте туда Лучьяна и его спутников стражи порядка обыскали и проверили металлодетектором, и один из них сказал:

— Всё в порядке, это юпитериане... Извините, мы проверяем всех прибывающих, — обратился он к гостям. — Есть подозрения, что алгольцы присылают в нашу систему замаскированных разведчиков.

Лучьяну перевели слова плутонианина.

Совещание провели тут же, в здании цилиндрической формы. Приняли решение о срочном возведении мощных военных баз на Плуtone и об эвакуации мирных жителей на Нептун.

Несколько лет жители Солнечной системы в страхе ждали вторжения захватчиков, но те пока не появлялись...

Камиаста летал в систему Альфа Центавра, но Гасана Великого не застал — тот по срочным делам отбыл в систему Процион. Алгольцы выдали Эжену документ, подтверждавший, что народы его системы теперь находятся в рабстве у них. И сказали ему, что он обязан будет регулярно посещать резиденцию их правителя, иначе они истребят всех жителей Альфы Центавры.

Камиаста вернулся в Солнечную систему, где быстрыми

темпами строились военные базы, а также орбитальные и межпланетные станции, похожие на огромные космические корабли, звездолёты, с гравитацией и искусственной атмосферой. Там поселились люди, в большинстве — военные. Орбитальные станции вращались вокруг планет и спутников, а межпланетные — летали по всей системе; миллионы дозорных патрулировали её пространство.

Камиаста был очень расстроен. Он понял, что весь этот ужас продлится до конца его жизни. Лучьян, встретившись с ним на Сатурне, в Леопальде, и узнав о случившемся, выступил на центральной площади города перед многотысячной толпой, рассказал о положении Альфы Центавры и добавил:

— Мы не будем просить помощи ни у кого! Сами разгромим алгольцев, посягнувших на свободу обитателей звёздных систем! Жители планет Солнечной системы должны объединиться против этих жестоких завоевателей. Да, война будет очень трудной и долгой, но мы обязаны так поступить. Иначе алгольцы доберутся до нас и превратят нашу систему в пепел! Я верю в вас, мои дорогие народы!

И он на глазах у всех видевших его в реальности и по телевизору порвал документ, выданный Камиасте алгольцами.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ

Юпитериане не хотели бросать свои семьи, дома, хозяйство и лететь осваивать другие планеты; на призыв Камиасты откликнулась небольшая их часть — отправились те, кто жил в одиночестве, бродяжничал или очень нуждался в деньгах. Труд рабочих, строивших селения и военные базы на осваиваемых территориях, оплачивался из государственной казны Южного региона.

Время шло. Для Лучьяна словно мгновение пролетели годы учёбы Кристиана в одном из лицеев Грайюнума, который тот с отличием окончил. Отец редко видел сына, занимаясь политикой и общественными делами. Мальчик рано начал работать — сперва почтальоном, затем подмастерьем у швеи, потом грузчиком. Поступив в Каллир-Каден, он стал публиковаться в одноимённой газете университета и в политической газете «Деловой город». Заботился о пожилой матери, они жили душа в душу.

Однажды Лучьян обрадовал их известием о предстоявшем путешествии по Солнечной системе на межпланетном корабле своего друга, капитана Ятташа. Он собирался взять с собой и Грету с Лесмяном и Константином.

Вылет состоялся из Большого космопорта Грайюнкма. На судне были десятки тысяч туристов, съехавшихся из многих стран.

Корабль внешне походил на авианосец. Выйдя на его палубу, люди оказывались в открытом космосе, но никуда не улетали и не задыхались — там имелаась гравитация и искусственная атмосфера. И многие пассажиры свободно гуляли и рассматривали звёзды, и лишь некоторые боялись выходить из внутренних помещений.

Лучьян представил своих спутников капитану Ятташу, и врачи судна занялись лечением Греты, Анны и Константина. Им делали массажи, иглоукалывание, они принимали медицинские ванны. Эти процедуры улучшили самочувствие стариков и в целом укрепили здоровье.

На корабле был кинотеатр. И Грета однажды отправилась на мелодраму о короле Берксе — правителе Ганакоры, который умер за несколько лет до её рождения. Дед Кристиана-старшего Эдвард Смолос служил при его дворе. И он несколько раз появился в фильме вместе со своими детьми.

Грета очень удивилась. Встретившись позже с Константином и сыновьями, она рассказала им обо всём, и они вместе отправились на эту картину. И потом увиделись с актёром Жулио Гелером, исполнителем роли Эдварда, тоже находившимся на судне — он подписал им автографы и подружился с семейством.

Ещё один приятный сюрприз ждал Грету и её близких чуть позже. Лучьян увидел афишу нового фильма и долго протирал глаза, думая, что зрение обманывает его либо это сон. Но всё происходило наяву: картина называлась «Лучьян и Гельян».

Вскоре семейство пришло на эту мелодраму. В ней были и Грета с Кристианом, ещё молодые, и Лучьян с Гельяном, похожие друг на друга как две капли воды, и малыш Лесмян, и старец Мелфий, набожный и рассудительный, и друзья близнецов. Грета и Лучьян вспомнили те трудные, но добрые времена и прослезились...

Позже они познакомилась с режиссёром этого фильма Давидом Ливсом, который рассказал им, что картину ему помогли создать историки и исследователи жизни Лучьяна.

Однажды, когда Лучьян и Лесмян гуляли на палубе, а остальные сидели в маленьком кафе, Кристиан-младший обратился к Грете:

— Бабушка, ты когда-то рассказывала о своём детстве... Я был ещё маленьким, но всё помню — и про детский дом, и про кукол, и про дедушку Кристиана. А что происходило дальше? Ты говорила, что он отомстил своим братьям и сёстрам, после чего вы с ним бежали...

— Да, трудно нам тогда было, — кивнула Грета. — А всё равно люблю вспоминать то время. Юность, первая любовь, вся жизнь впереди... Ну, слушайте...

И все поближе придвинулись к ней, боясь пропустить хоть слово из её рассказа...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. «МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ВМЕСТЕ...»

Кристиан очень нравился Грете, но она, будучи робкой и застенчивой, могла только наблюдать за ним издали. Да и где это видано, чтобы маленькая девочка сама заговаривала с мальчишкой, который старше её...

Впрочем, разница между ними составляла всего четыре года, он просто выглядел старше своих лет. Был высоким, худым, загорелым. Обучаясь в школе, работал подмастерьем у кузнеца, получал небольшое жалование. Ходил в старой одежде, питался в дешёвой школьной столовой.

Братья обижали его, сёстры тоже относились к нему плохо. Старались вытянуть у него деньги или продукты, которые он себе покупал. Грете было жаль Кристиана, она понимала, что из-за своего доброго характера, отзывчивости, желания заботиться о родных мальчик не может им отказать.

Его братья, Рудольф, Геральд и Ренольд, до того обнаглели, что стали уже не просить, а отбирать у него деньги. Но как-то Кристиан намекнул дармоедам, что пора самим начать зарабатывать. «Я не могу отдавать вам всё моё жалование! — сказал он. — Мне тоже нужно на что-то жить!» Они сильно озлобились...

На другой день работники детдома нашли Кристиана истекающим кровью в канаве. Он долго был без сознания. Очевидцы говорили, что его избили и обобрали уличные хулиганы в чёрных масках. Юноша несколько дней приходил в себя. Поначалу не помнил ничего, не узнавал никого из знакомых, но затем память стала проясняться...

Грета и её подруги ухаживали за ним. Она приносила ему еду из столовой, перевязывала его раны, ходила за лекарствами, приводила врачей. Почти месяц Кристиан пролежал в кровати. Тело болело и ныло, голова кружилась. Братья и сёстры,

делавшие вид, что тоже беспокоятся о нём, изредка навещали парня.

Эта беда объединила Кристиана с Гретой. Видя её заботу, он стал сам внимательнее к ней относиться и через некоторое время влюбился. И однажды признался ей в этом и поцеловал девочку...

Но вскоре она невольно подслушала разговор братьев Кристиана и узнала, что это они избили его и обокрали... И, когда он поправился, рассказала ему обо всём.

Кристиан жил воспоминаниями и мечтами о будущем. Он поведал Грете о жизни в посёлке на берегу Великого Южного океана. «Маму я почти совсем не помню, — говорил юноша. — Отец пережил её на два года. Они были замечательными людьми — мудрыми, щедрыми, отзывчивыми. Жаль, что так рано ушли из жизни — виной тому страшная эпидемия, которая тогда бушевала... Старшим братьям и сёстрам не нравилось, что родители больше внимания уделяют мне, чем им... Мама нарисовала мой портрет, когда мне было два года. Я с ним не расстанусь — это единственная память о ней...» И он показал Грете рисунок: маленький мальчик в рубашке, темноволосый, черноглазый, удивлённо смотрел куда-то в сторону...

«Когда-нибудь у нас с тобой будет свой дом и много-много детей, — мечтал Кристиан. — Ты хочешь большую семью?»

Грета очень хотела. Когда-то она заботилась о куклах, но то были игрушки, а это дети — настоящие, живые...

Братья Кристиана пьянствовали в заброшенном домике на окраине города, отмечая день рождения Рудольфа. Появление младшего брата стало для них неожиданностью.

— Что тебе здесь надо? — обратились они к нему. — Зачем пришёл?

— Хочу поздравить братишку, — ответил он, выхватил у Геральда из рук бутылку и разбил её об голову Рудольфа, и тот упал.

Кристиан взял шампур, на котором парни жарили шашлыки, и вонзил его в живот Геральда, затем проткнул им ногу Ренольда, и они тоже повалились на пол. Младший брат бросил тут же своё оружие и ушёл...

Вскоре весь город узнал об этом происшествии. Трое юношей получили серьёзные травмы и долго лечились в больнице.

Кристиана объявили в розыск по стране.

Грета думала, что вряд ли теперь увидится с ним. Ему надо было скрываться, бежать, и как можно дальше. Но вскоре он пришёл за ней... И она, собрав вещи, ушла с ним...

Они долго странствовали, ели и спали где придётся. Однажды Кристиан проснулся в хорошем настроении и поведал Грете, что ему приснился отец, который рассказал про клад, зарытый там, где они раньше жили — на побережье Южного океана, под одной из скал. И двое возлюбленных устремились туда.

Путь был трудным. Сначала они шли по горной местности, затем переправлялись на бревне через широкую реку, а после миновали пустыню.

Придя на побережье, Кристиан нашёл знакомую скалу, возле которой его семья любила отдыхать, и с помощью Греты раскопал под ней яму и вытащил сундук с деньгами Смолозов.

— Папа, спасибо тебе... — прошептал юноша, открыв его и прикоснувшись к монетам, рассыпанным на дне. — Этого нам хватит на первое время, а потом я буду работать, — и он посмотрел на Грету. — Теперь мы всегда будем вместе.

— Мы никуда друг от друга не денемся... — прижалась она к нему.

— Всякое было, — заканчивала рассказ Грета. — И неудобства терпели, и голодали, и с места на место переезжали... Потом уж у нас свой дом появился, когда Лесмяню исполнилось два года. Так и прожили с Кристианом душа в душу до самой его смерти, троих сыновей вырастили... И предсказание Арагуи сбылось.

— Какое предсказание? — спросил вернувшийся с прогулки Лучьян.

— Разве ты не помнишь? — улыбнулась Грета. — Я же тебе рассказывала. Когда наша семья жила в королевском дворце, кухарка короля, целительница Арагуя нагадала мне, что родятся у меня два сына, один из которых совершит много славных дел, а другой будет заниматься воровством и грабежом. «Но доблести первого сына затмят в очах твоих плохие дела второго», — сказала она.

— Гельян всё равно был славным, — вспомнил Лучьян. — Мы с ним чувствовали друг друга — когда он погиб, я тоже едва не был убит при осаде нашего университета врагами и потом звал его в бреду. Тогда жизнь была неблагополучная — даже

в мирное время всюду на дорогах и в небольших селениях орудовали разбойники...

— Плохое время было, — согласился Константин. — Меня тогда в тюрьму посадили ни за что.

— Как это случилось? Расскажи теперь ты о себе, — попросил Кристиан.

— Да что рассказывать... Я ведь жил с матерью, отца у меня не было. Учился в семинарии. Со сверстниками мало общался, у меня какие-то уж слишком строгие были представления о жизни, это я сейчас понимаю. В молодости служил в церкви. Были на меня травли, особенно во время войн. Однажды император попросил благословить его войско, которое отправлялось в завоевательный поход. Я не только не сделал этого, но и стал говорить, что он задумал большой грех. Тогда меня и арестовали. Долго я просидел в тюрьме, меня пытали, руку и ногу сломали, не понимаю, как вообще жив остался. А когда на ту страну напали и пришёл другой правитель, меня выпустили и я ушёл в монастырь, где до сих пор живу.

— Как хорошо, что вы теперь есть друг у друга и у нас всех, — Лучьян сел между Гретой и Константином, обнял их. — Всегда будьте здоровы и счастливы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. В ОДНОМ ИЗ САНАТОРИЕВ НЕПТУНА...

Лучьяна утомила его работа, он взял длительный отпуск и на время передал полномочия своему заместителю — Лесмяню. И отправился с Гретой, Анной и Константином на Нептун, в один санаторий, где отдыхали и юпитериане, и сатурниане.

Он находился рядом с природным заповедником, поблизости были ещё лес и озеро. В свободное время старики гуляли там, кормили уток, собирали грибы и ягоды. А в остальные часы занимались физической культурой и лечебными процедурами: им так же делали массаж, иглоукалывание, наливали медицинские ванны.

Лучьян некоторое время сопровождал спутников, потом был освобождён от терапии и начал писать политические, экономические, социологические статьи, собираясь по прилёте на Юпитер опубликовать их. Ему пришла идея написать большой роман о жизни матери. Он многое о маме знал сам, а за недостающими сведениями мог обратиться к ней.

И Лучьян сделал первые наброски. Каждую главу решил сопровождать эпиграфом или стихами. Эпиграфом всего

романа стала пословица: «Ближе матери друга нет».

Сидя с мамой на скамье возле озера, он прижимался к ней и чувствовал её тепло, всё тот же вкусный запах хлеба, как в детстве, когда она пекла ему и братьям лепёшки... И сын был счастлив. Мама жива, у неё всё хорошо... А остальное не так важно.

Лучьян о многом жалел теперь. Сколько времени он мог провести с матерью! Но постоянно куда-то уезжал, улетал. Только на Земле провёл полтора века в общей сложности, а что уж говорить о других путешествиях! Сколько лет странствовал по Юпитеру, Сатурну, Марсу... А мама ждала сына и молилась за него... Она уже так отчаялась, что сама отправилась искать его и попала в долгий плен к космическим пиратам...

«Из троих сыновей только Лесмян оказался путным, — думал Лучьян. — Гельян погиб из-за своей глупости, я скитался по другим планетам. Лесмян старался не покидать маму, заботился о ней, хотя тоже долго пробыл со мной на Земле».

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он садился писать роман. В произведении было множество персонажей, оно, кроме жизнеописания Греты, вмещало в себя немало исторических событий, так или иначе связанных с героиней.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «КНИГА О МАТЕРИ»

Лучьян писал произведение в санатории на Нептуне, после чего с родными вернулся на Юпитер и прервался на несколько лет. Потом возобновил работу над романом. Трудился над ним дома, на работе, в поездках — всюду, где только мог, когда у него появлялось свободное время.

Кристиан окончил Каллир-Каден и получил должность секретаря в правительстве Южного региона. Он помог отцу издать книгу. Она стала широко известной — её читали все: от мала до велика.

На светло-зелёной обложке тома было название «Книга о матери» и изображение пожилой монахини.

Роман состоял из введения, пяти частей и заключения. Лучьян писал произведение очень долго — по нашему летоисчислению это 1292 — 1312 годы.

Во введении он рассказал, как собирал материал и работал над книгой.

В первой части, под названием «Мои родители», рассказывалось о детстве родителей Лучьяна в приюте, об их скитаниях после ухода оттуда.

Во второй части — «Наша семья» — автор вспоминал уже о своих детских годах и студенчестве.

Третья часть — «Молитва матери» — повествовала о том, как мать переживала его скитания по дальним странам. Он считал, что много раз в опасных ситуациях оставался жив благодаря её молитвам. «Спасибо моему брату, что заботился о маме, когда меня не было рядом — все те долгие годы, пока непутёвый Лучьян скитался по чужим странам...» — писал автор.

Четвёртая часть называлась «Константин» и посвящалась жизнеописанию верного спутника матери в пожилые годы. Здесь рассказано о его трудном детстве и молодости, о жизни в монастыре и дружбе с Гретой. «Константин сделался земным ангелом-хранителем моей мамы, — писал Лучьян. — Это старец с чистым и добрым сердцем. Он был с ней в горе и радости, она осталась у него единственным близким человеком после смерти его матери».

Пятая часть — «За пределы родного мира» — рассказывала о том, как Грета впервые отправилась в космос, чтобы разыскать сыновей, и попала в плен к космическим пиратам. Лучьян страшно ругал себя, считая, что он виноват в случившемся...

В заключении автор желал своей маме крепкого здоровья и ещё долгих-долгих лет жизни.

Многие, прочитав его роман, стали лучше относиться друг к другу, сильнее любить и уважать родителей, заботиться о них. Грета не могла поверить, что ей посвящено такое огромное произведение. Но Лучьян сказал маме: «Ты заслуживаешь только лучшего, я не дал тебе и тысячной доли всего, чего ты достойна». И она поняла, какого хорошего сына воспитала...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПРОЩАНИЕ С БЛИЗКИМИ

После написания «Книги о матери» для Лучьяна наступили трагические годы. Ещё во время её создания он потерял своего родственника — Стефан, отправленный с другими юпитерианами на колонизацию Венеры, заблудился в космосе и сгорел, подлетев слишком близко к Солнцу.

Потом в Ганакоре случилась эпидемия чумы, которая подорвала здоровье Греты, Константина и Анны. Люди гибли тысячами, десятками тысяч... Грета, заразившись, уже не выправилась. Оказавшись в больнице, она угасала с каждым днём, с каждым часом... Ничто ей не помогало — никакие лекарства, сыворотки не вылечивали её...

Однажды старушка позвала сыновей. Лучьян и Лесмян пришли

к ней в палату встревоженные — оба предчувствовали что-то плохое...

— Сыночки мои, я ухажу, — сказала Грета. — Не давайте больше никаких лекарств, смерть уже пришла за мной, мне пора... Будьте дружны, любите друг друга и не ссорьтесь никогда. Я люблю вас, мои мальчики, — она привстала и обняла их. — Прощайте, мои милые, мои хорошие. Заботьтесь о Константине, об Анне. Оставайтесь такими же добрыми, а я буду радоваться, глядя на вас с небес...

Старушка глубоко вздохнула, закрыла глаза и опустилась на кровать. Врачи снова вкололи ей сыворотку. Два брата, выйдя в коридор, плакали не переставая. Вскоре они узнали о смерти матери...

Лучьян собрался отравиться большой дозой снотворного, но Лесмян вовремя заметил это и вырвал у него из рук баночку с таблетками. Монахини обмыли тело Греты, одели в новую рясу, отпели в храме и вместе с её сыновьями повезли хоронить на побережье Южного океана — в одной могиле с мужем.

Спустя несколько месяцев, когда чума ещё бушевала в Ганакоре, умер Константин, а после него — Анна. Лесмян тоже заразился, но смог вылечиться.

Константин был погребён возле монастыря, в котором прожил много лет, а Анна — неподалёку от своего дома под Грайюнкмом.

Грету и Константина церковь вскоре канонизировала за многие добрые дела, совершённые во время жизни в монастыре.

Юпитериане построили на колонизированных территориях тысячи военных баз. Камиаста собирался лететь в свою систему, чтобы узнать обстановку и лучше оценить силы противника. Лучьян сказал, что отправится с ним. Тот принялся отговаривать его, понимая, как ему тяжело после смерти матери, но друг настаивал, говоря: «Мне теперь уже нечего терять».

Камиаста понял, что он не отступит. И они начали готовиться к полёту в систему Альфа Центавра.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>